The background of the cover is a landscape photograph. It shows a wide, grassy field in the foreground, with a line of trees and a small settlement of white buildings in the middle ground. The sky is overcast with grey clouds.

А.М. Илюшин

КУРГАНЫ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ

БЛИЗ УСТЬЯ УРА

Кемерово 2012

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУЗБАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т.Ф. ГОРБАЧЕВА»

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

***СЕРИЯ: ТРУДЫ КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ТОМ 4***

А.М. ИЛЮШИН

**КУРГАНЫ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ
БЛИЗ УСТЬЯ УРА**

МОНОГРАФИЯ

Кемерово 2012

УДК 930.26/930.85
ББК Т4 (2Рос 53-4Ке) 4-431.1
И43

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН
заслуженный деятель науки РФ **А.И. Мартынов**

Рецензенты:

доктор исторических наук **А.А. Тишкин**
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**
доктор исторических наук **Е.И. Нарожный**

И43 Илюшин А.М.

Курганы поздних кочевников близ устья Ура: монография.
– Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. – 188 с.
ISBN 978-5-89070-857-1

В монографии публикуются и анализируются материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на курганной группе Конево. Приводится письменное и графическое описание результатов и материалов раскопок. Осуществляется системный анализ культурно-исторических артефактов по программе пополнения банка данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины. Исследуются вопросы хронологии и датировки закрытых комплексов различной величины и памятника в целом. На новых археологических материалах рубежа XII-XIII вв. н.э. изучаются вопросы этнокультурной истории региона и сопредельных территорий Верхнего Приобья.

Книга рассчитана на археологов, этнологов, историков, краеведов и всех интересующихся средневековой историей Кузнецкой котловины, Саяно-Алтая, Центральной и Северной Азии.

ISBN 978-5-89070-857-1

УДК 930.26/930.85
ББК Т4 (2Рос 53-4Ке) 4-431.1
И43

© **Илюшин А.М., 2012**
© **КузГТУ, 2012**

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание продолжает серию монографий по публикации и исследованию материалов раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ), которая работает на территории Кемеровской области с 1988 года. За эти годы были опубликованы монографии «Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине» (Новосибирск, 1992), «Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово» (Кемерово, 1995), «Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины» (Кемерово, 1997), «Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1)» (Кемерово, 1998). Это позволило ввести в широкий научный оборот новые источники по археологии Кузнецкой котловины двух различных исторических периодов – поздней бронзы и средневековья. Когда вышло первое издание, у всех сотрудников ККАЭЭ сложилось единое мнение о необходимости оперативного введения новой накопленной информации в широкий научный оборот, и с этой целью была задумана серия «Труды ККАЭЭ», в числе которой и оказались последние три монографии. Публикации этой серии позволили поднять в Кузбассе на более высокий качественный уровень такое направление науки, как археологическое источниковедение. Были выработаны единые критерии и подходы при классификации и систематизации археологических источников, что послужило началом для создания единого информационного банка археологических данных, сведения которого можно использовать для исторических исследований, как для локальной территории Кузнецкой котловины, так и для других регионов Северной и Центральной Азии.

С момента выхода последней работы из серии «Труды ККАЭЭ» уже прошло более 10 лет, и за это время в экспедиционных архивах накопилось много новой информации, которая ждет своей публикации и востребована в широкой научной, культурной и образовательной аудитории. Однако проблемы субъективного и объективного характера, отсутствие средств и возможностей постоянно создавали препятствия для публикации практически уже готовых томов издания. Поэтому, издавая этот очередной труд, питаем надежду, что в последующем и другие тома этой серии «увидят свет».

Целью настоящего монографического исследования является полная публикация и историческая интерпретация материалов археологических раскопок курганной группы Конево, которая представляет собой объект историко-культурного наследия кочевников позднего средневековья. Она

расположена в центральной части Кузнецкой котловины, в долине нижнего течения р. Ур. Для выполнения этой цели будут решены конкретные задачи, в числе которых – описание результатов раскопок с фиксацией результатов полевых исследований и приложением из чертежей, рисунков и фотографий, классификация элементов погребального обряда и инвентаря и их сравнительный анализ, исследование вопросов хронологии и этнокультурной принадлежности этого памятника. Подвергнутся изучению вопросы социальной структуры, мировоззрения, а также специфические этнокультурные черты погребально-поминального обряда населения, оставившего нам в наследие этот уникальный памятник истории и культуры.

Курганная группа Конево была раскопана ККАЭЭ за два полевых сезона в 2003 и 2004 годах. Руководил работой экспедиции директор Гуманитарного научного центра КузГТУ А.М. Илюшин, а из числа сотрудников в полевых исследованиях этого памятника принимали участие В.А. Борисов, М.Г. Сулейменов, В.С. Роговских. Посильную помощь ККАЭЭ в организации и проведении экстренных аварийных раскопок курганной группы Конево в 2003 году оказали глава Ивановской сельской администрации Беловского района В.А. Сопронов, а также жители деревень Конево и Калинин. В раскопках принимали участие школьники и студенты городов Кемерово, Новокузнецка и Гурьевска. Особой благодарности заслуживает коллектив подростков города Гурьевска – Новиков Стас, Колегов Александр, Едаменко Данил, Зайцев Евгений, Аксимичева Ника, Кузнецов Эдик, Опарин Максим, Валеев Алексей, Борисова Александра. Эти наши друзья и помощники, вместе со своим руководителем Виктором Александровичем Борисовым, в августе 2003 года, узнав о катастрофическом положении памятника и вняв нашим просьбам, в период своих каникул и отпусков самоотверженно и безвозмездно работали на раскопках курганов №№ 1-3, спасая историко-культурное наследие своего родного края.

Коллекция находок после камеральной обработки вместе с научным отчетом и фотографиями была передана на хранение и экспонирование в историко-краеведческий музей города Белово Кемеровской области. Палеоантропологическая коллекция, сформированная по результатам раскопок памятника, была передана на хранение и изучение в кабинет антропологии Томского государственного университета.

Рисунки, чертежи и фотографии, представленные в первом приложении, были выполнены А.М. Илюшиным. В подготовке и проведении экспедиционных исследований, научных отчетов о результатах раскопок, камеральной и частично научной обработке материалов публикуемого памятника принимали участие лаборанты и старший научный сотрудник Гуманитарного научного центра КузГТУ – Дмитрий Кузнецов, Денис Дарбинян, Александр Редкозубов и Марат Гариффулович Сулейменов. Половозрастные определения были выполнены заведующей антропологическим кабинетом Томского государственного университета М.П. Рыкун.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность всем, кто вложил свой труд и оказал помощь в организации и проведении аварийных раскопок уникального памятника истории и культуры поздних кочевников и подготовке к печати рукописи монографии, предлагаемой Вам для прочтения.

Глава 1

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА И РЕЗУЛЬТАТОВ РАСКОПОК

Курганная группа Конево была расположена в 1,3 км на ЮЮВ от села Конево, на второй надпойменной террасе правого берега р. Ур, рядом с автомагистралью «Алтай-Кузбасс» на 224 км дороги и рядом с животноводческой фермой (летником) (рис. 1, 1; 2, 1). Памятник был открыт в ходе археологической разведки в бассейне р. Ини, совершенной Кузбасским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции кафедры археологии Кемеровского государственного университета под руководством Ю.М. Бородкина, который с 10 июля по 15 августа 1977 года занимался составлением и уточнением археологической карты Кузнецкой котловины и поиском памятников средневековья. По внешнему виду курганной группы авторы открытия отметили ее хорошее состояние и предварительно датировали памятник концом I тыс. н.э. (*Бородкин Ю.М.*, 1978; *Бобров В.В.*, *Бородкин Ю.М.*, 1979, с. 211; *Кулемзин А.М.*, *Бородкин Ю.М.*, 1989, с. 58; *Памятники...*, 1986, с. 13; *Каталог...*, 1996, с. 22). Лишь через 25 лет, в 2002 году памятник вновь был обследован Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) под руководством А.М. Илюшина (*Илюшин А.М.*, 2003, с. 14-16; *Илюшин А.М.*, *Ковалевский С.А.*, 2003, с. 367). На момент этого обследования курганная группа находилась в аварийном состоянии. Земляные насыпи всех четырех курганов были подвержены сильному разрушению лисьиными и барсучьими норами, раскопками охотников за этими животными. Кроме этого все объекты были подвергнуты грабительским раскопкам, в том числе с применением современной техники (экскаватора), и находились в зоне технологического воздействия автомагистрали «Алтай-Кузбасс», построенной в 2001 году. Памятник состоял из четырех курганов, которые были вытянуты в цепочку по линии ЮЮВ-ССЗ на расстояние 190 м. Предполагалось, что земляные курганные насыпи изначально были окружены рвами, но по ряду причин (распашка прилегающих к курганам земель, сильная задернованность поверхности, деформация и сильное разрушение земляных насыпей) эти конструкции визуально не прослеживались. Площадь памятника составляла приблизительно 1 га и использовалась для выпаса скота и функционирования грунтовой и технологической дороги. Два кургана за №3 и №4 находились в 100-метровой зоне воздействия автомагистрали «Алтай-Кузбасс». Насыпи курганов №№ 1, 2 и 4 частично были разобраны строителями автомагистрали, со слов очевидцев, использовавшими этот грунт для производственных целей. Пло-

щадь памятника была завалена строительным мусором (обломки бетонных плит, шпал, гравий и др.). По результатам обследования курганной группы Конево в 2002 году памятник, предварительно, был датирован эпохой развитого средневековья (Илюшин А.М., 2003, с. 15).

Было обращено внимание на то, что памятник монолитно сливался с окружением естественного ландшафта и занимал в нем подчеркнуто привилегированное положение, располагаясь на самой высокой точке правобережной надпойменной террасы. С этого места открывается широкая панорама на огромную пойменную долину нижнего течения р. Ур и места ее впадения в р. Иню. Земляные курганные насыпи, несмотря на многочисленные разрушения со стороны строителей, грабителей и животных, впечатляют своими громоздкими размерами. Учитывая «плачевное» состояние памятника истории и культуры федерального значения, на научном семинаре ГНЦ КузГТУ осенью 2002 года было принято решение о необходимости проведения его экстренных аварийных раскопок с целью спасения от дальнейшего разрушения, и был начат поиск средств для реализации этого плана. Однако поддержка со стороны муниципальных и областных властей оказана не была, и поэтому, имея лишь ограниченные общественные средства и энтузиазм волонтеров и сотрудников, ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ смогла начать аварийные исследования в августе 2003 года, которые продолжались два года. В 2003 году на памятнике были раскопаны три кургана за №№ 1-3 (Илюшин А.М., 2004, с. 19-33; Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г., 2004, с. 407-409), а в 2004 году повторно раскопана могила 1 в кургане №2, где была случайно выявлена катакомба, и курган №4 (Илюшин А.М., 2005а, с. 6-21; Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г., 2005, с. 441-443).

Методика раскопок. Раскопки проводились по общепринятой методике, но с учетом современного состояния и особенностей исследуемых объектов с использованием техники – бульдозеров Т-130 в 2003 году и К-700 в 2004 году. Первоначально осуществлялась разметка раскопа и нивелирование его поверхности. За нулевой уровень бралась самая высокая точка курганной насыпи. Затем вручную (где не было разрушений) или при помощи техники (где насыпи практически уже были разобраны) разбирались северная или южная части насыпи, после чего определялись контуры рва, окружающего курган. После этого осуществлялась новая разметка площади раскопа, а при помощи техники сдвигались земляные отвалы. Затем, последовательно, вручную проводилась зачистка разреза курганной насыпи и материка, разбирались и зачищались северная или южная части раскопа. В процессе этой фазы работы фиксировался и исследовался профиль или разрез насыпи кургана и всего раскопа. После зачистки материка на всей площади раскопа по слоям раскапывались все выявленные сооружения и конструкции. Все стадии раскопок, выявленные конструкции и сооружения, артефакты фиксировались на чертежах, схемах, рисунках и

фото, а затем разбирались, инвентаризировались и упаковывались. Приводим описание раскопанных курганов.

КУРГАН №1

Расположен в ССЗ части памятника (рис. 2). До начала раскопок курган представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую, земляную насыпь диаметром 16,5 м и высотой 1,60 м. Насыпь кургана была подвержена сильному разрушению в северной части. Практически вся северная пола насыпи была разобрана, а грунт вывезен. Кроме этого вся насыпь была сильно изрыта многочисленными норами грызунов и лис (фото 1). Использование методики раскопок позволило выявить, что курганная насыпь располагалась в ЮЗ части сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетырехугольной формы с заоваленными углами. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного рвом, и выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Насыпь кургана на 1,90 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,15-0,25 м, чернозема 0,25-1,50 м, погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,13-0,21 м. В центре насыпи и ее ЮЗ части на глубине 0,23-1,58 м была зафиксирована прослойка из светло-серой материковой глины линзовидной формы диаметром 14 м. Ров длинной осью был ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его внешние и внутренние размеры составляют 24,62×19,23 м и 22,07×16,15 м, а ширина и глубина – 1,07-2,15 м и 0,62-0,75 м от уровня материка. В СВ части рва был зафиксирован небольшой перешеек – вход в сакральное пространство длиной 1,08 м и шириной 0,15 м, который на 0,18 м был углублен в материк и составлял с рвом единое сооружение (фото 2). В С части рва на глубине 2,20 м была зафиксирована трубчатая кость животного (рис. 3).

В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены и обследованы две могилы (фото 3-6). Приводим их описание.

Могилы 1 расположена под ЮВ полой насыпи кургана на глубине 2,30-2,60 м и представляет собой подверженное разграблению погребение женщины в возрасте 40-50 лет со шкурой лошади в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, на 0,40 м и 0,60 м углублена ступенями в материк и имеет форму овала размерами 2,20×1,32 м. Вдоль северной стенки грунтовой ямы на нижней ступени сооружен подбой, который частично заглублен в ЗЮЗ и ССВ стенки ямы. Размеры подбоя – длина 2,32 м, ширина 0,24 м, высота 0,52 м, и он на 0,10 м глубже нижней ступени. Шкура лошади была погребена на глубине 2,30 м в южной части грунтовой ямы на верхней ступени и была ориентирована головой на ЗЮЗ. Из суставов скелета лошади сохра-

нилились только череп и три нижних сустава каждой ноги. В челюстях черепа лошади на глубине 2,30 м зафиксированы железные удила с псалиями. Захоронение женщины было совершено на глубине 2,50 м в северной части могилы, вероятно, в берестяном погребальном сооружении в форме кокона (от которого сохранились лишь отдельные фрагменты в виде подстилки на глубине 2,50 м) на уровне нижней ступени грунтовой ямы, в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ. На бересте, в центральной части могилы, на глубине 2,50 м сохранились лишь отдельные фрагменты скелета человека в анатомическом порядке (тазобедренные кости, позвонки, ребра и все кости левой руки с фалангами пальцев). Справа от головы погребенной, в ВСВ части подбоя на глубине 2,35 м были зафиксированы в анатомическом сочленении 6 курдючных позвонков барана и на глубине 2,43 м – костяная пуговица. В ногах погребенной, в ЗЮЗ части подбоя на глубине 2,35-2,55 м одним скоплением были зафиксированы железные предметы конского снаряжения, а также, вероятно, фрагменты двух деревянных полок седла, зафиксированные на глубине 2,27 м и 2,35 м (рис. 3; 4; 5, 1-13; фото 4).

Могила 2 расположена под ЮЮВ полой насыпи кургана на глубине 3,20-3,93 м и представляет собой подверженное разграблению погребение мужчины в возрасте 50-60 лет со шкурой лошади в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, на 1,30 и 2,03 м углублена ступенями в материк и имеет форму овала размерами 2,70×1,20 м. Вдоль южной стенки грунтовой ямы на нижней ступени сооружен подбой, который частично заглублен в ЗЮЗ и ССВ стенки ямы. Размеры подбоя – длина 2,70 м, ширина 0,52 м, высота 1,82 м. Шкура лошади была погребена на глубине 3,20 м в северной части грунтовой ямы на верхней ступени и была ориентирована головой на ЗЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава каждой ноги. В челюстях черепа лошади на глубине 3,20 м зафиксированы железные удила с псалиями. Вблизи черепа лошади на глубине 3,15-3,17 м были найдены детали украшений конского снаряжения, а рядом с суставами задних ног лошади на глубине 3,15 м – крепления лук седла. Захоронение человека было совершено на глубине 3,93 м в южной части могилы, в подбое на уровне нижней ступени грунтовой ямы, в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ. Кости скелета погребенного сохранились в анатомическом порядке. В головах погребенного, в ВСВ части подбоя на глубине 3,89 м был зафиксирован серебряный сосуд, в районе грудной клетки на глубине 3,93 м – фрагмент бронзовой пуговицы, в районе поясицы на глубине 3,91-3,92 м – фрагменты кожаных ремней с украшениями (железные пряжки и серебряные бляшки). Между берцовых костей ног погребенного на глубине 3,92 м лежали 6 курдючных позвонков барана в анатомическом сочленении. Слева от погребенного ниже пояса на глубине 3,89-3,92 был найден берестяной колчан, а также железные детали (пряжка и

наконечники ремней) его крепления. В нижней части колчана на глубине 3,93 м были зафиксированы 13 железных наконечников стрел. Под колчаном на глубине 3,93 м лежала железная сабля с перекрестьем, острием направленная к ногам погребенного (рис. 3; 6; 7, 1-14; 8, 15-34; 9, 35-49; фото 6).

КУРГАН №2

Расположен в центральной части памятника (рис. 2). До начала раскопок курган представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую, земляную насыпь диаметром 21,15 м и высотой 2,05 м. Насыпь кургана подвержена сильному разрушению в северной части. Практически вся северная пола и частично центральная часть насыпи были разобраны, а грунт вывезен. Кроме этого вся насыпь была сильно изрыта многочисленными норами грызунов и лис, а в центральной части имелись следы грабительского раскопа в виде провала глубиной 1,35 м, который имел округлую форму диаметром 6,25 м (фото 7). Использование методики раскопок позволило выявить, что курганная насыпь располагалась в ЮЗ части сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетыреугольной формы с заваленными углами. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного рвом, и выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Насыпь кургана на 2,60 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,15-0,25 м, чернозема 0,25-2,15 м, погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,13-0,25 м. В центральной части на глубине 1,4-2,05 м была зафиксирована прослойка из светло-серой материковой глины линзовидной формы диаметром 16,15 м. На разрезе курганной насыпи выделяется грабительский раскоп, где зафиксировано смешение всех трех вышеназванных грунтов. Ров длинной осью был ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его внешние и внутренние размеры составляют 28,40×24,05 м и 22,05×20,25 м, а ширина и глубина – 1,15-2,37 м и 0,48-0,63 м от уровня материка. В СВ части рва имеется небольшой перешеек – вход в сакральное пространство длиной 1,50 м и шириной 0,25 м, который на 0,21 м был углублен в материк и составлял с рвом единое сооружение. В ЮЗ, Ю и В частях рва на глубинах 3,21 м, 3,10 м, 2,70 м, 2,68 м и 2,78 м были зафиксированы кости животных (2 случая), нижняя челюсть и зуб лошади, а также позвонок барана (овцы?). В СВ части рва на глубине 2,45-2,60 м была зафиксирована неупорядоченная каменная кладка из булыжников разной величины (рис. 10; фото 8).

В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены и обследованы семь могил (фото 9-16). Приводим их последовательное описание.

Могила 1 располагается под ЮЗ полкой насыпи кургана на глубине 3,52-4,12 м и представляет собой частично потревоженное современными грабителями захоронение шкуры лошади в грунтовой яме и мужчины в возрасте 45-50 лет в катакомбе (рис. 10; 11). Размеры могильной ямы и катакомбы 5,75×1,20 м. Это единое погребальное сооружение длинной осью было вытянуто по линии ССВ-ЮЮЗ и углублено в материк на 0,92-1,52 м. Вход представлял собой грунтовую яму овальной формы размерами – 1,73×0,96 м, которая была углублена в материк на 0,92 м. Каких-либо дополнительных конструкций и сооружений в этой части могилы выявлено не было. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы на дне, на глубине 3,52 м, было зафиксировано захоронение шкуры лошади, ориентированное головой на ЮЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава каждой ноги. В челюстях черепа лошади на глубине 3,52 м были зафиксированы железные удила с псалиями (рис. 11; 12, 1). Вход в катакомбу в виде пологого спуска в грот, вырытый в материке, начинался в ССВ стенке грунтовой могильной ямы, где было совершено захоронение шкуры лошади. Размеры катакомбы – 4,02×1,20 м. Она длинной осью вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ и углублена в материк на 1,52 м. Высота и ширина лаза в материке составляли 0,42-0,51 м и 0,61-1,12 м, а грота – 1,03 м и 1,20 м. Захоронение человека было совершено на глубине 4,09-4,12 м в ССВ части могилы на уровне дна катакомбного грота, в вытянутом положении на спине, головой на ССВ. В анатомическом порядке кости скелета человека сохранились лишь частично (суставы ног, рук, позвонки, ребра и череп). Скелет погребенного явно был потревожен современными грабителями, а череп пробит в районе правого виска. Погребение было совершено в деревянной раме из досок, стоящих на торце на деревянном настиле из досок, лежащих плашмя внутри деревянной рамы. Длина деревянной рамы 1,95-2,00 м, а ширина 0,35-0,54 м. Толщина досок рамы составляла 1-1,5 см, а ширина 0,25-0,27 м. При разборке заполнения лаза катакомбы у северной стенки на глубине 3,80 м и 3,85 м были найдены железные стремена (рис. 11; 12, 2, 3). У ЮЮЗ края деревянной рамы на глубине 3,90 м были зафиксированы 7 позвонков животного (барана или овцы) и кости птицы (рис. 11). В ногах погребенного внутри деревянной рамы на глубине 4,07 м были найдены железные пластины накладки и бляшка с фрагментами материи, сферические бляхи с обоймами, фрагмент кольца и скоба крепления с миниатюрным кольцом, которые, вероятно, представляют собой остатки крепления седла (рис. 11; 13, 4-11). С правой стороны тела погребенного на глубине 4,10 м были найдены фрагменты берестяного колчана, в котором на глубине 4,12 м были найдены фрагменты древков стрел и железные наконечники стрел (рис. 11; 13, 12-20; 14, 22-41). У левой берцовой кости на глубине 4,12 м было найдено железное тесло (рис. 11; 14, 42), а рядом на глубине 4,12 м были найдены железные фрагменты лезвия колюще-рубящего оружия (вероятно, сабли –

А.И.) (рис. 11; 15, 43-50). В южной части грота на глубине 3,12 м была обнаружена деревянная палка-копалка, воткнутая острым концом в потолок грота (рис. 11; 15, 51; фото 9).

Могила 2 расположена под ЮЮВ полый насыпи кургана на глубине 3,22-3,61 м и представляет собой подверженное частичному разграблению погребение женщины в возрасте 50-60 лет со шкурой лошади в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма углублена ступенями в материк на 0,32 м и 0,71 м и имеет овальную форму размерами 2,50×1,50 м, которая длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Вдоль северо-западной стенки грунтовой ямы на нижней ступени сооружен подбой. Размеры подбоя – длина 2,03 м, ширина 0,14 м, высота 0,35 м. Шкура лошади была погребена на глубине 3,22 м в юго-восточной части грунтовой ямы на верхней ступени и была ориентирована головой на ЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава каждой ноги. В челюстях черепа лошади на глубине 3,20 м зафиксированы железные удила с кольчатыми псалиями, а рядом с суставами задних ног на глубине 3,22 м – железное крепление седла. Захоронение человека было совершено на глубине 3,61 м в северо-западной части могилы в берестяном погребальном сооружении в форме кокона (чехла) на уровне нижней ступени грунтовой ямы, в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Над головой погребенной, вероятно, было деревянное перекрытие из досок, основание которого находилось на ступеньке и закрывало подбой в СВ части могилы. Остатки этой деревянной конструкции были зафиксированы в СВ части могилы на глубине 3,12-3,58 м. Под берестой погребальной конструкции сохранились все кости скелета человека в анатомическом порядке. В ногах погребенного, вблизи правой голени на глубине 3,61 м на берестяном настиле были найдены железная пряжка и нож с костяной рукоятью, а в центральной части подбоя на глубине 3,61 м вблизи колен погребенной были зафиксированы в анатомическом сочленении 7 курдючных позвонков барана (рис. 10; 16; 17, 1-4; фото 10).

Могила 3 расположена под ЗЮЗ полый насыпи кургана на глубине 3,90-3,95 м и представляет собой погребение, вероятно, женщины в возрасте 50-60 лет в грунтовой яме с подбоем. Могильная яма углублена в материк на 1,30 м и имеет овальную форму размерами 2,10×1,02 м, которая длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Вдоль юго-восточной стенки грунтовой ямы сооружен подбой, который частично заглублен в ЮЗ и СВ стенки ямы. Размеры подбоя – длина 2,05 м, ширина 0,53 м, высота 0,62 м, и он на 0,05 м глубже дна основной могильной ямы. Захоронение человека (предположительно женщины – А.И.) было совершено на глубине 3,95 м в подбое, в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Все кости скелета человека сохранились в анатомическом порядке. На левой тазовой кости погребенной на глубине 3,90 м был найден фрагмент серебряного зеркала, а в головах погребенной, на глубине 3,95 м и рядом с

коленным суставом левой ноги, на глубине 3,90 м были зафиксированы два ребра и в анатомическом сочленении 7 курдючных позвонков барана (рис. 10; 18; 19, 1; фото 11).

Могила 4 расположена под ЮЗ полый насыпи кургана на глубине 2,91-3,20 м и представляет собой погребение мужчины в возрасте 40-45 лет с тушей коня в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма углублена ступенями в материк на 0,35-0,41 м и 0,60 м. Длинной осью она ориентирована по линии ЮЗ-СВ и имеет форму подпрямоугольника с заovalенными углами размерами 2,17×1,30 м. Захоронения лошади и человека разделяет перегородка, состоящая из деревянных досок, установленных на дно нижней ступени могильной ямы и возвышающихся над верхней ступенью на 0,25-0,37 м, и слоя бересты, который лежит на краю верхней ступени могильной ямы и плотно прислоняется к деревянной перегородке на высоту до 0,25-0,37 м, тем самым образуя одну конструкцию по функциональному назначению. Лошадь была погребена на животе с поджатыми под живот ногами на глубине 2,65-2,95 м в северо-западной части грунтовой ямы на верхней ступени и была ориентирована головой на СВ. Скелет лошади сохранился в анатомическом порядке, только верхняя часть черепа была частично разрушена грызунами. На правой лопатке лошади, на глубине 2,70 м была найдена рукоять плети, изготовленная из рога, а в челюстях черепа лошади на глубине 3,0 м зафиксированы железные удила с псалиями. Захоронение мужчины было совершено на глубине 3,17-3,20 м в юго-восточной части могилы в берестяном погребальном сооружении в форме кокона (чехол) на уровне нижней ступени грунтовой ямы, в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Под берестой погребальной конструкции сохранились все кости скелета человека в анатомическом порядке. В районе грудной клетки погребенного на глубине 3,18 м и 3,20 м были найдены фрагмент бронзовой панцирной пластины и железная заколка. Под нижней челюстью и под черепом погребенного, с левой стороны, на глубине 3,20 м – стеклянная бусина и бронзовые серьги с фрагментами жестких сухих волос, имеющих ярко выраженную черную пигментацию. У тазобедренных суставов на глубине 3,20 м были найдены две железные пластины-накладки (рис. 10; 20; 21, 1-9; фото 12-15; 23).

Могила 5 расположена под насыпью кургана в центральной части на глубине 3,82-4,27 м. Она была подвержена полному разграблению (даже использовался ковш экскаватора) и представляла собой грунтовую, ступенчатую яму без погребения. Яма длинной осью ориентирована по линии ЮВ-СЗ и углублена тремя ступенями в материк на 1,22 м, 1,57 м и 1,67 м и имеет форму подпрямоугольника с заovalенными углами размерами 3,40×1,97 м. При разборке заполнения и зачистке могилы следы захоронения и ритуальных действий не были обнаружены (рис. 10; 22).

Могила 6 расположена под СЗ полый насыпи кургана на глубине 3,45-3,65 м и представляет собой подверженное частичному разграблению по-

гребение, вероятно, мужчины в возрасте 40-50 лет со шкурой лошади в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ, ступенями углублена в материк на 0,85 м и 1,05 м и имеет форму подчетыреугольника с заovalенными углами размерами 1,78×1,59 м. Вдоль юго-восточной стенки грунтовой ямы на нижней ступени сооружен подбой, который частично заглублен в СВ и Ю стенки ямы. Размеры подбоя – длина 1,78 м, ширина 0,45 м, высота 0,85 м. Шкура лошади была погребена на глубине 3,45 м в северо-западной части грунтовой ямы на верхней ступени и была ориентирована головой на ЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава каждой ноги. Захоронение человека было совершено в вытянутом положении на спине в подбое на глубине 3,61 м в юго-восточной части могилы в берестяном погребальном сооружении в форме кокона и было ориентировано головой на СВ. Погребение находилось на уровне нижней ступени грунтовой ямы. На берестяной подстилке, сохранившейся от погребальной конструкции, в анатомическом порядке лежали единичные кости скелета человека (суставы правой ноги и левой руки), остальные кости (правая лопатка, ребра, тазовые и позвонки) находились в неупорядоченном состоянии на глубине 3,60 м. В ногах погребенного, на глубине 3,45 м на берестяном настиле были найдены железная пряжка, крепление седла и удила с кольчатыми псалиями, а в районе тазобедренного сустава на глубине 3,60 м и 3,65 м – фрагмент железного ножа и кожаной сумочки с тканью и мехом (рис. 10; 23; 24, 1-5; фото 16).

Могилы 7 расположена под С полой насыпи кургана на глубине 3,20-3,29 м и представляет собой погребение, вероятно, девушки в возрасте 12-15 лет в грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ и углублена в материк на 0,60-0,69 м и 0,60 м. Она имеет уголковую форму, как бы образованную двумя грунтовыми ямами, ориентированными по линиям ЮЗ-СВ и ЮВ-СЗ и наложенными друг на друга, с заovalенными углами размерами 2,28×1,98 м. Вероятно, ЮВ часть грунтовой ямы появилась в результате грабительского раскопа при помощи механических средств, как и в случае с могилой 5. Захоронение было совершено на глубине 3,21-3,26 м в северо-западной части могилы в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. При разборке заполнения и зачистке могилы сопроводительный инвентарь захоронения не был обнаружен (рис. 10; 25).

КУРГАН №3

Расположен в центральной части памятника (рис. 2). До начала раскопок курган представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую, земляную насыпь диаметром 11,85 м и высотой 1,40 м. Насыпь кургана подвержена сильному разрушению многочисленными норами грызу-

нов и лис (фото 17). Использование методики раскопок позволило выявить, что курганная насыпь располагалась в ЮЗ части сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетыреугольной формы с заоваленными углами. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного рвом, и выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Насыпь кургана на 1,77 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,15-0,25 м, прослойки из светло-серой материковой глины 0,15-1,02 м линзовидной формы диаметром 10 м, чернозема 0,25-0,78 м, погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,07-0,15 м. При разборке насыпи кургана и зачистке разреза курганной насыпи в центральной части на глубине 1,10 м был выявлен настил, состоящий из четырех бревен молодой березы, уложенных колодцем, под которыми лежала береста. Это сооружение было сильно разрушено лисами, которые на этом настиле соорудили свою лежанку, поэтому вопросы о предназначении этой конструкции и времени ее сооружения остались открытыми. Ров длинной осью был ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его внешние и внутренние размеры составляют 17,85×14,70 м и 16,15×12,77 м, а ширина и глубина – 0,54-1,55 м и 0,53-0,88 м от уровня материка. В СВ части рва имеется небольшой перешеек – вход в сакральное пространство длиной 0,95 м и шириной 0,68 м, который на 0,07 м был углублен в материк и составлял с рвом единое сооружение (фото 18). В С части рва на глубине 2,55 м был зафиксирован фрагмент нижней челюсти лошади (рис. 26).

В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены и обследованы три могилы (фото 19-22). Приводим их описание.

Могила 1 расположена под ЮЮЗ полый насыпи кургана на глубине 1,97-2,37 м и представляет собой частично потревоженное грызунами погребение ребенка (вероятно, юной девушки – А.И.) в возрасте 8-10 лет (не старше 10) со шкурой лошади в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии Ю-С с небольшим отклонением, углублена ступенями в материк на 0,20-0,35 м и 0,55-0,60 м и имеет овальную форму размерами 2,0×1,50 м. Захоронения шкуры лошади и человека разделяет перегородка. Она состояла из деревянных досок, которые были установлены на дно нижней ступени могильной ямы и возвышались над верхней ступенью на 0,32-0,35 м. Шкура лошади была погребена на глубине 2,10-2,12 м в западной части грунтовой ямы на верхней ступени и была ориентирована головой на С. Из суставов скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава каждой ноги. Рядом со шкурой лошади в центральной части верхней ступени могилы на глубине 1,97 м был найден железный нож. Захоронение юной девушки было совершено на глубине 2,35-2,37 м в восточной части могилы на уровне нижней ступени грунтовой ямы, в вытянутом положении на спине, головой на

Ю. В анатомическом порядке кости скелета человека сохранились лишь частично (суставы правой ноги и ряд позвонков). Слева от погребенной, в районе тазовых костей на глубине 2,32 м, были зафиксированы 6 позвонков барана, лежавших в анатомическом порядке. В ногах погребенной в С части могилы на глубине 2,27-2,34 м были найдены железные удила, стремя, фрагмент ножа, бронзовые украшения и детали узды, пряжка-петля, а также бронзовые бубенцы и бляха-застежка. В районе тазобедренных суставов погребенной на глубине 2,35 м и 2,37 м были найдены бронзовая двусоставная пряжка и бубенчик. Около восточной стенки могилы на глубине 2,37 м были найдены три серебряных амулета. В районе грудной клетки погребенной на глубине 2,32 м лежал фрагмент деревянной доски, а под ним на глубине 2,35-2,37 м ожерелье, в котором были бусы из кораллов, раковин каури, стекла и камня. Рядом с черепом погребенной справа на глубине 2,37 м были найдены серебряная серьга и железная заколка (рис. 26; 27; 28, 1-4; 29, 5-17; 30, 18-33; 31, 34-51; фото 19; 23-28).

Могила 2 расположена под ЮЮВ полый насыпи кургана на глубине 1,84 м и представляет собой частично потревоженное грызунами погребение ребенка в возрасте 5-6 лет (вероятно, девочки – А.И.) в грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ, на 0,07 м углублена в материк и имеет овальную форму размерами 1,32×0,51 м. Захоронение ребенка было совершено на глубине 1,84 м в центральной части могилы, в вытянутом положении на спине, головой на СВ. В анатомическом порядке из костей скелета сохранились частично лишь позвонки. Череп был раздавлен, а из других костей скелета были зафиксированы кости ребер, правая лопатка, суставы рук, ног, тазобедренные кости. В районе груди-живота погребенного на глубине 1,82 м была найдена бронзовая ажурная бляха, а рядом с суставом правой руки и в районе тазобедренных суставов на глубине 1,83 м и 1,84 м – стеклянные бусы (рис. 26; 32; 33, 1-4; фото 20; 29).

Могила 3 расположена под южной полый насыпи кургана на глубине 2,49 м и представляет собой подверженное частичному разграблению погребение мужчины в возрасте 20-25 лет с тушей лошади в одной грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ, на 0,72 м углублена в материк и имеет овальную форму размерами 2,57×1,16 м. Вдоль юго-восточной стенки грунтовой ямы сооружен подбой. Размеры подбоя – длина 2,23 м, ширина 0,42 м, высота 0,28 м, и он на 0,10 м глубже дна могильной ямы. Лошадь была погребена на животе с поджатыми под него ногами, на глубине 2,36-2,49 м в северо-западной части грунтовой ямы и была ориентирована головой на ЮЗ. Могильная яма была разграблена в СВ части, поэтому от скелета лошади сохранилась лишь передняя часть туши (голова, шейные и, частично, спинные позвонки, лопатки и единичные кости суставов задних ног). Рядом с черепом лошади в ЮЗ части могилы на глубине 2,48 м, 2,49 м и 2,51 м, а также рядом с СЗ стенкой

могилы и ребрами лошади на глубине 2,43 м были найдены железные удила, фрагмент султанчика, уздечное кольцо и стремяна. Захоронение человека было совершено в подбое на глубине 2,59 м в ЮВ части могилы в вытянутом положении на спине, головой на СВ. В анатомическом порядке сохранились лишь единичные кости скелета человека (суставы ноги и три позвонка). В неупорядоченном состоянии на глубине 2,48-2,53 м в центральной и СВ частях подбоя были зафиксированы единичные кости ребер, левой руки, позвонки и череп. На уровне пояса погребенного на глубине 2,59 м было найдено железное тесло, а около костей таза и левой бедренной кости на глубине 2,59 м зафиксированы 6 курдючных позвонков барана в анатомическом сочленении. На голени правой ноги у погребенного находилась бронзовая панцирная пластина, а рядом с голенью левой ноги на глубине 2,59 м было зафиксировано скопление железных наконечников стрел. Над коленным суставом левой ноги на глубине 2,36 м было найдено костяное крепление колчана, воткнутое в потолок подбоя (рис. 26; 34; 35, 1-5; 36, 6-12; фото 21; 22).

КУРГАН №4

Расположен в ЮЮВ части памятника (рис. 2). До начала раскопок курган представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую, земляную насыпь диаметром 14,5 м и высотой 1,46 м. Насыпь кургана подвержена сильному разрушению. Вся насыпь была сильно изрыта многочисленными норами грызунов, барсуков и лис, а также охотничьими раскопами и раскопами грабителей. Южная пола насыпи подрезана технологической дорогой, которая функционировала в период строительства автомагистрали «Кузбасс-Алтай». Западная и северная полы насыпи частично разобраны, а грунт вывезен. В месте выемки грунта в северной части объекта находится скопление строительного мусора – бетонные плиты, балки и другие виды строительных отходов, а с западной стороны объект был подрезан грунтовой дорогой (фото 31). Использование методики раскопок позволило выявить, что курганная насыпь располагалась в ЗЮЗ части сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетыреугольной формы с заваленными углами. В процессе раскопок (фото 32) насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного рвом, и выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны (фото 33). Насыпь кургана на 1,90 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,15-0,25 м, чернозема 0,15-1,15 м, погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,09-0,17 м. В центре насыпи и ее ЮЗ части на глубине 0,22-1,53 м, сразу под дерном была зафиксирована прослойка из светло-серой материковой глины линзовидной формы диаметром 11,75 м. Практически во всех слоях курганной

насыпи имелись пустоты от нор животных (суслики, барсуки, лисы), которые в тринадцати случаях в центральной, западной и южной частях уходили вглубь материка на 0,25-0,60 м. Эти норы подвергли сильному разрушению грунтовую яму 1 и могилы 1, 2, 4, а также захоронения, которые в них находились. Ров длинной осью был ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его внешние и внутренние размеры составляют 19,54×17,25 м и 17,12×14,95 м, а ширина и глубина – 0,76-1,15 м и 0,50-0,90 м от уровня материка. В ВСВ части рва был зафиксирован небольшой перешеек – вход в сакральное пространство длиной 1,23 м и шириной 1,15 м, который составлял с рвом единое сооружение (фото 34). В СВ части рва на глубине 2,70 м от нулевого уровня был зафиксирован фрагмент нижней челюсти лошади, а в ЮЮЗ части рва на глубине 2,65 м были обнаружены позвонки животного. В СЗ части рва на глубине 1,91-2,33 м от нулевого уровня были зафиксированы останки впускного захоронения, интерпретируемого как могила 11 (описание приводится ниже). В процессе разборки насыпи кургана в центральной и юго-восточной частях на глубинах 0,27 м, 0,35 м, 0,38 м, 0,53 м, 0,70 м, 0,78 м и 1,45 м были зафиксированы различные кости скелетов человека (4 случая) и лошадей (4 случая). Вероятно, они происходили из могил, потревоженных животными. Под насыпью кургана в ВСВ части был зафиксирован деревянный столб диаметром 0,22 м, который на 0,25 м возвышался над материком и на 0,15 м был углублен в него (рис. 37).

В процессе разборки насыпи кургана, заполнения рва и зачистки материка были выявлены и обследованы одиннадцать могил и одна грунтовая яма (кенотаф) (фото 35-46). Приводим их описание.

Яма 1 расположена под центральной частью насыпи кургана на глубине 2,15 м и представляет собой грунтовую яму овальной формы размерами 1,15×0,56 м, которая длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ и на 0,25 м углублена в материк. Яма была заполнена черноземом. Находки в заполнении и на дне отсутствовали. Вероятно, эту яму можно интерпретировать как детскую могилу-кенотаф (рис. 37; 38). Хотя не исключено, что в этой яме изначально было совершено захоронение ребенка, но животные (барсуки или лисы), жившие под насыпью кургана, полностью уничтожили костные останки.

Могила 1 расположена под центральной частью насыпи кургана на глубине 1,40-2,10 м и представляет собой подверженное сильному разрушению грызунами погребение мужчины в возрасте 40 лет в грунтовой яме с тушей лошади, погребенной на уровне древней дневной поверхности. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ, на 0,20 м углублена в материк и имеет подпрямоугольную форму размерами 2,10×0,85 м. В центральной части ямы грызунами была вырыта нора на 0,25 м глубже уровня дна могилы. Лошадь была погребена на глубине 1,30-1,70 м к западу от грунтовой ямы и была ориентирована головой на

СЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только кости черепа, таза, лопаток, передних и задних конечностей. В челюстях черепа лошади на глубине 1,65 м зафиксированы железные удила с кольчатыми псалями и обоймами, а на глубине 1,80 м в районе живота лошади была найдена железная подпружная пряжка. Заполнение грунтовой могильной ямы представляло собой чернозем, материковую глину и остатки жизнедеятельности грызунов. Скелет погребенного на дне грунтовой ямы сохранился лишь частично (кости черепа и левой ноги, ребро). По останкам можно констатировать, что захоронение человека было совершено на глубине 2,10 м в грунтовой яме на спине в вытянутом положении и было ориентировано головой на ЮВ. Около левой голени погребенного, на глубине 2,10 м был найден миниатюрный железный кинжал с костяной рукояткой (рис. 37; 39; 40, 1-3; фото 35).

Могила 2 расположена под центральной частью насыпи кургана на глубине 2,37-3,20 м и представляет собой сильно подверженное разрушению погребение мужчины в возрасте около 40 лет с тушей лошади в одной грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, на 1,30 м углублена в материк и имеет вытянутую подчетыреугольную форму с заваленными краями размерами 2,32×0,70 м. В ЮЗ части могилы имелась ниша от норы животного, которая на 0,55 м была углублена в материк. Заполнение могилы представляло собой чернозем и следы жизнедеятельности животных, среди которых были найдены фрагменты затылочной и лобной костей молодого индивида 15 лет (см. прил. 2), вероятно, занесенные сюда лисами или грызунами. В процессе разборки заполнения и зачистки могилы на глубине 3,10-3,20 м были зафиксированы находящиеся в хаотическом состоянии кости скелетов взрослого человека и лошади, а на глубине 2,37 м были найдены фрагменты железных удил. Судя по размерам могильной ямы и расположению костей можно предполагать, что на дне грунтовой ямы первоначально был погребен человек в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на ВСВ, а затем над ним было совершено захоронение лошади, вероятно, ориентированное головой на ЗЮЗ (рис. 37; 41; 42, 1; фото 36).

Могила 3 расположена под 3 полый насыпи кургана на глубине 2,91 м и представляет собой захоронение женщины в возрасте 22-25 лет и шкуры лошади в одной грунтовой яме. Могильная яма длинной осью вытянута по линии ССЗ-ЮЮВ, имеет овальную форму размерами 2,24×1,52 м и углублена в материк на 1 м. Заполнение могилы состояло из чернозема и светлосерой материковой глины. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы в западной части, на глубине 2,45-2,87 м, было зафиксировано захоронение шкуры лошади, ориентированное головой на ССЗ. Из суставов скелета лошади сохранились череп и три нижних сустава каждой ноги. В челюстях черепа лошади на глубине 2,70 м были зафиксированы витые железные удила с кольчатыми псалями и обоймами, а рядом с черепом на

глубине 2,65 м – железная ременная бляха-накладка и предметы неизвестного назначения (рис. 44, 1-4). Захоронение женщины было совершено в восточной части могилы на глубине 2,90 м в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ. Рядом с черепом погребенной на глубине 2,90 м был найден фрагмент железного напильника (рис. 44, 5), а рядом с локтем правой руки на глубине 2,88 м – костяная накосница (рис. 44, 6). В ногах погребенной был сделан небольшой подбой в ССЗ стенку могилы, где на глубине 2,90-2,91 м покоились кости ступней погребенной и с левой стороны 6 курдючных позвонков барана (рис. 37; 43; 44, 1-6; фото 37; 38).

Могила 4 расположена под ЮЗ полый насыпи кургана на глубине 2,30 м и представляет собой сильно подверженное разрушению погребение ребенка в возрасте 4-5 (не старше 6) лет в грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ, на 0,40 м углублена в материк и имеет форму овала размерами 1,80×0,80 м. В северной, центральной и южной части грунтовой ямы имелись следы нор животных, углубленные на 0,07 м, 0,22 м и 0,30 м в дно могилы. Заполнение могилы представляло собой чернозем, светло-серую материковую глину и следы жизнедеятельности животных. При разборке заполнения и зачистке дна могилы в центральной части на глубине 2,14 м был зафиксирован фрагмент бересты от погребальной конструкции. Скелет погребенного ребенка сохранился фрагментарно. В анатомическом сочленении в северо-восточной и юго-западной части могилы на глубинах 2,17 м и 2,30 м были зафиксированы кости левой ноги и левой руки. Кроме этого в центральной и южной части могилы на глубинах 2,14 м и 2,30 м были зафиксированы позвонки, ребра и фрагменты черепа. По этим останкам можно предполагать, что захоронение ребенка было совершено в вытянутом положении на спине и было ориентировано головой на СВ. Находки в могиле отсутствовали (рис. 37; 45).

Могила 5 расположена под южной полый насыпи кургана на глубине 1,70-2,80 м и представляет собой погребение мужчины в возрасте около 50 лет со шкурой лошади в одной грунтовой яме, которые располагались на разных уровнях. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВССВ, на 0,90 м углублена в материк и имеет форму овала размерами 2,37×1,06 м. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серую материковую глину (фото 39). Перед началом и в процессе выборки заполнения грунтовой могильной ямы на глубине 1,70-2,38 м было зафиксировано захоронение шкуры лошади, ориентированное головой на ЗЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились череп и три нижних сустава каждой ноги. Причем три сустава левой задней ноги лошади находились на уровне древней дневной поверхности 1,70-1,83 м, а все другие были в могильной яме на 0,15-0,48 м ниже уровня материка (рис. 46, А). В челюстях черепа лошади на глубине 2,20 м были найдены железные удила (рис. 46, А; 47, 1; фото 40). Захоронение человека было совершено на дне могилы

на глубине 2,77-2,78 м в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ (рис. 46, Б; фото 41). В области живота слева от погребенного на глубине 2,76 м и 2,77 м были зафиксированы 8 курдючных позвонков барана в анатомическом сочленении и, вероятно, фрагмент железного пинцета (рис. 46, Б; 47, 4), справа на глубине 2,77 м были найдены железные кольцо и ременная накладка (рис. 46, Б; 47, 2, 3). Под черепом погребенного на глубине 2,73-2,77 м была найдена берцовая кость животного (вероятно, барана). В ногах погребенного на глубине 2,77 м было найдено миниатюрное каменное точило в форме бруска (рис. 46, Б; 47, 5). Исследование этой могилы позволяет утверждать, что захоронение шкуры лошади было совершено над всадником в одной грунтовой яме, вероятно, через определенный временной интервал после захоронения человека (рис. 46, А, Б; 47, 1-5; фото 40; 41).

Могила 6 расположена под ЮВ полой насыпи кургана на глубине 1,95 м и представляет собой погребение ребенка в возрасте до 1 года, совершенное на уровне материка. Кости скелета погребенного сохранились частично (фрагменты черепа, нижней челюсти, ребра, таза, рук, позвонки). По сохранившимся останкам можно предполагать, что ребенок был погребен по обряду ингумации на спине в вытянутом положении и был ориентирован головой на З. В центральной части могилы, на глубине 1,95 м было найдено ожерелье из пяти клыков волка или крупной собаки с отверстиями для продевания шнура (рис. 37; 48; 49, 1-5; фото 30; 42).

Могила 7 расположена под северо-западной полой насыпи кургана на глубине 2,05 м и представляет собой частично потревоженное грызунами погребение ребенка в возрасте 1,5-2 года в грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, на 0,15 м углублена в материк и имеет овальную форму размерами 1,05×0,51 м. Заполнение могилы состояло из чернозема и светло-серой материковой глины с продуктами жизнедеятельности животных. Захоронение ребенка было совершено на глубине 2,02-2,05 м в центральной части могилы, в вытянутом положении на спине, головой на СВ. В анатомическом порядке из костей скелета сохранились частично лишь позвонки, руки и ноги. Череп был раздавлен, а другие кости скелета были зафиксированы в неупорядоченном положении. Находок в могиле не было (рис. 37; 50).

Могила 8 расположена под северной полой насыпи кургана на глубине 2,45-2,70 м и представляет собой частично потревоженное грызунами погребение мужчины в возрасте 40-45 лет со шкурой коня в одной грунтовой, ступенчатой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, на 0,55 м и 0,70 м углублена ступенями в материк и имеет овальную форму размерами 2,30×1,64 м. Заполнение могилы состояло из чернозема и светло-серой материковой глины с продуктами жизнедеятельности животных. Захоронение шкуры лошади было совершено на глубине 2,27-2,55 м в северной части грунтовой ямы на верхней ступени и было

ориентировано головой на ЗЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только череп, шесть шейных позвонков и три нижних сустава каждой ноги. В зубах черепа лошади на глубине 2,45 м были найдены железные удила с кольчатыми псалиями, а на краю в центральной части верхней ступени на глубине 2,45 м был найден фрагмент железного крепления седла (рис. 51; 52, 1, 2). Захоронение человека было совершено на глубине 2,60-2,70 м в южной части могилы на уровне нижней ступени грунтовой ямы, в вытянутом положении на спине, головой на ССВ. В анатомическом порядке кости скелета человека сохранились лишь частично (нижние суставы ног, тазовые кости, ребра, ряд позвонков, кости левой руки, лопатка и череп). Отсутствие берцовых костей, костей правой руки и нижней челюсти, а также анатомический порядок расположения других костей скелета человека позволяет предполагать, что это могло быть вторичное захоронение останков. Рядом с коленом правой ноги на глубине 2,65 м была найдена железная пряжка (рис. 51; 52, 3), а в ногах погребения человека в южном углу могилы на глубине 2,70 м была найдена костяная пуговица (рис. 51; 52, 4). Рядом с костями ступни правой ноги на глубине 2,65 м были зафиксированы 5 курдючных позвонков барана (рис. 37; 51; 52, 1-4; фото 43-45).

Могила 9 расположена под северо-западной полой насыпи кургана на глубине 2,65-2,80 м и представляет собой сильно потревоженное животными погребение, вероятно, женщины в возрасте 20-22 лет в грунтовой яме. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ЗЮЗ-ВССВ, на 0,90 м углублена в материк и имеет форму овала размерами 2,35×1,62 м. Заполнение могилы состояло из чернозема и светло-серой материковой глины с продуктами жизнедеятельности животных. Захоронение человека было совершено на глубине 2,80 м в южной части могилы в вытянутом положении на спине, головой на ВССВ. В анатомическом порядке сохранились лишь кости ног, таза, правой руки и отдельные ребра. Все другие кости скелета и череп погребенного человека отсутствовали. При разборке заполнения могилы в ногах погребенной на глубинах 2,65 м и 2,70 м были найдены два железных наконечника стрел (рис. 53; 54, 1, 2). Два других железных наконечника стрел и фрагмент берестяного колчана были найдены на глубине 2,80 м у колена правой ноги (рис. 53; 54, 3, 4). На колене левой ноги погребенного лежала лопатка животного (барана или овцы), а на берцовой кости на глубине 2,77 м были найдены железный нож и большой фрагмент берестяного колчана (рис. 53; 54, 5, 8). Рядом с колчаном на глубине 2,80 м было найдено костяное крепление (рис. 53; 54, 6). Под костями правой руки погребенной на глубине 2,80 м были найдены железные удила с кольчатыми псалиями (рис. 53; 54, 7). С учетом размеров могилы и разрушений, нанесенных животными, можно предполагать, что первоначально захоронение было совершено в подбое, который находился в южной части могилы, но был разрушен норами животных (рис. 37; 51; 52, 1-8; фото 46; 47).

Могила 10 расположена под центральной частью насыпи кургана на глубине 1,45-1,70 м и представляет собой погребение шкуры лошади на уровне древней дневной поверхности, сильно потревоженное животными. Захоронение шкуры лошади размерами 2,15×0,56 м ориентировано головой на ЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились череп и три нижних сустава каждой ноги. Находок в могиле не было (рис. 37; 55). Не исключено, что это захоронение связано с находками костей молодого индивида в возрасте 15 лет в могиле 2, расположенной по соседству с могилой 10 (рис. 37). Поэтому могила 10 могла представлять собой погребение подростка в возрасте 15 лет на уровне материка со шкурой лошади, погребенной на уровне древней дневной поверхности, сильно разрушенное лисьими норами и грызунами.

Могила 11 расположена в северо-западной части рва на глубине 1,91-2,33 м и представляет собой сильно потревоженное впускное погребение мужчины в возрасте 50-60 лет. Ров использовался в качестве могильной ямы. От скелета человека сохранились лишь единичные целые и фрагменты костей ног, рук и ребер на глубинах 1,91-2,25 м. В анатомическом порядке сохранились лишь кости левой ноги. Все другие кости скелета, в том числе и череп погребенного, отсутствовали. При разборке заполнения рва и зачистке могилы в ЮЗ и центральной частях на глубине 2,27 м и 1,97 м были найдены два железных наконечника стрел (рис. 56; 57, 1, 2), а в СВ части на глубине 2,17 м и 2,33 м были найдены железная и бронзовая с железным язычком пряжки (рис. 56; 57, 3, 4). По положению сохранившихся костей можно предполагать, что захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ (рис. 37; 56; 57, 1-4).

Подводя итоги описания и результатов аварийных раскопок курганной группы Конево в 2003-2004 годах, можно констатировать, что было исследовано четыре погребально-поминальных комплекса (курганы за №№ 1-4), в которых было выявлено и обследовано 23 могилы и 1 грунтовая яма (вероятно, детский кенотаф). Останки погребений людей и захоронений животных были зафиксированы лишь в 22 могилах (случаях). Из этого числа могил лишь в семнадцати были найдены различные предметы материальной и духовной культуры. Все эти данные позволяют перейти к следующей стадии исследования – классификации артефактов и суммарной характеристике источника.

Глава 2

СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

На протяжении более 15 лет сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции занимаются созданием единой информационной базы по средневековой археологии Кузнецкой котловины, которая основывается на типологической классификации. Одним из важнейших звеньев в этой работе является публикация материалов раскопок археологических памятников и классификация выявленных при исследовании вещественного источника всех совокупностей элементов и признаков материальной и духовной культуры населения, оставившего нам в наследие этот историко-культурный объект. Характеристика памятника в суммарных показателях типологической классификации дает возможность получить о нем более целостное представление как об объекте научного исследования и историко-культурного наследия. Эта процедура подготавливает базу для сравнительного анализа между составляющими его информационными блоками, а также с другими памятниками и комплексами при помощи статистико-комбинаторных методов исследования вещественных исторических источников, при помощи компьютерных программ.

Суммарная характеристика является начальной стадией системной обработки археологического источника. Отбор и группировка признаков исследуемых артефактов определялись с помощью классификации инвентаря и элементов погребально-поминального обряда по таким уровням, как класс, отдел, группа и тип. При этом последний уровень классификации (тип) является основным. Задача этого раздела монографического исследования состоит в том, чтобы выявить и классифицировать общее количество типологических разновидностей в изделиях материальной культуры и элементах погребально-поминального обряда, выявленных и зафиксированных в результате раскопок курганной группы Конево. Это позволит в дальнейшем более объективно индивидуально или в различных компоновках изучать каждый из них исходя из конкретных задач исторического исследования. Кроме этого полученные данные пополнят базу данных по историко-культурному наследию средневекового населения Кузнецкой котловины и, соответственно, Саяно-Алтая, составной частью которого является эта локальная территория на его северной периферии. При определении разнообразных классификационных уровней исследуемого материала использовались признаки сходства и различия, которые уже прошли апробацию как в наших работах, так и в трудах других исследователей, изу-

чавших средневековые древности кочевников степной и лесостепной Евразии.

2.1. Классификация элементов погребально-поминального обряда

Суммарная характеристика этой части исследуемого источника основывается на классификации элементов погребально-поминального обряда, которые были зафиксированы при раскопках исследуемого памятника. При типологической классификации используется опыт и знания, изложенные многими исследователями культуры средневековых кочевников Кузнецкой котловины, а также сопредельных и удаленных территорий степной Евразии (Адамов А.А., 2000, с. 17-28; Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с. 20-42; Беликова О.Б., 1996, с. 102-125; Гаврилова А.А., 1965, с. 50-78; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 175-207; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 42-54; Илюшин А.М., 1993, с. 28-33; 1999а, с. 50-65; 2005, с. 75-108; Конигов Б.А., 1993, с. 112-120; Мажитов Н.А., 1977, с. 78-118; Могильников В.А., 2002, с. 67-81; Николаев В.С., 2004, с. 104-135; Плетнева Л.М., 1990, с. 75-85; 1997, с. 70-79; Плетнева С.А., 1989, с. 173-267; 1990, с. 9-42; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 106-113; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 104-133; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 120-133; Харинский А.В., 2001, с. 74-114; и др.).

Классификация погребально-поминальных комплексов осуществляется по таким уровням, как класс, отдел, группа и тип. Это позволяет классифицировать погребально-поминальный обряд Конеево по трем классам признаков – памятник, курган с сопутствующими сооружениями и погребение (могила). При этом количество типов-признаков с каждым новым классом будет увеличиваться.

2.1.1. Памятник

Этот класс классифицируемых признаков состоит из одного отдела – интерпретация, планиграфия и топография, который в свою очередь насчитывает три группы признаков, в каждом из которых имеется свой тип-признак исследуемого памятника.

Группа 1. Интерпретация памятников. Насчитывает 1 тип – курганная группа (рис. 2).

Группа 2. Расположение погребально-поминальных комплексов на площади памятника. Насчитывает 1 тип – цепочкой (рис. 2).

Группа 3. Расположение исследуемых памятников. Насчитывает 1 тип – надпойменная возвышенность (рис. 2).

2.1.2. Курган с сопутствующими сооружениями

Этот класс признаков состоит из двух отделов, девяти групп и двадцати шести типов, которые образуют элементы погребального обряда на этом уровне исследования. При этом отдельные типы-признаки могли быть связаны как с погребальным обрядом, так и обрядом поминовения погребенных под курганными насыпями.

Отдел 1. Параметры и ориентация. Различия в форме, параметрах и ориентации погребально-поминальных комплексов, а также наличие или отсутствие околокурганных сооружений являются основанием для классификации этого отдела изучаемых признаков. Насчитывает 7 групп и 16 типов.

Группа 1. Форма и размеры курганных земляных насыпей. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Округлые, диаметр колеблется в пределах 10,1-12 м. Насчитывает 1 экземпляр. Это насыпь кургана №3 (рис. 26).

Тип 2. Округлые, диаметр колеблется в пределах 12,1-16 м. Насчитывает 1 экземпляр. Это насыпь кургана №4 (рис. 37).

Тип 3. Округлые, диаметр колеблется в пределах 16,1-20 м. Насчитывает 1 экземпляр. Это насыпь кургана №1 (рис. 3).

Тип 4. Округлые, диаметр колеблется в пределах 21,1-25 м. Насчитывает 1 экземпляр. Это насыпь кургана №2 (рис. 10).

Группа 2. Высота курганных земляных насыпей. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Высота насыпи колеблется в пределах 1,01-1,5 м. Насчитывает 2 экземпляра. Это насыпи курганов №3 и №4 (рис. 26; 37).

Тип 2. Высота насыпи колеблется в пределах 1,51-2 м. Насчитывает 1 экземпляр. Это насыпь кургана №1 (рис. 3).

Тип 3. Высота насыпи колеблется в пределах 2,01-2,5 м. Насчитывает 1 экземпляр. Это насыпь кургана №2 (рис. 10).

Группа 3. Рвы, ограничивающие сакральное пространство, по форме и по расположению к курганной насыпи. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Рвы подчетыреугольной формы, с входом-перешейком и ритуальной площадкой. Зафиксирован в 4 случаях при курганах №№ 1, 2, 3 и 4 (рис. 3; 10; 26; 37).

Группа 4. Рвы, ограничивающие сакральное пространство, по ориентации длинной оси к сторонам света. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Рвы, длинной осью вытянутые по линии ЮЗ-СВ. Зафиксирован в 4 случаях при курганах №№ 1, 2, 3 и 4 (рис. 3; 10; 26; 37).

Группа 5. Рвы, ограничивающие сакральное пространство, по размерам. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Внешние размеры рва по длинной оси составляют от 16,01 до 20 м. Насчитывает 2 случая. Это рвы курганов №3 и №4 (рис. 26; 37).

Тип 2. Внешние размеры рва по длинной оси составляют от 20,01 до 25 м. Насчитывает 1 случай. Это ров кургана №1 (рис. 3).

Тип 3. Внешние размеры рва по длинной оси составляют от 25,01 до 30 м. Насчитывает 1 случай. Это ров кургана №2 (рис. 10).

Группа 6. Ширина рвов. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Размеры ширины рва колеблются от 1,01 до 1,5 м. Насчитывает 1 случай. Это ров кургана №4 (рис. 37).

Тип 2. Размеры ширины рва колеблются от 1,51 до 2 м. Насчитывает 1 случай. Это ров кургана №3 (рис. 26).

Тип 3. Размеры ширины рва колеблются от 2,01 до 2,5 м. Насчитывает 2 случая. Это рвы курганов №1 и №2 (рис. 3; 10).

Группа 7. Глубина рвов. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Размеры глубины рва колеблются от 0,51 до 1 м. Насчитывает 4 случая. Это рвы при курганах №№ 1, 2, 3 и 4 (рис. 3; 10; 26; 37).

Отдел 2. Следы различных ритуальных действий, инвентарь и конструкции в курганных насыпях и рвах. Насчитывает 3 группы и 13 типов признаков.

Группа 1. Наличие артефактов в насыпи и под насыпью. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Кости лошадей. Зафиксирован в 4 случаях в кургане №4 (рис. 37).

Тип 2. Кости человека. Зафиксирован в 4 случаях в кургане №4 (рис. 37).

Тип 3. Настил из бревен и бересты. Зафиксирован в 1 случае в кургане №3 (рис. 26).

Тип 4. Деревянные столбы. Зафиксирован в 1 случае в кургане №4 (рис. 37).

Группа 2. Наличие артефактов во рвах. Насчитывает 5 типов. Количество фиксации конкретных случаев, интерпретируемых на уровне типа, указывается в скобках, рядом с нумерацией объекта.

Тип 1. Кости животных (без определения). Зафиксирован в 4 случаях в курганах №1 (1 случай), №2 (2 случая) и №4 (1 случай) (рис. 3; 10; 37).

Тип 2. Кости лошадей. Зафиксирован в 4 случаях в курганах №2 (2 случая), №3 (1 случай) и №4 (1 случай) (рис. 10; 26; 37).

Тип 3. Кости овцы или барана. Зафиксирован в 1 случае в кургане №2 (рис. 10).

Тип 4. Кости человека. Зафиксирован в 1 случае в кургане №4 (рис. 37).

Тип 5. Каменная кладка. Зафиксирован в 1 случае в кургане №2 (рис. 10).

Группа 3. Количество могил.

Тип 1. Две могилы. Зафиксирован в 1 случае в кургане №1 (рис. 3).

Тип 2. Три могилы. Зафиксирован в 1 случае в кургане №3 (рис. 10).

Тип 3. Семь могил. Зафиксирован в 1 случае в кургане №2 (рис. 26).

Тип 4. Одиннадцать могил. Зафиксирован в 1 случае в кургане №4 (рис. 37).

2.1.3. Погребения

Этот класс классификации признаков погребально-поминального обряда насчитывает 4 отдела, 13 групп и 65 типов. При классификации этого класса исследуемый источник не может быть задействован в полном объеме, так как часть могил была полностью разграблена в древности или разрушена в недалеком прошлом. Именно эти обстоятельства не позволяют проследить наличие или отсутствие отдельных признаков, классифицируемых на уровне типов.

Отдел 1. Форма погребения. Форма погребения классифицируется по способу захоронения в могилах, составу, позах погребенных и размерам, что позволяет выделить 3 группы и 14 типов.

Группа 1. Ингумация. Выделяется по способу захоронения. Все погребения людей и захоронения животных и их останков в исследуемых могилах в этой группе, которая по составу, полу и возрасту погребенных насчитывает 7 типов.

Тип 1. Погребение мужчины. Насчитывает 1 случай во рву кургана №4 (могила 11) (рис. 56).

Тип 2. Погребение женщины. Насчитывает 3 случая в курганах №2 (могилы 3 и 7) и №4 (могила 9) (рис. 18; 25; 53).

Тип 3. Погребение ребенка. Насчитывает 4 случая в курганах №3 (могила 2) и №4 (могилы 4, 6 и 7) (рис. 32; 45; 48; 50).

Тип 4. Погребение мужчины с лошадьё. Насчитывает 4 случая в курганах №2 (могила 4), №3 (могила 3) и №4 (могилы 1 и 2) (рис. 20; 34; 39; 41).

Тип 5. Погребение мужчины со шкурой лошади. Насчитывает 5 случаев в курганах №1 (могила 2), №2 (могилы 1 и 6) и №4 (могилы 5 и 8) (рис. 6; 11; 23; 46, А, Б; 51).

Тип 6. Погребение женщины со шкурой лошади. Насчитывает 4 случая в курганах №1 (могила 1), №2 (могилы 2), №3 (могила 1) и №4 (могила 3) (рис. 4; 16; 27; 43).

Тип 7. Захоронение шкуры лошади. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 10) (рис. 55).

Группа 2. Кенотафы. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Для детей. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (яма 1) (рис. 38).

Группа 3. Место и категория захоронения. Насчитывает 6 типов.

Тип 1. Грунтовые ямы, углубленные в материк. Насчитывает 17 случаев в курганах №1 (могилы 1 и 2), №2 (могилы 2, 3, 4, 6 и 7), №3 (могилы 1, 2 и 3) и №4 (могилы 2, 3, 4, 5, 7, 8 и 9) (рис. 4; 6; 16; 18; 20; 23; 25; 27; 32; 34; 41; 42; 44; 46, А, Б; 48; 49; 51).

Тип 2. На древней дневной поверхности. Насчитывает 1 случай в кургане № 4 (могила 10) (рис. 53).

Тип 3. На материке. Насчитывает 1 случай в кургане № 4 (могила 6) (рис. 48).

Тип 4. Во рву. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 11) (рис. 56).

Тип 5. Комбинированный с расположением захоронений в грунтовой яме и на древней дневной поверхности земли. Насчитывает 1 случай в кургане № 4 (могила 1) (рис. 39).

Тип 6. Комбинированный с расположением захоронений в грунтовой яме и катакомбе. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 1) (рис. 11).

Отдел 2. Форма и ориентация грунтовых могил, а также конструкции и сооружения в них. Насчитывает 4 группы и 25 типов.

Группа 1. Форма могильных грунтовых ям на уровне материка. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Подпрямоугольная. Насчитывает 5 случаев в курганах №2 (могилы 4 и 6) и №4 (яма 1, могилы 1 и 2) (рис. 20; 23; 38; 39; 41).

Тип 2. Овальная. Насчитывает 15 случаев в курганах №1 (могилы 1 и 2), №2 (могилы 1, 2, 3 и 7), №3 (могилы 1, 2 и 3) и №4 (могилы 3, 4, 5, 7, 8 и 9) (рис. 4; 6; 11; 16; 18; 25; 27; 32; 34; 42; 44; 46, А, Б; 48; 49; 51).

Группа 2. Ориентация грунтовых могильных ям по длинной оси. Насчитывает 5 типов.

Тип 1. По линии С-Ю. Насчитывает 1 случай в кургане №3 (могила 1) (рис. 27).

Тип 2. По линии ССВ-ЮЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 1) (рис. 11).

Тип 3. По линии СВ-ЮЗ. Насчитывает 7 случаев в курганах №2 (могилы 2, 3, 4, 6 и 7) и №3 (могилы 2 и 3) (рис. 16; 18; 20; 23; 25; 32; 34).

Тип 4. По линии ВСВ-ЗЮЗ. Насчитывает 7 случаев в курганах №1 (могилы 1 и 2) и №4 (могилы 2, 5, 7, 8 и 9) (рис. 4; 6; 41; 46, Б; 48; 49; 51).

Тип 5. По линии ЮВ-СЗ. Насчитывает 4 случая в кургане №4 (яма 1 и могилы 1, 3 и 4) (рис. 38; 39; 42; 44).

Группа 3. Конструкция грунтовых могил. Насчитывает 9 типов.

Тип 1. Грунтовые могильные ямы без дополнительных конструкций. Насчитывает 9 случаев в курганах №2 (могила 7), №3 (могила 2) и №4 (яма 1, могилы 1, 2, 4, 5, 7 и 9) (рис. 25; 32; 38; 39; 41; 45; 46, А, Б; 50; 53).

Тип 2. Грунтовые могильные ямы с локальным подбоем в северной стенке, дно входа и дно подбоя находятся на одном уровне. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 3) (рис. 43).

Тип 3. Грунтовые могильные ямы с подбоем в южной стенке и ступенькой во входе. Насчитывает 2 случая в курганах №2 (могила 3) и №3 (могила 3) (рис. 18; 34).

Тип 4. Грунтовые могильные ямы с катакомбой. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 1) (рис. 11).

Тип 5. Грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль западной стенки. Насчитывает 2 случая в курганах №2 (могила 4) и №3 (могила 1) (рис. 20; 27).

Тип 6. Грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль северной стенки. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 8) (рис. 51).

Тип 7. Грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль северной стенки и с подбоем в южной стенке со ступенькой во входе. Насчитывает 2 случая в курганах №1 (могила 1) и №2 (могила 6) (рис. 6; 23).

Тип 8. Грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль южной стенки и с подбоем в северной стенке и ступенькой во входе. Насчитывает 1 случай в кургане №1 (могила 1) (рис. 4).

Тип 9. Грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль южной стенки и с подбоем в противоположной северной стенке, дно входа и подбоя находятся на одном уровне. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 2) (рис. 16).

Группа 4. Конструкции и сооружения в заполнении и на дне могил и их отсутствие. Насчитывает 9 типов.

Тип 1. Деревянная перегородка (из досок). Насчитывает 1 случай в кургане №3 (могила 1) (рис. 27).

Тип 2. Перегородка из дерева (досок) и бересты. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 4) (рис. 20).

Тип 3. Деревянное перекрытие (из досок). Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 2) (рис. 16).

Тип 4. Фрагменты дерева без определения конструкции. Насчитывает 1 случай в кургане №3 (могила 1) (рис. 27).

Тип 5. Фрагменты бересты без определения конструкции. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 4) (рис. 45).

Тип 6. Берестяная подстилка. Насчитывает 3 случая в курганах №1 (могила 1) и №2 (могила 2 и 6) (рис. 4; 16; 23).

Тип 7. Берестяной кокон (чехол). Насчитывает 2 случая в кургане №2 (могила 2 и 4) (рис. 16; 20).

Тип 8. Деревянная рама с деревянным дном. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 1) (рис. 11).

Тип 9. Погребальных конструкций нет. Насчитывает 15 случаев в курганах №1 (могила 2), №2 (могилы 3 и 7), №3 (могилы 2 и 3) и №4 (яма 1, могилы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9) (рис. 6; 18; 25; 27; 32; 34; 38; 39; 41; 43; 45; 46, А, Б; 48; 50; 51; 53).

Отдел 3. Ориентация погребенных людей и животных. Выделяются 4 группы признаков по категориям погребенных людей и животных и 17 типов по их ориентации головой.

Группа 1. Одиночные погребения людей (взрослых и детей). Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Головой на СВ. Насчитывает 3 случая в курганах №2 (могилы 3 и 7) и №3 (могила 2) (рис. 18; 25; 32).

Тип 2. Головой на ВСВ. Насчитывает 3 случая в кургане №4 (могилы 7, 9 и 11) (рис. 50; 53; 56).

Тип 3. Головой на ЮВ. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 4) (рис. 45).

Тип 4. Головой на З. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 6) (рис. 48).

Группа 2. Парное захоронение взрослого человека с тушей лошади. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Человек головой на СВ, а лошадь справа от него головой в противоположную сторону на ЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №3 (могила 3) (рис. 34).

Тип 2. Человек головой на ЮВ, а лошадь слева от него головой в противоположную сторону на СЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 1) (рис. 39).

Тип 3. Человек головой на ВСВ, а лошадь над ним головой в противоположную сторону на ЗЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 2) (рис. 41).

Тип 4. Человек головой на ЮЗ, а лошадь головой в противоположную сторону на СВ. Насчитывает 1 случай в кургане № 2 (могила 4) (рис. 20).

Группа 3. Парное захоронение взрослого человека со шкурой лошади. Насчитывает 8 типов.

Тип 1. Человек головой на ССВ, а шкура в его ногах головой в противоположную сторону на ЮЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане № 2 (могила 1) (рис. 11).

Тип 2. Человек головой на СВ, а шкура слева от него головой в противоположную сторону на ЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 2) (рис. 16).

Тип 3. Человек головой на СВ, а шкура справа от него головой в противоположную сторону на ЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №2 (могила 6) (рис. 23).

Тип 4. Человек головой на ВСВ, а шкура слева от него головой в противоположную сторону на ЗЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №1 (могила 1) (рис. 4).

Тип 5. Человек головой на ВСВ, а шкура справа от него головой в противоположную сторону на ЗЮЗ. Насчитывает 2 случая в курганах №1 (могила 2) и №4 (могила 8) (рис. 6; 51).

Тип 6. Человек головой на ВСВ, а шкура над ним головой в противоположную сторону на ЗЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 5) (рис. 46, А, Б).

Тип 7. Человек головой на ЮВ, а шкура слева от него головой в противоположную сторону на СЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 3) (рис. 39).

Тип 8. Человек головой на Ю, а шкура слева от него головой в противоположную сторону на С. Насчитывает 1 случай в кургане №3 (могила 1) (рис. 27).

Группа 4. Захоронение шкуры лошади. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Головой на ЮЗ. Насчитывает 1 случай в кургане №4 (могила 10) (рис. 55).

Отдел 4. Следы ритуальных действий в могилах. Насчитывает 2 группы и 9 типов.

Группа 1. Кости животных. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Кости барана или овцы. Зафиксирован в 11 случаях в курганах №1 (могилы 1 и 2), №2 (могилы 1, 2 и 3), №3 (могилы 1 и 3) и №4 (могилы 3, 5, 8 и 9) (рис. 4; 6; 11; 16; 18; 27; 34; 43; 46, Б; 51; 53).

Тип 2. Кости птицы. Зафиксирован в 1 случае в кургане №2 (могила 1) (рис. 11).

Группа 2. Предметы материальной культуры и их отсутствие. Насчитывает 7 типов.

Тип 1. Предметы вооружения. Зафиксированы в 9 случаях в курганах №1 (могила 2), №2 (могилы 1, 2 и 6), №3 (могилы 1 и 3) и №4 (могилы 1, 9 и 11) (рис. 6; 11; 16; 23; 27; 34; 39; 53; 56).

Тип 2. Предметы конской упряжи. Зафиксированы в 14 случаях в курганах №1 (могилы 1 и 2), №2 (могилы 1, 2, 4 и 6), №3 (могилы 1 и 3) и №4 (могилы 1, 2, 3, 5, 8 и 9) (рис. 4; 6; 11; 16; 20; 23; 27; 34; 39; 41; 43; 46, А; 51; 53).

Тип 3. Предметы одежды и украшения. Зафиксированы в 10 случаях в курганах №1 (могилы 1 и 2), №2 (могилы 2 и 4), №3 (могилы 1 и 2) и №4 (могилы 3, 5, 8 и 11) (рис. 4; 6; 11; 16; 20; 23; 27; 32; 43; 46, Б; 51; 56).

Тип 4. Предметы культового назначения. Зафиксированы в 4 случаях в курганах №2 (могила 3), №3 (могилы 1 и 2) и №4 (могилы 6) (рис. 18; 27; 32; 48).

Тип 5. Орудия труда и бытовые предметы. Зафиксированы в 3 случаях в курганах №2 (могила 1) и №4 (могилы 3 и 5) (рис. 11; 43; 46, Б).

Тип 6. Серебряная посуда. Зафиксирована в 1 случае в кургане №1 (могила 2) (рис. 6).

Тип 7. Отсутствие погребального инвентаря. Насчитывает 5 случаев в курганах №2 (могила 7) и №4 (яма 1 и могилы 4, 7 и 10) (рис. 25; 45; 50; 55).

2.2. Классификация инвентаря

В классификации находок, сделанных при раскопках объектов курганной группы Конеево, были задействованы лишь те предметы, которые были реставрированы или сохранили свою первоначальную форму и соответствуют современным требованиям к этому виду работы. Весь инвентарь из исследуемых погребальных комплексов по назначению условно подразделяется на пять категорий: вооружение, конское снаряжение, принадлежности одежды и украшения, орудия труда и бытовые предметы, посуда.

2.2.1. Вооружение

Комплекс вооружения из погребально-поминальных комплексов состоит из средств ведения дистанционного и ближнего боя и, предварительно, уже исследовался нами (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2007, с. 79-83), что позволяет суммарно представить результаты этой работы после небольшой корректировки. По типологической классификации оружия, бывшего в употреблении у населения Кузнецкой котловины, Сибири и у кочевников евразийских степей в период развитого средневековья, существуют многочисленные исследования (Адамов А.А., 2000, с. 37-45; Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с. 78-93; Беликова О.Б., 1996, с. 75-82; Горбунов В.В., 2003; 2006; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 90-113; Иванов В.А., 1987, с. 139-176; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 10-14; Илюшин А.М., 1993, с. 21-25; 1997, с. 22-27; 1999, с. 25-32; 1999а, с. 36-42; 2005, с. 75-108; 2010д, с. 120-133; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994, с. 91-96; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 19-23; Конилов Б.А., 1987, с. 163-171; 1993, с. 135-139; Кызласов И.Л., 1983, с. 37-39; Медведев А.Ф., 1966, с. 36-51; 1966а; Могильников В.А., 2002, с. 102-117; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, с. 43-82; Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 35-52; Нестеров С.П., 1981, с. 168-172; Николаев В.С., 2004, с. 80-91; Плетнева С.А., 1989, с. 69-81; 1990, с. 43-48; Плетнева Л.М., 1997, с. 82-86; Плотников Ю.А., 1981, с. 162-167; Руденко К.А., 2003, с. 60-106; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 139-144; Соловьев А.И., 1987; Сулейменов М.Г., 2008, с. 93-96; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 85-89; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 34-44; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 22-36; Харинский А.В., 2001, с. 135-142; Худяков Ю.С., 1975, с. 305-317; 1980; 1986; 1988, с. 172-205; 1991; 1997; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1995, с. 92-107; и др.). Это позволяет использовать накопленный опыт для классификации находок оружия из коневских курганов.

Предметы вооружения и снаряжения для дистанционного боя по материалам раскопок курганной группы Конеево представлены комплексом изделий для стрельбы из лука – железными наконечниками и древками стрел, остатками колчанов и их креплений (рис. 9, 35, 37-49; 13, 12-20; 14, 21-41; 36, 8-11; 54, 1-4, 6, 8; 57, 1, 2).

Стрелы – самая массовая категория инвентаря в комплексе вооружения дистанционного боя. Они представлены фрагментами древков и железными наконечниками.

Наконечники стрел, которые были найдены в Конево, по материалу изготовления относятся к классу железных, по способу крепления и форме несущей части – к отделу черешковых, по сечению пера и ударной части делятся на группы, а по форме пера и оформлению ударной части – на типы. Боеголовковые типы наконечников стрел определяются по наличию овальной или округлой в сечении «шейки» упора, которые бывают длинные и короткие, удлиняющие и утяжеляющие наконечник. Последний признак иногда на уровне классификации интерпретируют как вариант (Горбунов В.В., 2006, с. 27-28), или тип.

Группа 1. Трехлопастные. Насчитывает 2 типа. Эта группа наконечников отличается трехлопастным пером, что обеспечивало стреле устойчивость в полете.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №2 (рис. 14, 36).

Тип 2. Боеголовковые, ромбические с короткой шейкой. Включает 2 экземпляра из могилы 1 кургана №2 (рис. 14, 29, 30).

Группа 2. Трехгранно-трехлопастные. Насчитывает 2 типа. Эта группа наконечников отличается трехгранным сечением ударных граней боевой головки пера и трехлопастным сечением его плечиков.

Тип 1. Боеголовковые, треугольные с короткой шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №2 (рис. 14, 35).

Тип 2. Боеголовковые, ромбические с короткой шейкой. Включает 3 экземпляра из могилы 1 кургана №2 (рис. 14, 31, 32, 34).

Группа 3. Трехгранные. Насчитывает 1 тип. Эта группа наконечников стрел отличается трехгранной монолитной боевой головкой, предназначенной для пробивания металлических защитных доспехов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана №1 (рис. 9, 39, 46).

Группа 4. Ромбические. Насчитывает 5 типов. Эта группа наконечников стрел отличается ромбическим сечением монолитной боевой головки, предназначенной для пробивания металлических защитных доспехов.

Тип 1. Боеголовковые, ромбические с короткой шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 9 кургана № 4 (рис. 54, 3).

Тип 2. Боеголовковые, удлиненно-ромбические с короткой шейкой. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана № 1 в разном исполнении (рис. 9, 40, 43).

Тип 3. Боеголовковые, удлиненно-ромбические с длинной шейкой. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана № 1 в разном исполнении (рис. 9, 38, 42).

Тип 4. Боеголовковые, удлиненно-прямоугольные с длинной шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 9 кургана №4 (рис. 54, 4).

Тип 5. Боеголовковые, прямоугольные томары. Включает 1 экземпляр из могилы 2 кургана №1 (рис. 9, 47).

Группа 5. Линзовидные. Насчитывает 2 типа. Сечение монолитной боевой головки наконечников стрел этой группы напоминает уплощенную двояковыпуклую «линзу» с острыми краями.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экземпляр из кургана могилы 1 кургана №2 (рис. 14, 27).

Тип 2. Боеголовковые, асимметрично-ромбические с короткой шейкой. Включает 6 экземпляров из могилы 1 кургана №2 и могилы 3 кургана №3 в разном исполнении (рис. 14, 28, 38; 36, 8-11).

Группа 6. Плоские. Насчитывает 4 типа. Эту группу наконечников стрел отличает плоское сечение монолитной боевой головки.

Тип 1. Боеголовковые, ромбические с короткой шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 2 кургана №1 (рис. 9, 49).

Тип 2. Боеголовковые, асимметрично-ромбические с короткой шейкой. Включает 3 экземпляра из могилы 2 кургана №1, могил 9 и 11 кургана №4 (рис. 9, 41; 54, 1; 57, 2).

Тип 3. Боеголовковые, трапециевидные томары с короткой шейкой. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана №1 и могилы 11 кургана №4 (рис. 9, 37; 57, 1).

Тип 4. Боеголовковые, секторные томары с короткой шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 9 кургана №4 (рис. 54, 2).

Древки стрел были найдены лишь в могиле 1 кургана №2 (рис. 13, 13-20; 14, 21-26) и представляли собой фрагменты прямых палочек с округлым сечением, диаметр которого составлял 5-8 мм. Это составной элемент стрелы, используемый для крепления наконечников и обеспечивающий прицельную стрельбу из лука. На некоторых сохранившихся экземплярах имеется выделенное ушко в виде «арочного» выреза (рис. 13, 14, 19, 20; 14, 21, 24-26), которое изготовлялось из бересты и приклеивалось к окончанию древка для удобства вставления стрелы в лук и ее удержания при натяжении тетивы.

Колчаны относятся к категории воинского снаряжения, используемого для ношения и хранения стрел. По находкам колчанов (рис. 9, 35; 13, 12; 54, 8) и наблюдениям за расположением наконечников стрел в могилах, нами было высказано предположение, что на памятнике имели место два вида колчанов, которые выделяются по материалу изготовления. Это кожаные (1 экз.) в могиле 3 кургана №3 и берестяные (3 экз.) в могиле 2 кургана №1, могиле 1 кургана №2 и могиле 9 кургана 4 колчаны, которые во всех случаях крепились к поясу и носились на левом бедре (*Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2007, с. 81*). Степень сохранности этой категории предметов из раскопок курганной группы Конево позволяет классифицировать

лишь один берестяной колчан из могилы 2 кургана №1. По форме приемника и горловины этот колчан относится к группе – открытый конический, типу – с горизонтально срезанным верхом (рис. 9, 35). Любопытно, что этот колчан крепился при помощи кожаных ремней, украшенных железными наконечниками и железной пряжкой (рис. 6; 8, 31-34), которые классифицируются ниже.

Колчаные скобы, используемые для крепления колчана, были найдены в могиле 3 кургана №3 и могиле 9 кургана №4 (рис. 34; 53). Подобные изделия, как правило, располагались на приемниках колчанов ближе к горловине. Колчаные скобы по материалу изготовления подразделяются на группы, а по форме и конструкции на типы.

Группа 1. Костяные. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Лировидные. Включает 1 экземпляр из могилы 9 в кургане №4 (рис. 54, 6).

Тип 2. Треугольные. Включает 1 экземпляр из могилы 3 в кургане №3 (рис. 36, 12).

Предметы вооружения ближнего боя в исследуемых курганах встречаются значительно реже, чем оружие дистанционного боя. Вероятно, это объясняется его большей ценностью.

Сабли в Конево были зафиксированы лишь в двух случаях при раскопках могилы 2 кургана №1 и могилы 1 кургана №2 (рис. 9, 36; 15, 43-50). По причине плохой сохранности реставрировать саблю из кургана №2 не удалось. Слабоизогнутая сабля из могилы 2 кургана №1 по разрезу лезвия относится к группе трехгранных, а по форме перекрестья – к типу с ладьевидным перекрестьем (рис. 9, 36).

Кинжал был найден в могиле 1 кургана №4 (рис. 40, 3). По материалу и форме лезвия он относится к группе железных, прямых, а по отсутствию перекрестья – к типу без перекрестья. Разрез лезвия кинжала имел линзовидную форму, а на его черен была насажена плоская костяная рукоять (рис. 40, 28).

Ножи в отличие от кинжалов более просты в изготовлении и имеют один режущий край. При этом они полифункциональны по своему назначению, так как могли использоваться не только в рукопашном бою, но и в повседневной бытовой и трудовой деятельности. Ножи и их фрагменты были найдены в могилах 2 и 6 кургана №2, в могиле 1 кургана №3, в могиле 9 кургана №4 (рис. 17, 3; 24, 4; 28, 1, 4; 54, 5). Ножи при классификации образуют группы по материалу изготовления, контуру лезвия и конструкции, а по наличию или отсутствию перекрестья и размерам – типы.

Группа 1. Железные, прямые. Насчитывает 2 типа. Все найденные в Конево ножи имеют прямую спинку, с уступами разной величины у лезвия и спинки к рукояти, а лезвия ножей сужаются от рукояти к острию.

Тип 1. Большие без перекрестья. Включает 1 экземпляр из кургана могилы 1 кургана №3 (рис. 28, 1).

Тип 2. Маленькие без перекрестья. Включает 4 экземпляра из могил 2 и 6 кургана №2, могилы 1 кургана №3 и могилы 9 кургана №4 (рис. 17, 3; 24, 4; 28, 4; 54, 5). На одном экземпляре ножа этого типа сохранилась насаженная костяная цилиндрическая рукоятка (рис. 17, 3).

Тесла были найдены при исследовании могилы 1 в кургане №2 и могилы 3 в кургане №3, где были погребены мужчины-воины, что указывает на боевое назначение этих предметов. Найденные тесла по форме втулки и виду лезвия относятся к группе узколезвийных с несомкнутой втулкой, а по соотношению втулки и лезвия – к типу с плечиками (рис. 14, 42; 36, 3).

Защитное вооружение в Конеево представлено двумя находками бронзовых панцирных пластин разной формы в могиле 4 кургана №2 и могиле 3 кургана №3. В первом случае пластина располагалась на груди погребенного мужчины и имела вытянутую четырехугольную форму (рис. 20; 21, 4), а во втором – была овальной формы и располагалась на правой голени погребенного мужчины (рис. 34; 36, 7). Судя по диаметру отверстий, обе пластины крепились при помощи кожаных ремешков к верхней одежде погребенного в первом случае и, вероятно, к обуви погребенного во втором случае. По существующей классификации обе панцирные пластины по материалу изготовления относятся к классу бронзовых, по способу скрепления пластин – к отделу ламеллярных. По сечению пластины можно отнести к двум группам – плоских и выпуклых, а по месту расположения на панцире (функциональному назначению) соответственно к типам – нагрудные (рис. 21, 4) и голенные (рис. 36, 7). Первая пластина (рис. 21, 4; фото 15), видимо, являлась частью нагрудника или манишки, которые могли быть выполнены из кожи, на которую она крепилась. Второе изделие (рис. 36, 7) являлось самостоятельным элементом защитного вооружения, которое принято называть наголенник, наножник или поножи (Трубников В.Г., 2004, с. 58, 61, 75). Так как обе панцирные пластины были изготовлены из бронзы, можно предполагать, что они кроме защитной роли как элементы доспехов могли выполнять какую-либо иную знаково-семантическую функцию.

2.2.2. Конское снаряжение

При раскопках коневских курганов были найдены многочисленные артефакты, свидетельствующие о том, что у населения, соорудившего эти объекты, лошадь играла большую роль как транспортное средство, продукт питания и оценка благосостояния. При классификации предметов конского снаряжения учитывается транспортная роль лошади как средства передвижения и тяговая сила, и поэтому исследуются такие категории, как удила, псалии, стремяна, крепление седла и подпружные пряжки, а также разнообразные украшения. Почти каждое захоронение туши или

шкурки лошади, выявленное и исследованное в Конево, содержало предметы конского снаряжения.

Вопросы классификации предметов конского снаряжения у средневековых кочевников рассматривались многими исследователями, изучавшими историю кочевников степной Евразии, Саяно-Алтая и Западной Сибири (Адамов А.А., 2000, с. 45-48; Амброз А.К., 1973, с. 81-98; Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с. 75-78; Беликова О.Б., 1996, с. 70-75; Вайнштейн С.И., 1991, с. 208-228; Гаврилова А.А., 1965, с. 80-87; Горбунова Т.Г., 2002, с. 91-102; Григоров Е.В., 1998, с. 152-158; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 86-90; Ефремов С.А., 1998, с. 159-169; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 8-10; Илюшин А.М., 1993, с. 25-27; 1997, с. 27-29; 1999, с. 32-38; 1999а, с. 42-43; 2005, с. 75-108; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 23-25; Конилов Б.А., 1993, с. 139-141; Кызласов И.Л., 1983, с. 22-37; Могильников В.А., 2002, с. 82-98; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, с. 82-83; Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 52-65; Неверов С.В., 1991, с. 141-145; 1992, с. 141-154; 1998, с. 129-151; Нестеров С.П., 1988, с. 173-183; Николаев В.С., 2004, с. 91-100; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 86-139; Плетнева Л.М., 1997, с. 86-90; Плетнева С.А., 1989, с. 81-90; 1990, с. 48-52; Савинов Д.Г., 1977, с. 76-85; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 144-151; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 65-85; Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 44-47; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 11-22; Харинский А.В., 2001, с. 142-143; и др.). Этот опыт лег в основу приводимой классификации и сравнительного анализа.

Удила. Все найденные в исследуемых курганах удила по материалу изготовления относятся к группе железных, а по конструкции – к 3 типам.

Тип 1. Однокольчатые, состоящие из двух звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце. Включает 11 экземпляров из могил 1 и 2 в кургане №1, могил 1, 2 и 6 в кургане №2, могил 1 и 3 в кургане №3, могил 1, 5, 8 и 9 в кургане №4 (рис. 5, 1; 7, 1; 12, 1; 17, 1; 24, 3; 28, 2; 35, 1; 40, 1; 47, 1; 52, 1; 54, 7).

Тип 2. Двукольчатые, состоящие из двух звеньев на внешних окончаниях, на которых имеются два неподвижных кольца перпендикулярно друг к другу. Включает 1 экземпляр из могилы 4 кургана №2 (рис. 21, 2).

Тип 3. Однокольчатые витые, состоящие из двух витых звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце. Включает 1 экземпляр из могилы 3 в кургане №4 (рис. 44, 1).

Псалии. Практически все удила в исследуемых курганах имели псалии, которые по материалу изготовления относятся к группе железных, а по конструкции и размерам подразделяются на типы.

Тип 1. Комбинированные стержневые (в разном исполнении с «башмаками» и «головками», прямые, S-образные и Г-образные со скобами) и кольчатые (в разном исполнении большие и маленькие). Включает 6 эк-

земпларов из могил 1 и 2 в кургане №1, могила 1 и 4 в кургане №2, могила 1 и 3 в кургане №3 (рис. 5, 1; 7, 1; 12, 1; 21, 2; 28, 2; 35, 1). На отдельных экземплярах сохранились фрагменты железных щитков-обойм и колец для крепления уздечного ремня (рис. 7, 1; 21, 2; 28, 2; 35, 1).

Тип 2. Кольчатые, маленькие (внешний диаметр кольца которых менее половины величины размера звена удила). Включает 9 экземпляров из могил 1 и 2 в кургане №1, могила 1, 2, 4 и 6 в кургане №2, могила 1 и 3 в кургане №3 и могилы 3 в кургане №4 (рис. 5, 1; 7, 1; 12, 1; 17, 1; 21, 2; 24, 3; 28, 2; 35, 1; 44, 1). На одном из найденных экземпляров сохранились щитки-обоймы для закрепления уздечного ремня (рис. 43, 1).

Тип 3. Кольчатые, большие (внешний диаметр кольца которых превышает половину величины размера звена удила). Включает 3 экземпляра из могил 1, 8 и 9 в кургане №4 (рис. 40, 1; 52, 1; 54, 7). На отдельных экземплярах сохранились фрагменты железных щитков-обойм для крепления уздечного ремня (рис. 40, 1).

Стремена в исследуемых курганах являются редкой находкой. Они были найдены в пяти экземплярах в трех могилах (рис. 11; 12, 2, 3; 27; 28, 3; 34; 35, 4, 5). По причине плохой сохранности можно классифицировать лишь два из них. По материалу изготовления эти предметы относятся к группе железных, а по способу крепления ушка относятся к 1 типу.

Тип 1. С прямоугольным выступом на верхней дужке, в разном исполнении. Включает 2 экземпляра из могилы 1 в кургане №2 и могилы 3 в кургане №3 (рис. 12, 2; 35, 5). Разное исполнение стремян в основном характеризуется их формами (подтреугольной или арочной) и конструкциями подножек (прямые, широкие).

Крепления седла использовались в конструкциях отдельных типов седел. По материалу изготовления они относятся к группе железных, а по форме и конструкции подразделяются на типы.

Тип 1. Штыреобразные с заклепками. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана №2 и могилы 8 кургана №4 (рис. 17, 2; 52, 2).

Тип 2. Скобообразные пластины, соединенные штырями. Включает 1 экземпляр из могилы 6 кургана №2 (рис. 24, 1).

Тип 3. Арочные пластины с отверстиями и шпеньками для крепления. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана №1 (рис. 7, 13, 14). Эти изделия однозначно крепились на луки седел и использовались для упрочения их конструкции, а наличие отверстий указывает на то, что седло выполняло еще и функцию крепления груза и снаряжения всадника.

Тип 4. Штыреобразное с кольцом. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №1 (рис. 5, 3). Вероятно, крепилось на седле и использовалось для закрепления ремней экипировки седла.

Подпружные пряжки употреблялись для затягивания ремней крепления седла. По материалу изготовления они подразделяются на группы, а по форме и конструкции – на типы.

Группа 1. Железные. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Рамчатая округлая с подвижным язычком и приплюснутой передней дужкой. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №1 (рис. 5, 6).

Тип 2. Овальнорамчатая с подвижными язычком и неподвижным щитком подчетыреугольной формы с отверстием. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №4 (рис. 40, 2).

Группа 2. Бронзовые. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Овальная пряжка-петля. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №3 (рис. 30, 23).

Группа 3. Костяные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Трапециевидная с заovalенными углами. Включает 1 экземпляр из могилы 6 кургана №2 (рис. 24, 2).

К категории украшений конского снаряжения относятся многочисленные предметы, которые несли в себе эстетическую и социально значимую информацию. В Коневе из этой категории предметов были найдены султанчики, кольца, тройники, бляшки, распределители, обоймы и наконечники ремней.

Султанчик состоит из металлической пластины, к которой крепится перпендикулярно полая втулка. В последнюю вставлялись перья и украшали узду. Эти изделия располагались как на лбу, так и на носу лошади. В Коневе фрагменты султанчиков были выявлены в могилах 1 и 2 кургана №1 и могиле 3 кургана №3 (рис. 4; 5, 2; 6; 7, 2; 35, 2), но лишь один из этих предметов можно классифицировать. По материалу изготовления этот султанчик относится к группе железных, а по форме конструкции – к типу с арочной опорной пластиной и низкой втулкой (рис. 5, 2).

Тройник был найден лишь в одном экземпляре в могиле 1 кургана №1 (рис. 4; 5, 5). По материалу изготовления его можно отнести к группе железных, а по форме и конструкции – к типу Т-образных выпуклых с овальными краями окончаний.

Бляшки, украшавшие ремни конского снаряжения, были найдены в могилах 1 и 2 кургана №1 и могилы 1 кургана №3 (рис. 4; 5, 2, 6, 8; 6; 7, 3-8; 27; 29, 16; 30, 18, 20-22, 26). По материалу изготовления они относятся к 2 группам, а по форме и конструкции к 6 типам.

Группа 1. Железные. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Умбовидные. Включает 2 экземпляра из могилы 1 в кургане №1 (рис. 5, 2, 8). Этот тип блях, вероятно, использовался в узде для украшения и усиления крепления места стыка наносного ремня с нащечным и мог выполнять функцию тройника.

Тип 2. Сердцевидные, в разном исполнении. Включает 7 экземпляров из могил 1 и 2 в кургане №1 (рис. 4; 5, 6; 6; 7, 3-8).

Группа 2. Бронзовые. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Кольцевидные, цельнолитые, в разном исполнении. Включает 4 экземпляра из могилы 1 кургана №3 (рис. 29, 16; 30, 18, 20, 22).

Тип 2. Щитковые, цельнолитые, четырехугольные. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №3 (рис. 30, 21).

Тип 3. Умбоновидные с изображением личины. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 30, 26; фото 27).

Тип 4. Портупейные бляхи-обоймы. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 29, 13). Этот тип блях, вероятно, использовался для украшения мест перекрестья ремней узды.

Ременная обойма была найдена лишь в одном случае в могиле 1 кургана №3 (рис. 27; 29, 14). По материалу изготовления она относится к группе бронзовых, а по форме – к типу четырехугольные.

Наконечники ремней, которые украшали ремни конского снаряжения, были найдены в могилах 1 и 2 кургана №1, могиле 1 кургана №3 и могиле 3 кургана №4 (рис. 4; 5, 8-11; 6; 7, 9-12; 27; 29, 5-13, 15, 17; 31, 18, 19; 43; 44, 2). По материалу изготовления они относятся к 3 группам, а по форме и конструкции к 7 типам.

Группа 1. Железные. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Щитковые, удлиненные шестиугольные. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №1 (рис. 5, 9).

Тип 2. Щитковые, удлиненно-четырёхугольные с заovalенными краями окончания, в разном исполнении. Включает 3 экземпляра из могилы 1 кургана №1 (рис. 5, 8, 10, 11).

Тип 3. Щитковые, удлиненно-пятиугольные. Включает 1 экземпляр из могилы 3 кургана №4 (рис. 44, 2).

Группа 2. Железные с аппликацией серебром. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Щитковые, удлиненно-пятиугольные. Включает 4 экземпляра из могилы 1 кургана №3 (рис. 7, 9-12).

Группа 3. Бронзовые. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Щитковые, цельнолитые, удлиненно-пятиугольные с острым углом окончания, в разном исполнении. Включает 8 экземпляров из могилы 1 кургана №3 (рис. 29, 5-10, 17; 30, 19).

Тип 2. Щитковые, цельнолитые, удлиненные с овальным окончанием, в разном исполнении. Включает 4 экземпляра из могилы 1 кургана №3 (рис. 29, 11-13; 30, 18).

Тип 3. Щитковые, цельнолитые, короткие с овальным окончанием. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана №3 (рис. 29, 15).

2.2.3. Принадлежности одежды и украшения

Основы классификации принадлежностей одежды и украшений были разработаны многими авторами, исследующими средневековые комплексы Кузнецкой котловины, Западной Сибири, Саяно-Алтая и степной Евразии (Адамов А.А., 2000, с. 55-63; Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с. 94-96; Беликова О.Б., 1996, с. 85-93; Добжанский В.Н., 1990; Дружинина

И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 113-139; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 16-20; Илюшин А.М., 1993, с. 27-28; 1997, с. 29-37; 1999, с. 32-38; 1999а, с. 44-46; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 25-27; Ковалевская В.Б., 1979; Конигов Б.А., 1993, с. 141-143, 147-150; Кызласов И.Л., 1983, с. 12-20; Могильников В.А., 2002, с. 99-102, 118-121; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, с. 83-86, 95-100; Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 71-74; Николаев В.С., 2004, с. 74-80; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 19-43; Плетнева Л.М., 1997, с. 90-97; Плетнева С.А., 1989, с. 100-121; 1990, с. 54-57; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 113-130; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 94-99; Троицкая Т.Н., 1996, с. 154-162; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 47-56; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 36-77; Харинский А.В., 2001, с. 129-135; и др.). К этой категории предметов из числа найденных на исследуемом памятнике относятся поясные пряжки, кольца, бляхи, наконечники ремней, серьги и бусы.

Пряжки, которые были найдены в исследуемых курганах и использовались для ношения одежды, а также для экипировки воинов и всадников, по материалу изготовления подразделяются на группы, а по форме и конструкции – на типы.

Группа 1. Железные. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Рамчатые, трапециевидные с подвижным язычком. Включает 1 экземпляр из могилы 2 в кургане №1 (рис. 8, 19).

Тип 2. Рамчатые, овальные с подвижным язычком, в разном исполнении. Включает 3 экземпляра в могиле 2 кургана №1, могиле 2 кургана №2, могилах 8 и 11 кургана №4 (рис. 8, 18; 17, 4; 52, 3; 57, 4).

Группа 2. Бронзовые. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Двусоставные. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 30, 30, 31).

Тип 2. Овальнорамчатые, цельнолитые с неподвижным щитком с заovalенным краем окончания и с железным язычком. Включает 1 экземпляр из могилы 11 в кургане №4 (рис. 57, 3).

Поясные бляхи, как правило, подчеркивали социальный статус их обладателя. Они были найдены на поясе погребенного мужчины в могиле 2 кургана №1 (рис. 6; 8, 21-30). Кожаный пояс не сохранился в первоначальном состоянии и представлен 7 фрагментами, на которых были закреплены 24 серебряные бляхи, и 3 отдельными бляшками. Всего было найдено 27 одинаковых блях, которые по материалу изготовления относятся к группе серебряных, а по конструкции, форме, приемам изготовления и мотивам орнаментации – к типу щитковые, сердцевидные, цельнолитые с рельефным краями и геометрическим орнаментом.

Наконечники ремней, одна часть которых украшала ремни одежды мужчин, а другая использовалась для крепления колчана, были найдены в могиле 2 кургана №1 и могиле 5 кургана №4 (рис. 6; 8, 20, 31-34; 46, Б; 47,

3). По материалу изготовления они относятся к 2 группам, а по форме и конструкции к 5 типам.

Группа 1. Железные. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Двухщитковые, удлинённо-четырёхугольные с шарнирным соединением. Включает 1 экземпляр из могилы 2 кургана №1 (рис. 8, 32).

Тип 2. Щитковые, удлинённо-четырёхугольные с овальным окончанием и шарнирным соединением. Включает 1 экземпляр из могилы 5 кургана №4 (рис. 47, 3).

Тип 3. Щитковые, плоские с овальным окончанием. Включает 2 экземпляра из могилы 2 кургана №1 (рис. 8, 33, 34).

Тип 4. Подвесные, щитковые, пятиугольные. Включает 1 экземпляр из могилы 2 в кургане №1 (рис. 8, 31).

Группа 2. Бронзовые. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Щитковые, плоские, штампованные с зернёй и овальным окончанием. Включает 1 экземпляр из могилы 2 кургана №1 (рис. 8, 20).

Крепежное кольцо носили на поясе и использовали для крепления различной вспомогательной экипировки воина или всадника. Это изделие было найдено лишь в 1 экземпляре в могиле 5 из кургана №4 (рис. 46, Б; 47, 2). По материалу изготовления оно относится к группе железных, а по форме и конструкции – к типу круглых одиночных колец.

Пуговицы, найденные в исследуемых курганах, можно классифицировать по материалу изготовления на группы, а по форме – на типы.

Группа 1. Бронзовые. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Трапециевидные полые. Включает 1 экземпляр из могилы 2 в кургане №1 (рис. 6; 8, 17).

Группа 2. Костяные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Вытянутые. Включает 2 экземпляра из могилы 1 в кургане №1 и могилы 8 в кургане №4 (рис. 4; 5, 1; 51; 52, 4).

Бляха-застежка была найдена в могиле 1 кургана №3 (рис. 27; 30, 27; фото 27), по материалу изготовления она относится к группе бронзовых, а по форме – к типу каплевидные, рельефные.

Серьги, найденные в исследуемых курганах, по материалу изготовления подразделяются на группы, а по форме и конструкции – на типы.

Группа 1. Бронзовые. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Кольчатые. Включает 2 экземпляра из могилы 4 в кургане №2 (рис. 20; 21, 6, 7).

Группа 2. Серебряные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Кольчатые. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 27; 31, 50).

Накосница была найдена в могиле 3 кургана №4 (рис. 43; 44, 6). По материалу изготовления она относится к группе костяных, а по форме и конструкции – к типу трубчатые.

Заколки были найдены в 2 экземплярах в могиле 4 кургана №2 и могиле 1 кургана №3 (рис. 20; 21, 3; 27; 31, 51). По материалу изготовления и оформлению эти изделия относятся к типу железных, в разном исполнении. Первая заколка, вероятно, украшала прическу мужчины. Вторая более массивная заколка могла использоваться не только для крепления прически, но и женского головного убора. В пользу последнего свидетельствуют остатки дерева на ее железной основе.

Бусы традиционно являлись женскими украшениями, но в Коневе они были найдены в мужском, женском и детском захоронениях – в могиле 2 кургана №2, могиле 1 кургана №3 и могиле 2 кургана №3 (рис. 20; 21, 5; 27; 31, 36-49; 32; 33, 2-4). По материалу изготовления бусы, найденные при раскопках курганной группы Коневе, можно классифицировать на уровне 4 типов.

Тип 1. Стекланные одноцветные, в разном исполнении. Включает 6 экземпляров из могилы 4 в кургане №2 и могил 1 и 2 в кургане №3 (рис. 21, 5; 31, 45, 46; 33, 2-4; фото 23).

Тип 2. Из кораллов. Включает 3 экземпляра из могилы 1 в кургане №3 (рис. 31, 36-38).

Тип 3. Раковины каури. Включает 6 экземпляров из могилы 1 в кургане №3 (рис. 31, 39-44).

Тип 4. Из лазурита, в разном исполнении. Включает 3 экземпляра из могилы 1 в кургане №3 (рис. 31, 47-49; фото 24).

2.2.4. Предметы культового назначения

Все предметы культового назначения отличаются, как правило, высокой художественной выразительностью. Они выполнялись в форме разнообразных бляшек и подвесок, материал и форма которых были подчинены духовному содержанию этих предметов. Классификация предметов культового назначения уже разрабатывалась исследователями культуры кочевников Кузнецкой котловины и степной Евразии (*Адамов А.А.*, 2000, с. 59-61; *Арсланова Ф.Х.*, 1992, с. 83-86; *Илюшин А.М.*, 2012, с. 81-87; *Коников Б.А.*, 1993, с. 143-147; *Молодин В.И.*, *Соловьев А.И.*, 2004, с. 61-65; *Плетнева С.А.*, 1989, с. 96-10; *Троицкая Т.Н.*, 1993, с. 53-56; *Троицкая Т.Н.*, *Новиков А.В.*, 1998, с. 30-34; *Чиндина Л.А.*, 1991, с. 54-65; и др.).

Предметы, относимые к категории культовых, представляют собой разнообразные по форме и конструкции амулеты, изображения животных-тотемов, многочисленные подвески-обереги и шумящие подвески, которые по материалу изготовления подразделяются на группы, а по форме и конструкции – на типы.

Группа 1. Бронзовые. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Круглые бубенцы с петлей для крепления и прорезью в нижней части, в разном исполнении. Включает 4 экземпляра из могилы 1 в кургане №3 (рис. 30, 24, 28, 29; 31, 35).

Тип 2. Двусоставные бубенцы овальной формы с рельефным геометрическим орнаментом. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 30, 25).

Тип 3. Ажурные сердцевидные литые подвески. Включает 1 экземпляр из могилы 2 в кургане №3 (рис. 33, 1; фото 29).

Группа 2. Серебряные. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Фрагмент зеркала с отверстием для крепления. Включает 1 экземпляр из могилы 3 в кургане №2 (рис. 19, 1).

Тип 2. Крест. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 30, 32; фото 26).

Тип 3. Зооморфные изображения животных-тотемов, наделяемых особой силой (медведь). Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 30, 33).

Тип 4. Антропоморфные изображения. Включает 1 экземпляр из могилы 1 в кургане №3 (рис. 31, 34; фото 25).

Группа 3. Костяные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Клык волка или крупной собаки. Включает 5 экземпляров, которые составляли ожерелье, положенное в погребение ребенка в могиле 6 кургана №4 (рис. 49, 1-5; фото 30).

2.2.5. Орудия труда и бытовые предметы

Основы классификации предметов, относимых к категории бытовых и орудиям труда, были разработаны авторами, исследующими средневековые комплексы Кузнецкой котловины, Западной Сибири и степной Евразии (Адамов А.А., 2000, с. 48-55; Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с. 67-75; Беликова О.Б., 1996, с. 58-70; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 14-16; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 140-145; Илюшин А.М., 1993, с. 28; 1997, с. 37-39; 1999, с. 39-40; 1999а, с. 46-47; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 27-28; Конилов Б.А., 1993, с. 129-135; Кызласов И.Л., 1983, с. 39-42; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, с. 86-92; Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 65-71; Николаев В.С., 2004, с. 62-74; Плетнева Л.М., 1997, с. 80-82; Плетнева С.А., 1989, с. 91-95; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 130-139; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 90-93; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 25-27; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 78-92; Харинский А.В., 2001, с. 118-129; и др.).

Палка-копалка была найдена в 1 экземпляре в могиле 1 кургана №2, которая по своей конструкции и форме очень похожа на чекан (рис. 15, 51).

Напильник был найден в могиле 3 кургана №4 (рис. 42; 43, 5), где была погребена молодая женщина. Судя по миниатюрным габаритам это изделие, вероятно, использовалось для обточки ногтей.

Точильный камень был найден в 1 экземпляре в могиле 5 кургана №4 (рис. 46, Б), по своей форме он относится к типу брусковидных (рис. 47, 5).

Пинцет был найден лишь в виде его одной половины в могиле 5 кургана №4 (рис. 46, Б; 47, 4).

2.2.6. Посуда

При раскопках курганной группы Конеево сразу же бросается в глаза отсутствие керамической посуды не только в могилах, но и на всем пространстве погребально-поминальных комплексов. Это обстоятельство указывает на кочевой характер культуры населения, соорудившего исследуемый памятник, для которой это является нормальным явлением. Можно лишь предполагать, что в употреблении были сосуды из кожи, а также посуда из дерева и бересты, но до наших дней в могилах они не сохранились.

Посуда была найдена лишь в могиле 2 кургана №1 рядом с головой погребенного мужчины и представляла собой сильно помятый серебряный кувшин (рис. 6; 8, 16). Найденный экземпляр на момент его помещения в могилу уже отслужил свой век. У него было порвано дно и отсутствовал поддон. Чтобы прикрыть последнее, он был искусственно деформирован, и тем самым боковые стенки сосуда, оказавшись внизу, образовали новое дно. По материалу изготовления этот сосуд относится к отделу металлических сосудов и входит в группу серебряных, а по своей первоначальной форме он относится к типу кувшинов с трапециевидным низким поддоном, округлым туловом с граненым уступчиком по плечикам и высокой шейкой.

2.3. Итоги классификации артефактов

Завершая работу по классификации предметов материальной культуры и элементов погребально-поминального обряда курганной группы Конеево, можно дать их общую количественную характеристику. Все выявленные артефакты и элементы-признаки по формальным признакам были объединены в 189 типов. Из этого числа 95 типов были выделены при классификации предметов погребального инвентаря и 94 типа при классификации элементов погребально-поминального обряда. Эта информация по систематизации артефактов исследуемого памятника представляет собой суммарную характеристику первичных данных, полученных в результате археологических раскопок и использования классификации, что является «стартовой площадкой» для дальнейшего исследования вопросов хро-

нологии памятника и его места в социальной и культурной истории региона, как эмпирическим путем, так и при помощи формализованных методов анализа.

Необходимо отметить, что в ходе работы по типологической классификации материалов исследуемого памятника было выявлено много классифицированных типов инвентаря и элементов погребально-поминального обряда, которые были представлены лишь в одном закрытом комплексе и, как правило, в единственном экземпляре или случае. Среди 95 (100%) типов погребального инвентаря типы, представленные единичными находками, насчитывают 79 (83,2%) экземпляров. На уровне классификации элементов погребального обряда из 94 (100%) типов-признаков 57 (60,6%) тоже были единичными. Всего из 189 (100%) типов и типов-признаков, зафиксированных в закрытых комплексах разной величины, к категории единичных относятся 136 (72%). Такая высокая величина индивидуализма закрытых комплексов практически лишает возможности исследовать их на предмет сочетания различных типов предметов материальной культуры и типов-признаков элементов погребально-поминального обряда. Однако это обстоятельство указывает на то, что памятник создавался в относительно короткий промежуток времени. За счет чего материальная и духовная культура населения, соорудившего его, не успела еще пройти в полном объеме процесс взаимной аккультурации этнокультурных компонентов и определиться со своими традиционными «стандартами», создав устойчивые архетипы. В условиях проживания на одной территории и ведения единообразной хозяйственно-культурной деятельности, можно предполагать, что такое развитие культуры возможно на протяжении жизни одного-двух, максимум трех поколений. Это обстоятельство может являться посылком к оценке факта, что памятник создавался на протяжении максимум 50 лет. Последнее требует тщательного изучения, что и делается в следующей главе.

Глава 3

ДАТИРОВКА МОГИЛ, КУРГАНОВ И ПАМЯТНИКА

Курганная группа Конево до полной публикации материалов ее раскопок, на предварительной стадии исследования, датировалась в широких пределах развитого средневековья XI-XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г., 2004, с. 407-409; 2005, с. 441-443; Илюшин А.М., 2006, с. 33-35; 2007, с. 108-118; 2009, с. 83-94; 2011, с. 423-430; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2007, с. 79-83; и др.). Эта предварительная дата является результатом эмпирического сравнения отдельных артефактов, полученных в ходе раскопок единичных объектов этого памятника, с уже опубликованными материалами раскопок других археологических памятников кочевников степной и лесостепной Евразии и горно-степных долин Центральной Азии, которые уже были более аргументированно датированы другими авторами. Сейчас, после проделанной классификации всей совокупности артефактов материальной и духовной культуры этого памятника, создан единый информационный блок, состоящий из выделенных типов и типов-признаков. Это позволяет сравнивать их с информацией банка данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины, что открывает новые возможности в изучении вопроса датировки исследуемой курганной группы и способствует разработке региональной хронологической матрицы средневековых артефактов.

По длительности созидания закрытые археологические комплексы на курганной группе Конево состоят из нескольких уровней, имеющих разные даты. Наиболее узко датированными являются могилы как свидетельства единовременных действий, связанных с погребением усопшего. Их хронологический диапазон колеблется максимум в пределах одного года (при условии соблюдения ритуала погребения туши или шкуры коня со всадником через этот интервал времени – А.И.). Более широкую дату имеют курганы, которые представляют собой сумму единичных актов всех погребений. Воспринимая курганы со рвами как семейные погребально-поминальные комплексы (Илюшин А.М., 1993, с. 31), можно предполагать, что период их сооружения сопряжен с длительностью проживания одного-двух, максимум трех поколений семьи, то есть в пределах 25-50 лет. При этом дата сооружения археологических комплексов этого уровня напрямую зависит от количества членов семьи, возраста погребенных и причинах их смерти. Третий, наиболее широко датированный комплекс представляет собой сам памятник (курганная группа) как совокупность всего необходимого времени для сооружения составляющих его погребально-поминальных комплексов (курганов) и совершения погребений под их

насыпями. Первый уровень датировки могилы можно отождествлять с комплексами однократного формирования, когда все составляющие их артефакты имели место в течение одного малого промежутка времени или хронологически сосуществуют друг с другом. Второй и третий уровни датировки представляют собой комплексы непрерывного формирования за счет комплексов однократного формирования, поэтому они обладают большей длительностью и, как следствие, отдельные составляющие этих уровней могли хронологически не сосуществовать друг с другом. Основываясь на градации уровней датировки закрытых археологических комплексов, целесообразно исследовать их хронологию, поочередно следуя цепочке: могила – курган – курганная группа для получения более обоснованных и узких дат по временному интервалу их сооружения.

В основе исследования датировки как отдельных закрытых комплексов (могил) однократного формирования, так и комплексов многократного формирования разной величины – курганов и всей курганной группы Конево лежат два метода – сравнительный и статистический анализ. Сравнительный анализ построен на поиске датированных аналогий отдельным артефактам из закрытых комплексов, их синхронизации (корреляции) между собой с целью выявления вероятностного периода их сосуществования. Сначала это позволяет определить абсолютную дату для закрытых комплексов однократного формирования (могил). Затем осуществляется корреляция дат могил, сооруженных под одной курганной насыпью, что позволяет определить датировку каждого кургана. После чего синхронизация дат каждого кургана дает основание для определения даты сооружения всего памятника – курганной группы Конево. Для выявления вероятностной даты комплексов однократного и многократного формирования и проверки на непротиворечивость полученных результатов проводятся статистические исследования, в которых используются результаты сравнительного и корреляционного анализа, суммарной характеристики, изложенные в предыдущей главе, и созданный нами банк данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины.

3.1. Датировка могил

Курган №1 был возведен над двумя могилами (рис. 3; 4; 6), установив даты которых, можно будет определить дату сооружения этого объекта.

Могила 1 среди находок имеет три предмета, которые можно локализовать на хронологической шкале средневековых древностей Кузнецкой котловины. В их числе комбинированные железные удила из двух звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце и парой псалий – стержневыми с башмачками и шариками на концах, отверстиями для закрепления звеньев удил и скобами в середине, и миниатюрными кольчатыми (рис. 5, 1). Эти изделия являются уникальными на территории Куз-

нецкой котловины. Все разновидности подобных изделий в этом регионе известны лишь по раскопкам исследуемого памятника – в могиле 2 кургана №1, могилах 1, 2 и 4 в кургане №2 и могилах 1 и 3 в кургане №3 (рис. 7, 1; 12, 1; 17, 1; 21, 2; 28, 2; 35, 1). Эта комбинация железных однокольчатых удил из двух звеньев, стержневых псалий со скобами и отверстиями в разном исполнении и миниатюрными кольчатыми псалями вставленных в окончания звеньев удил, по сути, является специфическим изделием группы населения, воздвигнувшего три коневских кургана за №№ 1-3. Специфика заключается в том, что звенья удил вдевались в отверстия стержневых псалий, а затем в кольца удил вставлялись еще дополнительные миниатюрные кольчатые псалии. Такая конструкция является не характерной в процессе эволюции стержневых псалий, которые появились на территории Кузнецкой котловины во второй половине VIII в. н.э. и были в употреблении вплоть до монгольского времени (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, рис. 21, 14; 22, 8; 26, 12; 27, 3; 28, 3; 29, 6; 30, 15; Илюшин А.М., 1997, рис. 18, 4; 28, 3, 4; 1999, рис. 60, 5; 2005, табл. 5, 11, 12; табл. 8, 70, 71; 18, 62, 63; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, рис. 14, 1, 2; 2005, с. 162-167; 2007а, с. 70-73). Обычно псалии этого типа вставлялись в кольцевые окончания звеньев удил. Лишь в начале II тыс. н.э. зафиксированы единичные случаи, когда в кольцевые окончания звеньев удил одновременно вставлялись стержневые псалии и миниатюрные кольчатые псалии (Илюшин А.М., 1993, рис. 52, 8; 1999, рис. 53, 3, 4; 2005, табл. 14, 11). Вероятно, это было не совсем удобно и поэтому в XI-XIV вв. н.э. стержневые псалии стали использовать в комбинации с двухкольчатыми удилами, где в одно кольцо окончания звена крепилась стержневая псаля, а миниатюрная кольцевая псаля вставлялась в другое (Илюшин А.М., 1993, рис. 46, 2; 2005, табл. 14, 9). Специфические коневские удила с напускными стержневыми псалями в комплекте с малыми кольчатыми псалями имеют многочисленные аналогии в материалах аскизской археологической культуры Минусинской котловины, датированной концом X-XIV вв. н.э. И.Л. Кызласов считал эти изделия массовым и характерным продуктом местного происхождения (Кызласов И.Л., 1983, с. 28-29, рис. 7; табл. III, 21-42; IV; V). Позже, Л.М. Плетнева обратила внимание на единичные находки подобных удил в Басандайском курганном могильнике, классифицировала их как самостоятельный вариант типа крюковых удил и датировала период их использования на территории Томского Приобья XII-XIV вв. н.э. (Плетнева Л.М., 1997, с. 87-88, рис. 187, 3). Железный султанчик из могилы 1 (рис. 5, 2) имеет широкий круг аналогий

Таблица 1
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 1 кургана №1

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
Всего	2	3	4	4	4

крюковых удил и датировала период их использования на территории Томского Приобья XII-XIV вв. н.э. (Плетнева Л.М., 1997, с. 87-88, рис. 187, 3). Железный султанчик из могилы 1 (рис. 5, 2) имеет широкий круг аналогий

в древностях Сибири конца X-XIV вв. н.э. (Беликова О.Б., 1996, с. 71, рис. 39, 1; 48, 5; 59, 3; Кызласов И.Л., 1993, с. 30-32, рис. 10, 1-8; 11, 1-3; 26, 31, 112, 152; и др.). Костяная пуговица (рис. 5, 13) является характерной находкой в Кузнецкой котловине для могил XI-XII вв. н.э. (Беково) и XIII-XIV вв. н.э. (Торопово-1) (Илюшин А.М., 1993, рис. 52, 9-13; 1999а, рис. 63, 2; 2005, табл. 14, 36; табл. 18, 43).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 1 кургана №1 и синхронизация их дат представлены в табл. 1. Из 5 дат аналогий по четыре бытуют в XII в. н.э. (одна из них прекращает, а другая начинает свое бытование), XIII в. н.э. (одна из них начинает, а другие продолжают свое бытование) и XIV в. н.э. (все четыре прекращают свое существование). Три аналогии бытуют в XI в. н.э. (одна из них начинает, а две другие продолжают бытовать) и две аналогии бытуют в X в. н.э. (они начинают бытовать с этого века). Сопоставление дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 1 в кургане №1 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Таблица 2

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 2 кургана №1

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					
11					
12					
13					
14					
15					
16					
17					
18					
19					
20					
21					
22					
23					
24					
25					
26					
27					
28					
29					
30					
31					
32					
33					
34					
35					
Всего	4	19	27	27	19

Могилы 2 очень богата находками (рис. 7, 1-14; 8, 15-30; 9, 36-49), которые имеют достаточно широкий круг аналогий. Железные удила с псалями (рис. 7, 1) относятся к разновидности того же типа удил, что были обнаружены в могиле 1 этого кургана, датируемых XII-XIV вв. н.э. по материалам Томского Приобья (Плетнева Л.М., 1997, с. 87-88, рис. 187, 3). Шарнирные соединения на наконечниках ремней из могилы 2 (рис. 7, 9, 10) считаются специфическим аскизским украшением сбруи в Минусинской котловине в конце X-XIV вв. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 60, рис. 16, 2-6). Остатки серебряного кувшина (рис. 8, 16) на территории Кузнецкой котловины, в разном исполнении, известны на погребальных памятниках Ур-Бедари и Гурьевский завод, которые датируются в пределах XI-XIII вв. н.э. и XIII-XIV вв.

н.э. (Илюшин А.М., 2006а, с. 159-162; 2008б, с. 68-73). Аналогичные сосуды

известны в древностях аскизской археологической культуры Минусинской котловины, которые И.Л. Кызласов датировал в пределах малиновского этапа концом X-XII вв. н.э. и интерпретировал как изделия местных мастеров ювелиров (Кызласов И.Л., 1981, рис. 74, 7; 1983, с. 39-40, рис. 20, 21; 27, 27). Серебряные накладные бляхи (рис. 8, 21-30), украшавшие кожаный пояс погребенного в могиле мужчины, имеют ближайшие аналогии на кургане-кладбище Сапогово-2, датированном XI-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1997, с. 49-56, рис. 26, 10). Слабоизогнутая трехгранная сабля с обоюдоострым острием и ладьевидным перекрестьем (рис. 9, 36) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии на погребальных памятниках Сапогово-2, Беково и Шанда, датированных XI-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 29, 2, 3; 47, 1; 1997, с. 49-56, рис. 27, 9). Берестяной цилиндрический колчан со срезанным верхом (рис. 9, 37) в Кузнецкой котловине известен на могильнике Торопово-1, который датирован XIII-XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., 1999а, с. 68, рис. 50, 1; 55, 5). Железные трехгранные наконечники стрел асимметрично-ромбической формы (рис. 9, 39, 46) на территории Кузнецкой котловины известны на могильнике Сапогово-1 в материалах первой четверти II тыс. н.э. и в синхронных материалах Новосибирского Приобья (Адамов А.А., 2000, с. 38-39; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 96, рис. 46, 7). Боеголовковые железные ромбические наконечники стрел с короткой шейкой и удлиненно-ромбической формой пера (рис. 9, 40, 43) на территории Кузнецкой котловины имеют аналогии на погребальных памятниках Мусохраново-3 и Шабаново-9, датированных концом XII-XIII вв. н.э. и XII-XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 15, 3, 5; Илюшин А.М., 2010, с. 97-106). Аналогичные наконечники стрел с длинной шейкой (рис. 9, 38, 42) известны на могильнике Шанда XI-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 27, 4, 5, 7, 10). В Минусинской котловине такие наконечники стрел известны у кыштымцев в XI-XIV вв. н.э. и кыргызов в XIII-XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1997, с. 12-13, 35, рис. 5; 21). Железные плоские наконечники стрел, относящиеся к типу боеголовковые ромбические с короткой шейкой-упором (рис. 9, 49), имеют аналогии в материалах басандайской культуры Томского (XII-XIV вв. н.э.) и Новосибирского (XI – начало XIII вв. н.э.) Приобья и у кыргызов Минусинской котловины в XIII-XIV вв. н.э. (Адамов А.А., 2000, с. 39; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 141; Плетнева Л.М., 1997, рис. 187, 7, 8, 27; Худяков Ю.С., 1997, с. 10, рис. 5). Есть мнение, что такие наконечники стрел на территории Западной Сибири появились в XI-XII вв. н.э. и были в употреблении аборигенов до прихода русских (Соловьев А.И., 1987, с. 38-40). Железные плоские боеголовковые асимметрично-ромбические наконечники стрел (рис. 9, 49) на территории Кузнецкой котловины известны в материалах X-XII вв. н.э. могильника Саратовка (Илюшин А.М., 1999, рис. 68, 19), а на территориях Томского, Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья подобные

наконечники стрел известны в материалах XII-XIII вв. н.э., в начале и первой половине II тыс. н.э. (*Грязнов М.П.*, 1956, табл. LXII, 3; *Плетнева Л.М.*, 1997, рис. 187, 4, 5; *Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.*, 2008, с. 141-142). На других территориях Центральной Азии они известны у кыргызов в XIII-XIV вв. н.э., уйгуров в XI-XIV вв. н.э., кыпчаков в XI-XIV вв. н.э. и населения Среднего Причулымья в конце X-XIII вв. н.э. (*Беликова О.Б.*, 1996, с. 78; *Худяков Ю.С.*, 1997, с. 9, 82, 108, рис. 5; 52; 73). Железные плоские боеголовковые трапециевидные томары (рис. 9, 37) на территории Кузнецкой котловины зафиксированы в материалах XI-XII вв. н.э. на Сапогово-2, второй половины XII-XIII вв. н.э. на Мусохраново-3 и XIII-XIV вв. н.э. на Торопово-1 (*Илюшин А.М.*, 1997, с. 49-56, рис. 17, 5; 1999а, с. 68, рис. 50, 4, 5; *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.*, 1998, с. 86, рис. 13, 7). На территории Западной Сибири этот тип наконечников стрел появился с XII в. н.э., бытовал у кочевников этого региона в XIII-XIV вв. н.э. и был широко известен в древностях кыргызов XIII-XIV вв. н.э., кыштымов XI-XIV вв. н.э. и восточных кыпчаков XIII-XIV вв. н.э. (*Соловьев А.И.*, 1987, с. 43; *Могильников В.А.*, 1981а, с. 194-200, рис. 72; *Худяков Ю.С.*, 1997, с. 10, 35, 108, рис. 5; 21; 73).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 2 кургана №1 и синхронизация их дат представлены в табл. 2. Из 35 дат аналогий максимальное количество (по 27) бытуют в XII и XIII вв. н.э. Из этого числа восемь аналогий прекращают бытовать в XII в. н.э. и восемь начинают бытовать с XIII в. н.э. Одинаковое число (19) аналогий бытуют в XI и XIV вв. н.э. и четыре аналогии известны в материалах X в. н.э. (все они начинают бытовать в этом веке). Это обстоятельство, при корреляции дат приведенных аналогий, позволяет определить относительную дату сооружения могилы 2 в кургане №1 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Курган №2 был возведен над семью могилами (рис. 10; 11; 16; 18; 20; 22; 23; 25), установив даты которых, можно будет определить дату сооружения этого объекта. Из семи могил можно датировать лишь пять (могилы 1-4 и 6), так как могила 5 была полностью разграблена, а в могиле 7 не было находок.

Могила 1 представляет собой уникальный закрытый комплекс по конструкции погребального сооружения (наличие катакомбы) и богатству сопроводительного инвентаря, представленного предметами вооружения, конского снаряжения и орудиями труда (рис. 11; 12, 1-3; 13, 4-20; 14, 21-42; 15, 43-51). Специфические коневские однокольчатые удила с комбинированными псалиями (рис. 12, 1) по аналогиям в Томском Приобье можно датировать XII-XIV вв. н.э. (*Плетнева Л.М.*, 1997, с. 87-88, рис. 187, 3). Стремена с прямоугольным выступом на верхней дужке, в нижней части которого расположено отверстие для крепления (рис. 12, 3, 4), на территории Кузнецкой котловины имеют близкие и отдаленные аналогии на курганной группе Мусохраново-1, датированной XII-XIII вв. н.э., в могильни-

ках Шанда и Беково XI-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 32, 1, 2; 53, 1; Илюшин А.М., Бутьян В.А., 2010, с. 184, рис. 2, 1, 2; 7, 1). Среди других находок широкий круг аналогий имеют предметы вооружения. Железные трехлопастные наконечники стрел удлинненно-ромбической формы (рис. 14, 36) на территории Кузнецкой котловины зафиксированы в материалах X-XII вв. н.э. на погребальных памятниках Шанда и Саратовка, а на Алтае они бытуют со второй половины VIII по XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 26, 10; 1999, рис. 64, 17, 19, 22, 24; 68, 9; Горбунов В.В., 2006, с. 38-39, рис. 38). На других территориях Центральной Азии этот тип

Таблица 3
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 1 кургана №2

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)						
	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
1							
2							
3							
4							
5							
6							
7							
8							
9							
10							
11							
12							
13							
14							
15							
16							
Всего	2	3	6	10	13	9	6

наконечников стрел был у кимаков IX-X вв. н.э., уйгуров XI-XII вв. н.э. и кыштымов XIII-XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с. 183, рис. 84; 1997, с. 32, 80-81, рис. 21; 52). Трехлопастные боеголовковые ромбические наконечники стрел с короткой шейкой (рис. 14, 29, 30) известны в материалах конца X-XII вв. н.э. на территории Новосибирского Приобья, Алтая, в синхронных материалах малиновского этапа аскизской культуры и у кыштымов XI-XIV вв. н.э. (Адамов А.А., 2000, с. 37; Горбунов В.В., 2006, с. 38-39; Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 5;

Худяков Ю.С., 1997, с. 32, рис. 21). Линзовидные наконечники стрел асимметрично-ромбической формы (рис. 14, 27) на территории Кузнецкой котловины зафиксированы в погребениях первой четверти II тыс. н.э. на могильнике Сапогово-1, а на Алтае они известны с середины VIII по XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 96, рис. 46, 4; Горбунов В.В., 2006, с. 42). Железное узколезвийное тесло с плечиками (рис. 14, 42) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии на памятниках XI-XII вв. н.э. (Шанда, Беково и Сапогово-2), вторая половина XII-XIII вв. н.э. (Мусохраново-3) и XIII-XIV вв. н.э. (Торопово-1) (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 28, 2; 31, 1; 47, 4; 50, 1; 1997, с. 56, рис. 19, 11; 20, 1, 13; 21, 4; 24, 7; 30, 1; 1999а, с. 42, рис. 52, 4; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 12, 9).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 1 кургана №2 и синхронизация их дат представлены в табл. 3. Из 16 дат аналогий тринадцать бытуют в XII в. н.э. (четыре из них прекращают свое существование

в этом веке), десять аналогий бытуют в XI в. н.э. (пять из них начинают бытовать с этого века) и девять аналогий бытуют в XIII в. н.э. (две из них начинают бытовать с этого века). Сопоставление дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 2 кургана №2 как рубеж XII-XIII вв. н.э. При этом количественное преобладание аналогий в XII в. н.э. и нижней части хронологической матрицы позволяет предполагать, что она была сооружена в самом конце XII в. н.э.

Могила 2 содержала находки, представленные предметами вооружения, конской упряжи и одежды (рис. 17, 1-4). К числу более узко датированных вещей можно отнести изделия двух последних категорий, так как железные прямые ножи маленьких размеров в Кузнецкой котловине использовались на всем протяжении эпохи средневековья. Железные однокольчатые удила с маленькими кольчатými псалями (рис. 17, 1) в Кузнецкой котловине известны на погребальных памятниках Шанда, Беково, Сапогово-2 и Мусохраново-3, датированных XI-XII вв. н.э. и второй половиной XII-XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 26, 14; 48, 5, 6; 1997, с. 28, рис. 21, 3; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 15, 9, 10). Штыреобразные с заклепками крепления седла (рис. 17, 2) на территории Кузнецкой котловины имеют аналогии в материалах памятников Мусохраново-3 (вторая половина XII-XIII вв. н.э.), Новокамышенка (XII – начало XIII вв. н.э.), Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.), Беково и Шанда (XI-XII вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 35, 2, 3; 52, 3-6; 1999а, с. 68, рис. 4, 2; 2008, с. 173, рис. 2, 6; 7, 2, 3; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 12,

8). Железная рамчатая пряжка овальной формы с подвижным язычком (рис. 17, 4) имеет аналогии на могильнике Торопово-1, датированном XIII-XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., 1999а, с. 68, рис. 52, 33).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 2 кургана №2 и синхронизация их дат представлены в табл. 4. Из 7 дат аналогий пять бытуют в XII в. н.э. (две из них прекращают свое существование в этом веке), пять аналогий бытуют в XIII в. н.э. (две из них начинают бытовать с XIII в. н.э.). Сопоставление дат приведенных

аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 2 кургана №2 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 3 датируется по единственной находке – фрагменту зеркала, изготовленного из белого металла (серебра), который выполнял вторичную функцию и использовался в качестве амулета (рис. 19, 1). Традиция использования фрагментов зеркал в качестве амулетов в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины появи-

Таблица 4
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 2 кургана №2

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)			
	XI	XII	XIII	XIV
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
Всего	20	5	5	5

лась в развитом средневековье. Фрагменты зеркал с отверстиями для продевания шнура и ношения на шее или пришивания к одежде были зафиксированы на погребальных памятниках

Таблица 5
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 3 кургана №2

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)			
	XI	XII	XIII	XIV
1				
2				
3				
4				
Всего	1	2	3	3

Торопово-1 и Ишаново, датированных XIII-XIV и XII-XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., 1999а, с. 47, рис. 35, 1; 42, 1; 2008а, с. 42-44; Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., 2007, с. 98-100).

Подобные амулеты известны в материалах середины XI-XII вв. н.э. Змеинкинского могильника Среднего Причулымья и XIII-XIV вв. н.э. курганного могильника

у устья Малой Киргизки (Беликова О.Б., 1996, рис. 6, 9; 101; Плетнева Л.М., 1997, с. 111, рис. 162, 1).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 3 кургана №2 и синхронизация их дат представлены в табл. 5. Из 4 дат аналогий три бытуют в XIII-XIV вв. н.э., а две бытуют в XII в. н.э. (одна из них прекращает бытовать в этом веке). Сопоставление дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 3 кургана №2 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 4 может быть датирована по аналогиям трем находкам. Железные двукольчатые удила, состоящие из двух звеньев, на внешних окончаниях которых имеются два неподвижных кольца, расположенных перпендикулярно друг к другу, с кольчатыми и стержневыми псалиями с

Таблица 6
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 4 кургана №2

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
Всего	3	5	7	6	5

«башмаками» и «головками» и приваренной скобой, в отверстие которой вставлялись железные крепления ремней (рис. 21, 2), являются уникальным изделием на территории Кузнецкой котловины. Ближайшие аналогии имеются в материалах конца X-XII вв. н.э. аскизской археологической культуры Минусинской котловины (Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 10, 77). Бронзовые кольчатые серьги (рис. 21, 6, 7) в Кузнецкой котловине имеют аналогии на погребальных памятниках Шанда (XI-XII вв. н.э.), Шабаново-9 (XII-XIII вв.

н.э.) и Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 34, 14, 16, 17; 34, 5; 1999а, с. 68, рис. 10, 1, 2; 27, 4; 35, 2, 4; 2010, с. 105, рис. 3, 5, 8). В Минусинской котловине они датируются концом X-XII вв. н.э., в Среднем Причулымье X-XII вв. н.э., в Томском Приобье XII-XIV вв. н.э., в Новосибирском Приобье концом X-XIV вв. н.э., а на Алтае они известны в

закрытых комплексах XIII-XIV вв. н.э. (Адамов А.А., 2000, рис. 46, 21; 49, 11, 12; Басандайка, 1947, рис. 62, 45; 56, 10; 59, 66; 64, 101, 108; Беликова О.Б., 1996, рис. 6, 7; 83, 13, 14; 101; Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 64, рис. 3-4; Гаврилова А.А., 1965, с. 73-78, табл. XXX, 8; Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2006, с. 260-265, рис. 2, 5, 6; Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 85, табл. XXV, 5; Плетнева Л.М., 1997, рис. 26, 6; 84, 2-5, 16; 97, 9, 10; 98, 18, 19; 107, 3; 110, 12, 13; 119, 8; 143, 4, 5; 144, 7, 8; 146, 2; 156, 11; 183, 6, 7; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 128; Тишкин А.А., 2009, с. 94-95, 160-162, рис. 59, 5, 6; 110, 3, 4; 117, 11). Железная булавка (закол-ка) имеет ближайшие аналогии в материалах аскизской археологической культуры середины XI-XIV вв. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 73, рис. XXV, 7-10).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 4 кургана №2 и синхронизация их дат представлены в табл. 6. Из 9 дат аналогий семь бытуют в XII в. н.э. (три из них прекращают свое существование в этом веке), шесть аналогий бытуют в XIII в. н.э. (две из них начинают бытовать с XIII в. н.э.) и пять аналогий в XI в. н.э. (две из которых начинают свое существование в этом веке). Сопоставление дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 4 кургана №2 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 6 может быть датирована по железным однокольчатым уди-

Таблица 7

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 6 кургана №2

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)		
	XI	XII	XIII
1			
2			
3			
4			
5			
Всего	3	5	2

лам с маленькими кольчатыми псалиями и костяной подпружной пряжке трапецевидной формы с заваленными углами (рис. 24, 2, 3). Первые по аналогиям на погребальных памятниках Шанда, Беково, Сапогово-2 и Мусохраново-3 в Кузнецкой котловине датируются XI-XII вв. н.э. и второй половиной XII-XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 26, 14; 48, 5, 6; 1997, с. 28, рис. 21, 3; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 15, 9, 10). Вторая находка тоже имеет близкую аналогию в материалах

Мусохраново-3, датированных второй половиной XII-XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 12, 16).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 6 кургана №2 и синхронизация их дат представлены в табл. 7. Из 5 дат аналогий все они бытуют во второй половине XII вв. н.э., что позволяет определить относительную дату сооружения могилы 6 кургана №2 этим временем.

Курган №3 был возведен над тремя могилами (рис. 26; 27; 32; 34), установив даты которых, можно определить дату сооружения этого объекта.

Могила 1 представлена большой коллекцией находок предметов вооружения, конского снаряжения, одежды и украшений (рис. 28, 1-4; 29, 5-

17; 30, 18-33; 31, 34-51). Железные однокольчатые удила, вдетые в стержневые псалии с псевдоскобами и щитками для крепления уздечного ремня, имеющие в окончаниях звеньев дополнительные кольчатые псалии, уникальны на территории Кузнецкой котловины.

Таблица 8

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 1 кургана №3

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)			
	XI	XII	XIII	XIV
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
Всего	8	17	13	4

ближайшие аналогии по конструктивному решению имеются в материалах оглаختинского и черновского периодов (с середины XI по начало XIII вв. н.э.) малиновского этапа аскизской археологической культуры в Минусинской котловине (*Кызласов И.Л.*, 1983, с. 51-55, рис. XXX, 12; XXXIV, 14; XXXV, 7, 8). Большой железный нож без перекрестья (рис. 28, 1) на территории Кузнецкой котловины имеет ближайшие аналогии в материалах погребальных памятников XI-XII вв. н.э. Шанда, Беково и Бирюля-1 (*Илюшин А.М.*, 1993, с. 39, рис. 26, 13; 49, 5; *Борисов В.А.*, 2007, с. 39-42, рис. 1, 4). Набор серебряных и бронзовых украшений узды (рис. 29, 5-17; 30, 18-29) по количеству и форме изделий является уникальным. Из числа культовых предметов узкий круг аналогий

имеет христианский равноконечный несторианский крест (рис. 30, 32). В Западной Сибири они встречаются на погребальных памятниках Верхнего Приобья – Осинки (могила 30, датированная по аналогиям XII в. – началом XIII вв. н.э., а по бусам XII в. н.э.), Санаторный-1 (погребение 8 в кургане №1, датированное серединой XI – началом XIII вв. н.э.) и Ташара-Карьер-2 (погребение 3 в кургане №4), которые исследователи датировали в интервале с середины XI по начало XIII вв. н.э. и отнесли к басандайской археологической культуре кочевников, пришедших с юга (*Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.*, 2008, с. 14, 37, табл. XXIV, 7; с. 73, 128, 154, рис. 12, 3; с. 280, 304, рис. 34, 1, 2; с. 338-339). В Томском Приобье близкое по форме изделие было найдено в кургане 64 на могильнике у устья Малой Киргизки, который был отнесен к басандайской археологической культуре и датирован XII-XIV вв. н.э. (*Плетнева Л.М.*, 1997, с. 62, 111, рис. 163, 9). Из числа украшений широкий круг аналогий имеют бусы (подвески), изготовленные из лазурита (рис. 31, 47-49). В Западной Сибири эти изделия известны на памятниках басандайской археологической культуры Верхнего Приобья в XII-XIV вв. н.э., в погребениях XII – начала XIII вв. н.э. из Среднего Причулымья, XII-XIII вв. н.э. из таежного Прииртышья и монгольского времени (XII-XIV вв. н.э.) из Горного Алтая (*Беликова О.Б.*, 1996, с. 85-93, рис. 6, 8; *Коников Б.А.*, 1995, с. 5-13, рис. 1, 4; *Плетнева*

Л.М., 1997, с. 92; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 125; Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 64, рис. 3-4; Тишкин А.А., 2009, с. 160-162, рис. 110, 5-26; и др.). Бусы (подвески) из веточек кораллов в Западной Сибири известны в материалах погребальных памятников Басандайка (XII-XIV вв. н.э.) и Санаторный-1 (середина XI – начало XIII вв. н.э.) (Басандайка, 1947, табл. 33, 1; 59, 76; Плетнева Л.М., 1997, с. 111-115; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 125; 154, рис. 90, б). Серебряные кольчатые серьги на территории Кузнецкой котловины известны в материалах курганной группы Мусохраново-3, датированной второй половиной XII – XIII вв. н.э., а раковины каури в ожерелье в материалах раскопок XI-XIII вв. н.э. на Ур-Бедари (Елькин М.Г., 1970, с. 81-92; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 15, 12, 13; Илюшин А.М., 2005, с. 40, табл. 14, 63-65).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 1 кургана №3 и синхронизация их дат представлены в табл. 8. Из 17 дат аналогий семнадцать бытуют в XII в. н.э. (четыре из них прекращают свое существование в этом веке), тринадцать аналогий бытуют в XIII в. н.э. (все они начинают бытовать ранее XIII в. н.э.), восемь аналогий в XI в. н.э. (все они начинают свое существование в этом веке) и четыре аналогии – XIV в. н.э. (все они завершают процесс бытования). Сопоставление дат приведенных аналогий

Таблица 9

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 2 кургана №3

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)			
	XI	XII	XIII	XIV
1				
2				
3				
4				
Всего	3	4	3	1

позволяет определить относительную дату сооружения могилы 1 кургана №3 как вторая половина XII в. н.э.

Могила 2, где был погребен ребенок, имела единичные находки – амулет, представляющий собой не полностью выполненную отливку бронзовой ажурной подвески, и три стеклянные бусины разной формы и величины (рис. 33, 1-4). Стеклянные бусы имеют ближайšie аналогии в материалах басандайской археологической

культуры Верхнего Приобья середины XI – начала XIII вв. н.э. и Томского Приобья XII-XIV вв. н.э. (Плетнева Л.М., 1997, с. 95-97; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 118-120; Френкель Я.В., 2008, с. 406-412). Бронзовые ажурные подвески на территории Кузнецкой котловины известны в материалах погребальных памятников Шанда и Ур-Бедари, датированных XI-XII и XI-XIII вв. н.э. (Елькин М.Г., 1974, с. 81-92; Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 36, 1-3; 2005, с. 40, табл. 14, 39, 42, 43). Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 2 кургана №3 и синхронизация их дат представлены в табл. 9. Из 4 дат аналогий все бытуют в XII вв. н.э. (одна из них прекращает бытовать, а другая начинает бытовать в этом веке), что позволяет определить относительную дату сооружения могилы 2 кургана №3 как XII в. н.э.

Могилы 3 представлена предметами конского снаряжения и вооружения (рис. 35, 1-5; 36, 6-12). Железные удила с комплектом железных стержневых и маленьких кольчатых псалий имеют аналогии в материалах конца X-XII вв. н.э. аскизской археологической культуры Минусинской котловины (Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 20, 38). Железные линзовидные, боеголовковые асимметрично-ромбические с короткой шейкой наконечники стрел (рис. 36, 8-11) на территории Кузнецкой котловины известны по материалам курганной группы Солнечный-1 (Новокамышенка), датированной XII – началом XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., 2008, с. 173; Сулейменов М.Г., 2008, с. 93-96, рис. 1, 8, 9).

Таблица 10
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 3 кургана №3

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
Всего	1	2	4	4	2

Аналогичные наконечники стрел были зафиксированы в Среднем Причумылье в материалах XI-XIII вв. н.э. Змеинкинского и Калмакского могильников, в Томском Приобье на памятниках басандайской археологической культуры XII-XIV вв. н.э. и в Горном Алтае на могильнике Усть-Бийке-III в кургане №7 второй половины XIII-XIV вв. н.э. (Беликова О.Б., 1996, с. 100-101, рис. 5, 1; 15, 13; 21, 7, 8; 22, 10; 25, 9; 68, 11, 12; 97, 11а; Горбунов В.В., 2006, рис. 34, 19, 20; 38; Плетнева Л.М., 1997, с. 111-115, рис. 187, 5, 8; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 70-73, 152, рис. 34, 1-7).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 3 кургана №3 и синхронизация их дат представлены в табл. 10. Из 5 дат аналогий по четыре бытуют в XII в. н.э. (одна прекращает бытовать и две начинают бытовать в этом веке) и XIII в. н.э. (две прекращают бытовать и одна начинает бытовать), по две в XI и XIV вв. н.э. и одна в конце X в. н.э., что позволяет определить относительную дату сооружения могилы 3 кургана №3 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Курган №4 насчитывает одиннадцать могил, десять из них располагались под курганной насыпью и одна – во рву, ограничивающем сакральное пространство курганной насыпи (рис. 37; 39; 41; 43; 45; 46; 48; 50; 51; 53; 55; 56), установив даты которых, можно будет определить дату сооружения этого объекта. Из одиннадцати могил можно датировать семь (№№ 1, 3, 5, 6, 8, 9 и 11), так как в остальных (№№ 2, 4, 7, 10) находок не было.

Могилы 1 может быть датирована по трем найденным предметам. Железные однокольчатые удила с большими кольчатыми псалиями и фрагментами железных щитков на них для крепления уздечного ремня (рис. 40, 1) имеют аналогии в Кузнецкой котловине на памятниках Шабаново-9 (XII-XIII вв. н.э.), Шанда и Беково (XI-XII вв. н.э.) и Тарасово-1 (XI-XIII вв. н.э.) (Бородкин Ю.М., с. 139-147; Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 26, 14; 28, 3; 31, 2; 35, 4; 43, 1; 48, 5; 2005, с. 36, табл. 14, 7; 2010, с. 97-106, рис. 3,

1). Аналогичные изделия зафиксированы в материалах басандайской археологической культуры в Томском Приобье (XII-XIV вв. н.э.) и Новосибирском Приобье (середина XI – начало XIII вв. н.э.), а также в погребальных памятниках конца X-XIII вв. н.э. Среднего Причулымья, материалах

Таблица 11

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 1 кургана №4

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					
11					
12					
13					
14					
15					
Всего	1	7	11	11	6

каменного этапа XIII-XIV вв. н.э. аскизской археологической культуры Минусинской котловины, а также материалах верх-еландинского (XII вв. н.э.) и усть-бийкенского (XIII-XIV вв. н.э.) этапов монгольского времени на Горном Алтае и кармацкой культуры XIII-XIV вв. н.э. на Лесостепном Алтае (Беликова О.Б., 1996, с. 70, рис. 101; Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 91, 99, 150; Плетнева Л.М., 1997, с. 87-89, рис. 187, 2, 30; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 144-146, рис. 81; Тишкин А.А., 2009, рис. 18, 1; 28, 2; 34, 1; 43, 19; 56, 1; 135, 15, 16; 137, 2; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 1, 1, 2; и др.). Хронологической особенностью удил является тот

факт, что кольца одного грызла расположены в одной плоскости, а другого – в перпендикулярных плоскостях. Эта особенность удил, по мнению ряда исследователей, появляется в XII в. н.э. на юге Западной и Средней Сибири и бытует до XIV в. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 58; Плетнева Л.М., 1997, с. 87-88). Железная овальнорамчатая с подвижным язычком и неподвижным щитком подчетыреугольной формы с отверстием подпружная пряжка (рис. 40, 2) ближайшую аналогию, по материалу и конструктивному решению, имеет в материалах XI-XII вв. н.э. могильника Беково (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 48, 7). Железный прямой кинжал без перекрестья с костяной рукоятью (рис. 40, 28) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии в материалах погребальных памятников Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.), Солнечный-1 (XI-XIII вв. н.э.) и Ишаново (XIII-XIV вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1999а, с. 68, рис. 35, 6; 42, 2; 52, 6; 56, 1; 2009а, с. 118-124, рис. 5, 1; Сулейменов М.Г., 2008, с. 93-96, рис. 1, 26).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 1 кургана №4 и синхронизация их дат представлены в табл. 11. Из 15 дат аналогий по одиннадцать бытуют в XII в. н.э. (три из них прекращают свое существование в этом веке) и XIII в. н.э. (четыре из них начинают бытовать с этого века). Семь аналогий бытуют в XI в. н.э. (шесть из них начинают свое существование в этом веке) и шесть аналогий бытуют в XIV в. н.э. (пять из них завершают свое существование в этом веке). Сопоставление дат при-

веденных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 1 кургана №4 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 3 представлена комплексом уникальных находок (рис. 44, 1-

Таблица 12

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 3 кургана №4

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
Всего	2	8	9	5	1

б). Железные витые однокольчатые удила с маленькими кольчатыми псалиями и железными щитками для крепления к ним уздечного ремня (рис. 44, 1) на территории Кузнецкой котловины аналогий не имеют, хотя отдельные элементы – витые двухкольчатые звенья удил и маленькие кольчатые псалии известны в материалах XI-XII вв. н.э. (Сапогово-2, Саратовка, Шанда, Беково), второй половины XII-XIII вв. н.э. (Мусохраново-3) и XIII-XIV вв. н.э. (Торопово-1) этого региона (*Илюшин А.М.*, 1993, с. 39, рис. 37, 7; 48, 6;

52, 8; 1997, с. 28, 56, рис. 19, 1; 1999, с. 31, рис. 5, 3; 1999а, с. 68, рис. 4, 1; 55, 3; 2005, табл. 8, 66; 14, 9-12; 16, 58; 18, 61; *Илюшин А.М.*, *Сулейменов М.Г.*, 1998, с. 86, рис. 15, 9). Удила подобного типа известны в материалах конца X-XIV вв. н.э. аскизской археологической культуры в Минусинской котловине и Туве (*Кызласов И.Л.*, 1983, с. 71, табл. II, 10, 11, 23). Железный наконечник уздечного ремня, вероятно, детали крепления узды и миниатюрный напильник (рис. 44, 2-5) по своей форме напоминают изделия, характерные для малиновского этапа (конец X – начало XIII вв. н.э.) аскизской археологической культуры (*Кызласов И.Л.*, 1983, табл. IX, 15, 16, 61; XII, 32-42; XXIII, 14-18; и др.). Костяная наконечница (рис. 44, 6) по материалу и форме имеет аналогии в материалах XI-XIII вв. н.э. (курганная группа Мостовая и поселение Гурьевское) Кузнецкой котловины (*Илюшин А.М.*, 1990, с. 46-61, рис. 3, 6; 2011а, с. 96-101, табл. 1; *Елькин М.Г.*, 1974, с. 119-129; *Ширин Ю.В.*, 1992, с. 46; *Илюшин А.М.*, 2011б, с. 6-11, табл. 1).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 3 кургана №4 и синхронизация их дат представлены в табл. 12. Из 9 дат аналогий все бытуют в XII в. н.э. (четыре из них прекращают свое существование в этом веке и одна начинает бытовать со второй половины этого века). Восемь аналогий бытуют в XI в. н.э. (шесть из них начинают свое существование в этом веке). Пять аналогий бытуют в XIII в. н.э., две в конце X в. н.э. и одна в XIV в. н.э. Синхронизация дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 3 кургана №4 как вторая половина XII вв. н.э.

Могила 5 содержит комплекс находок из пяти предметов – железные однокольчатые удила, кольцо, ременная накладка, вероятно, фрагмент пинцета и фрагмент каменного оселка (рис. 47, 1-5). К числу датирующих

признаков можно отнести четырехгранное сечение одного из звеньев удила, что было характерно для этих изделий басандайской археологической культуры Томского Приобья в XII-XIV вв. н.э. (Плетнева Л.М., 1997, с. 87-88). Шарнирные соединения на наконечниках ремней и пинцеты (рис. 47, 3, 4) считаются специфическими изделиями в Минусинской котловине в конце X-XIV вв. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 60, рис. 16, 2-6; табл. XXIII, 1, 2, 10-13). Каменные оселки в могилах были обнаружены в Кузнецкой котловине на памятниках Сапогово-2 (XI-XII вв. н.э.), Мостовая (XI-XIII вв. н.э.) и Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1990, с. 46-61, рис. 2, 5; 1997, с. 56, рис. 18, 1; 1999а, с. 68, рис. 6, 4; 52, 5).

Таблица 13

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 5 кургана №4

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)				
	X	XI	XII	XIII	XIV
1					
2					
3					
4					
5					
Всего	1	3	4	4	3

табл. 13. Из 5 дат аналогий, по четыре бытуют в XII в. н.э. (одна из них прекращает свое существование в этом веке и одна начинает бытовать в этом веке) и в XIII в. н.э. (одна из них начинает бытовать и одна завершает свое существование в этом веке). По три аналогии бытуют в XI в. н.э. (две из них начинают свое существование в этом веке) и XIV в. н.э. (все они завершают свое бытование). Синхронизация дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 5 кургана №4 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 6 детская, в ней было найдено ожерелье из пяти клыков волка или крупной собаки (рис. 49, 1-5). Аналогичное изделие было найдено в могиле 51 Осинкинского могильника в Лесостепном Алтае, которую Д.Г. Савинов отнес к I группе погребений, датированных второй половиной I тыс. н.э. Однако исследуемые находки позволяют отнести эту могилу к II группе погребений, датированных XI – началом XIII вв. н.э. (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 16, 29-37, табл. VIII, 4-10). Эта дата может быть принята и для могилы 6 кургана №4.

Могила 8 содержала комплекс находок из двух предметов конской упряжи и одежды (рис. 52, 1-4). Железные однокольчатые удила с большими кольчатými псалиями в Кузнецкой котловине известны на памятниках Тарасово-1 (XI-XIII вв. н.э.), Шабаново-4 (XII-XIV вв. н.э.), Беково и Шанда (XI-XII вв. н.э.), Сапогово-1 (XI – первая половина XIII вв. н.э.) и Шабаново-9 (XII-XIII вв. н.э.) (Бородкин Ю.М., 1977, 139-147; Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 26, 14; 28, 3; 31, 2; 35, 4; 43, 1; 48, 5; 2005, с. 36, табл. 10, 20; 14, 7, 8; 2010, с. 105, рис. 3, 1; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 28, рис. 9, 1; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 96, рис. 11, 5). Железное крепление седла (рис. 52, 2) на территории Куз-

нецкой котловины имеет аналогии в материалах памятников Новокамышенка (XII – начало XIII вв. н.э.), Мусохраново-3 (вторая половина XII –

Таблица 14
Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 8 кургана №4

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)			
	XI	XII	XIII	XIV
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
18				
Всего	9	14	13	5

XIII вв. н.э.), Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.), Беково и Шанда (XI-XII вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 35, 2, 3; 52, 3-6; 1999а, с. 68, рис. 4, 2; 2008, с. 173, рис. 2, 6; 7, 2, 3; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 12, 8). Аналогии костяной пуговице (рис. 52, 4) в Кузнецкой котловине известны на памятниках Беково и Торопово-1, датированных XI-XII и XIII-XIV вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 52, 9-13; 1999а, с. 68, рис. 63, 2; 2005, табл. 14, 36; 18, 43). Железная овальная пряжка с уплощенной формой в сечении рамки (рис. 52, 3) ближайšie аналогии имеет в Кузнецкой котловине на памятниках Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.), Сапогово-1 (XI – середина XIII вв. н.э.), Тарасово-2 (XI-XIII вв. н.э.) и Ишаново (XII – первая половина XIII и XIII-XIV вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1999а, с. 68, рис. 5, 14; 6, 3; 50, 10; 52, 3; 2005, с. 36, табл. 16, 40-

43; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 96, рис. 46, 14; Митько О.А., 1991, с. 101-109, рис. 2, 3-6; Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С., 2007, с. 163-168, рис. 3, 7; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2008, с. 60-66, рис. 3, 6).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 8 кургана №4 и синхронизация их дат представлены в табл. 14. Из 18 дат аналогий наибольшее количество (14) бытуют в XII в. н.э. (пять из них прекращают свое существование в этом веке и пять начинают бытовать в этом веке). Тринадцать аналогий бытуют в XIII в. н.э. (четыре из них начинают бытовать и восемь завершают свое существование в этом веке). Девять аналогий бытуют в XI в. н.э. (все они начинают свое существование в этом веке) и пять аналогий зафиксировано в XIV в. н.э. (все они завершают свое бытование). Синхронизация дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 8 кургана №4 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 9 представлена комплексом находок предметов вооружения и конского снаряжения (рис. 54, 1-8). Железный боеголовковый наконечник стрелы с ромбическим сечением и формой пера (рис. 54, 3) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии в материалах курганной группы Мусохраново-3 второй половины XII-XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., Сулейме-

нов М.Г., 1998, с. 86, рис. 5, б), а на территориях Новосибирского и Алтайского Приобья в материалах X-XIV вв. н.э. (Адамов А.А., 2000, с. 38-39; Грязнов М.П., 1956, табл. LXI, б). В Среднем Причудлымье и Минусинской котловине аналогичные находки известны в материалах X-XIII и конца X-XII вв. н.э. (Беликова О.Б., 1996, с. 77-78; Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 45, 46). Железный плоский боеголовковый асимметрично-ромбический наконечник стрелы (рис. 54, 1) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогию в материалах X-XII вв. н.э. на могильнике Саратовка, басандайской археологической культуры Томского и Новосибирского Приобья (XII-XIV и XI – начале XIII вв. н.э.), а в Барнаульско-Бийском Приобье такие наконечники стрел известны в материалах начала и первой половины II тыс. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. LXII, 3; Илюшин А.М., 1999, рис. 68, 19; Плетнева Л.М., 1997, рис. 187, 4, 5; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 141-142). Железный плоский боеголовковый секторный томар (рис. 54, 2) имеет аналогии на территории Барнаульско-Бийского Приобья в материалах первой половины II тыс. н.э., а также в древностях кыргызов XIII-XIV вв. н.э., кыштымов XIII-XIV вв. н.э., уйгуров XIII-XIV вв. н.э. и восточных кыпчаков XIII-XIV вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. LXII, 2; Худяков Ю.С., 1997, с. 9, рис. 5; с. 35, рис. 21; с. 82, рис. 52; с. 108, рис. 73). Костяная скоба для крепления колчана (рис. 54, б) ближайшую аналогию имеет в материалах Беково, датируемых XI-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 49, 2, 3). Железные однокольчатые удила с большими кольчатymi псалиями в Кузнецкой котловине известны на памятниках Тарасово-1 (XI-XIII вв. н.э.), Шабаново-4 (XII-XIV вв. н.э.), Беково и Шанда (XI-XII вв. н.э.), Сапогово-1 (XI – первая половина XIII вв. н.э.) и Шабаново-9 (XII-XIII вв. н.э.) (Бородкин Ю.М., 1977, с. 139-147; Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 26, 14; 28, 3; 31, 2; 35, 4; 43, 1; 48, 5; 2005, с. 36; табл. 10, 20; 14, 7, 8; 2010, с. 105, рис. 3, 1; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 28, рис. 9, 1; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 96, рис. 11, 5).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 9 кургана №4 и синхронизация их дат представлены в табл. 15. Из 20 дат аналогий наибольшее количество (16) бытует в XII в. н.э. (пять из них прекращают

Таблица 15

Синхронизация дат аналогий артефактам из могилы 9 кургана №4

№№ аналогий	Дата (вв. н.э.)					
	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						
8						
9						
10						
11						
12						
13						
14						
15						
16						
17						
18						
19						
20						
Всего	4	12	16	12	9	2

15						
16						
17						
Всего	1	7	10	15	10	1

свое существование в этом веке и четыре начинают бытовать в этом веке). По двенадцать аналогий бытуют в XIII в. н.э. (четыре из них начинают бытовать и шесть завершают свое существование в этом веке) и в XI в. н.э. (восемь из них начинают свое существование в этом веке). Девять аналогий бытуют в XIV в. н.э., четыре – в X в. н.э. и две в XV н.э. Синхронизация дат приведенных аналогий позволяет определить относительную дату сооружения могилы 9 кургана №4 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

Могила 11 содержала находки предметов вооружения и одежды (рис. 57, 1-4). Железный боеголовковый трапецевидный томар (рис. 57, 1) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии в материалах Сапогово-2 (XI-XII вв. н.э.), Мусохраново-3 (вторая половина XII-XIII вв. н.э.), Торопово-1 и Ишаново (XIII-XIV вв. н.э.)

(Илюшин А.М., 1997, с. 49-56, рис. 17, 5; 1999а, с. 68, рис. 50, 4, 5; Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С., 2007, с. 163-168, рис. 3, 4; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 13, 7). В Сибири и Средней Азии этот тип наконечников стрел широко известен в материалах XIII-XIV вв. н.э., а также кыргызов XIII-XIV вв. н.э., кыштымов XI-XIV вв. н.э. и восточных кыпчаков XIII-XIV вв. н.э. (Могильников В.А., 1981а, с. 194-200, рис. 72; Худяков Ю.С., 1997, с. 10, 35, 108, рис. 5; 21; 73). Боеголовковый железный плоский асимметрично-ромбический наконечник стрелы (рис. 57, 2) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии в материалах X-XII вв. н.э. на могильнике Саратовка, в материалах басандайской археологической культуры Томского (XII-XIV вв. н.э.) и Новосибирского (XI – начале XIII вв. н.э.) Приобья, а также в материалах начала и первой половины II тыс. н.э. Лесостепного Алтая (Илюшин А.М., 1999, рис. 68, 19; Плетнева Л.М., 1997, рис. 187, 4, 5; Савинов Д.Г., Новиков А.В.,

Росляков С.Г., 2008, с. 141-142; Грязнов М.П., 1956, табл. LXII, 3). Железная овальная пряжка с уплощенной формой в сечении рамки (рис. 52, 3) в Кузнецкой котловине имеет аналогии на памятниках Торопово-1 (XIII-XIV вв. н.э.), Сапогово-1 (XI – середина XIII вв. н.э.), Тарасово-2 (XI-XIII вв. н.э.) и Ишаново (XII – первая половина XIII и XIII-XIV вв. н.э.) (Илюшин А.М., 1999а, с. 68, рис. 5, 14; 6, 3; 50, 10; 52, 3; 2005, с. 36, табл. 16, 40-43; Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С., 2007, с. 163-168, рис. 3, 7; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 96, рис. 46, 14; Митько О.А., 1991, с. 101-109, рис. 2, 3-6; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2008, с. 60-66, рис. 3, 6).

Результаты поиска аналогий артефактам из могилы 11 кургана №4 и синхронизация их дат представлены в табл. 16. Из 17 дат аналогий наибольшее количество (15) бытуют в XIII в. н.э. (пять из них прекращают свое существование в этом веке и семь начинают бытовать в этом веке). По десять аналогий бытуют в XII в. н.э. (три из них начинают бытовать и две завершают свое существование в этом веке) и в XIV в. н.э. (девять из них прекращают бытовать в этом веке). Семь аналогий бытуют в XI в. н.э. и по одной – в X и XV вв. н.э. Синхронизация дат приведенных аналогий (табл. 16) позволяет определить относительную дату сооружения могилы 9 кургана №4 как рубеж XII-XIII вв. н.э.

3.2. Датировка курганов и памятника

Датировка курганов и памятника, представляющих собой комплексы многократного формирования разной величины, возможна путем сложения и корреляции дат всех комплексов однократного формирования (могил), которые они в себя включают. Суммарная информация результатов исследования датировки семнадцати могил из четырех курганов памятника представлена в табл. 17. Сложение дат могил позволяет обозначить нижнюю и верхнюю хронологические границы комплексов многократного формирования, а корреляция в каждом конкретном случае позволяет уточнить и приблизить датировку курганов и памятника к исторической реальности, по совокупности знаний на сегодняшний день.

Таблица 17

Сводная информация результатов исследования по датировке могил

№№ курганов и могил	Датировка (вв. н.э.)
курган №1, могила 1	рубеж XII-XIII
курган №1, могила 2	рубеж XII-XIII
курган №2, могила 1	рубеж XII-XIII
курган №2, могила 2	рубеж XII-XIII

курган №2, могила 3	рубеж XII-XIII
курган №2, могила 4	рубеж XII-XIII
курган №2, могила 6	вторая половина XII
курган №3, могила 1	вторая половина XII
курган №3, могила 2	XII
курган №3, могила 3	рубеж XII-XIII
курган №4, могила 1	рубеж XII-XIII
курган №4, могила 3	вторая половина XII
курган №4, могила 5	рубеж XII-XIII
курган №4, могила 6	XI – начало XIII
курган №4, могила 8	рубеж XII-XIII
курган №4, могила 9	рубеж XII-XIII
курган №4, могила 11	рубеж XII-XIII

Курган №1 можно датировать путем корреляции дат сооружения могил 1 и 2 и совокупности всех относительных дат аналогий для отдельных артефактов из них. Обе могилы датированы одним хронологическим интервалом – рубеж XII-XIII вв. н.э. (табл. 17). Этим же временем – рубежом XII-XIII вв. н.э. можно датировать сам курган. Корреляция всех дат аналогий артефактам из двух могил не противоречит этой дате кургана №1, но позволяет ее уточнить. Наибольшее количество аналогий выпадает на XII в. н.э. (31 случай = 27,5%) и XIII в. н.э. (31 случай = 27,5%). По другим векам аналогии по уменьшению распределяются следующим образом: XIV в. н.э. (23 случая = 20,5%), XI в. н.э. (22 случая = 19,5%) и X в. н.э. (5 случаев = 5%). Из 113 аналогий артефактам из могил кургана №1 59 (52,2%) бытуют в X-XII вв. н.э. и 54 (47,8%) аналогии зафиксированы в XIII-XIV вв. н.э. Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что узкая дата для кургана №1 – рубеж XII-XIII вв. н.э. более приближена к исторической реальности.

Курган №2 можно датировать через синхронизацию дат сооружения пяти могил 1-4 и 6 и совокупности всех относительных дат аналогий для отдельных артефактов из них. Первые четыре могилы были датированы одним хронологическим интервалом – рубеж XII-XIII вв. н.э., а могила 6 – второй половиной XII в. н.э. (табл. 17). Корреляция этих дат позволяет датировать курган №2 рубежом XII-XIII вв. н.э. Наибольшее количество аналогий выпадает на XII в. н.э. (32 случая = 28,9%) и XIII в. н.э. (25 случаев = 22,5%). По другим векам аналогии по уменьшению распределяются следующим образом: XI в. н.э. (21 случай = 18,9%), XIV в. н.э. (19 случаев = 17,1%), X в. н.э. (9 случаев = 8,1%), IX в. н.э. (3 случая = 2,7%) и VIII в. н.э. (2 случая = 1,8%). Из 111 аналогий артефактам из могил кургана №2 67 (60,4%) бытуют в VIII-XII вв. н.э. и 44 (39,6%) аналогии зафиксированы в XIII-XIV вв. н.э. Эти данные свидетельствуют о большей архаизации предметного комплекса находок из могил кургана №2. Дата сооружения

этого поминально-погребального комплекса – рубеж XII-XIII вв. н.э. представляется наиболее вероятной.

Курган №3 по датам могил 1, 2 и 3, следуя той же методике, можно датировать в широком диапазоне XII – рубеж XII-XIII вв. н.э., а в узком – рубежом XII-XIII вв. н.э. В первом временном интервале датируются могилы 1 и 2, а во втором – могила 3. Корреляция всех дат аналогий из трех закрытых комплексов оставляет предложенную датировку кургана №3 по датам закрытых комплексов без изменений, так как наибольшее количество аналогий выпадает на XII в. н.э. (25 случаев = 37,9%) и XIII в. н.э. (20 случаев = 30,3%). По другим векам аналогии по уменьшению распределяются следующим образом: XI в. н.э. (13 случаев = 19,7%), XIV в. н.э. (7 случаев = 10,6%), X в. н.э. (1 случай = 1,5 %). Из 66 аналогий артефактам из могил кургана №3 39 (59,1%) бытуют в X-XII вв. н.э. и 27 (40,9%) зафиксированы в XIII-XIV вв. н.э. Однако то обстоятельство, что под насыпью кургана №3 были погребены взрослый мужчина (в возрасте 20-25 лет) и две девочки (в возрасте 8-10 и 5-6 лет), позволяет сузить дату сооружения этого объекта, выполнявшего функцию семейного некрополя. Последнее указывает, что курган, в котором погребали умерших родственников, функционировал не более 25 (если были погребены представители одного поколения) или 35 (если были погребены представители двух поколений) лет. Поэтому более узкая дата для кургана №3 – рубеж XII-XIII вв. н.э. наиболее вероятна.

Курган №4 можно датировать через синхронизацию дат сооружения семи могил 1, 3, 5, 6, 8, 9 и 11 и совокупности всех относительных дат аналогий для отдельных артефактов из них. Могилы 1, 5, 8, 9 и 11 были датированы одним хронологическим интервалом – рубеж XII-XIII вв. н.э. Могила 3 была датирована второй половиной XII в. н.э., а могила 6 – в широком хронологическом диапазоне XI – начало XIII вв. н.э. Последняя дата в достаточной мере является условной, поэтому не должна учитываться при определении хронологических границ исследуемого объекта. Корреляция дат других могил позволяет датировать курган №4 рубежом XII-XIII вв. н.э. Корреляция всех дат аналогий артефактам из семи могил не противоречит этой дате. Наибольшее количество аналогий выпадает на XII в. н.э. (65 случаев = 29,7%) и XIII в. н.э. (61 случай = 27,9%). По другим векам аналогии, по уменьшению, распределяются следующим образом: XI в. н.э. (47 случаев = 21,5%), XIV в. н.э. (34 случая = 15,5%), X в. н.э. (9 случаев = 4,1 %) и XV в. н.э. (3 случая = 1,4%). Из 219 аналогий артефактам из могил кургана №4 121 (55,3%) бытует в X-XII вв. н.э. и 98 (44,7%) аналогий зафиксированы в XIII-XV вв. н.э. Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что предложенная узкая датировка кургана №4 – рубеж XII-XIII вв. н.э. наиболее правомерна.

Результаты исследования по датировке курганов по аналогиям артефактам из могил представлены в табл. 18.

Таблица 18

Сводная информация результатов исследования по датировке курганов

№№ курганов	Датировка (вв. н.э.)
курган №1	рубеж XII-XIII
курган №2	рубеж XII-XIII
курган №3	рубеж XII-XIII
курган №4	рубеж XII-XIII

Основываясь на этих данных, курганную группу Конево по сумме дат ее четырех курганов можно датировать рубежом XII-XIII вв. н.э. Корреляция всех дат аналогий артефактам из семнадцати могил четырех курганов не противоречит этой дате. Наибольшее количество аналогий выпадает на XII в. н.э. (153 случая = 30,1%) и XIII в. н.э. (137 случаев = 26,9%). По другим векам аналогии, по уменьшению, распределяются следующим образом: XI в. н.э. (103 случая = 20,2%), XIV в. н.э. (83 случая = 16,3%), X в. н.э. (25 случаев = 4,9 %), IX и XV в. н.э. (по 3 случая = по 0,6%) и VIII в. н.э. (2 случая = 0,4 %). Из 509 аналогий артефактам из могил всех курганов 286 (56,2%) бытуют в VIII-XII вв. н.э. и 223 (43,8%) аналогии зафиксированы в XIII-XV вв. н.э. Именно в XII-XIII вв. н.э. зафиксировано максимальное количество аналогий – 290 (57%). Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что предложенная датировка курганной группы Конево рубежом XII-XIII вв. н.э. наиболее соответствует исторической реальности, по данным на сегодняшний день.

Глава 4

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРТЕФАКТОВ

В результате изучения погребального обряда средневекового населения Кузнецкой котловины нами был систематизирован большой блок археологических источников на уровне описания и классификации типов (признаков). В результате этой работы был сформирован банк данных классифицированных типов-признаков из элементов погребального обряда средневекового населения Кузнецкой котловины и дана его развернутая характеристика (*Илюшин А.М.*, 2009б, с. 176-182; 2009в, с. 182-187). Банк данных по средневековой археологии и погребальному обряду населения этой эпохи ежегодно пополняется новой информацией. Начиная эту работу в конце 1980-х годов, мы ставили цель – упорядочить описание и систематизировать путем классификации на уровне типов разнородные по содержанию культурные объекты и системы, фиксируемые на уровне археологических артефактов в погребальном обряде. В дальнейшем это предполагало использование статистико-комбинаторных и других современных методов исследования вещественных исторических источников при проведении их сравнительного анализа. Сейчас можно констатировать, что результаты классификации и систематизации позволили нам сделать шаг вперед не только при проведении различных исследований по таким отраслям знания, как этноархеология и этнокультурная история средневекового населения Кузнецкой котловины (*Илюшин А.М.*, 2005), но и выйти на новый более качественный социокультурный уровень осмысления археологических источников. Исследования в этом направлении привели нас к выводу о том, что фиксируемые археологическими методами артефакты на уровне типов-признаков погребального обряда в каждом конкретном случае составляют индивидуальные совокупности классификационных категорий, которые представляют собой продукт социокультурных процессов и конкретных исторических событий. Классифицируя и систематизируя фиксируемые археологические артефакты погребального обряда на разных уровнях обобщения, мы фактически пытаемся на современном уровне мышления и знаковых систем передать смысл культуры, которую нам оставили средневековые аборигены, выразив ее таким своеобразным языком символов и маркировки среды обитания. Первоначальной точкой отсчета в понимании языка погребального обряда должно быть наше отношение к нему как форме проявления потустороннего мира, который у народов, практикующих язычество, воспринимался как продолжение жизни в другом измерении (или перевернутом состоянии) с культурными

формами, стереотипами восприятия и интерпретации, как и в их реальной жизни, следуя своим культурным нормам и традициям. Поэтому изучение погребального обряда на уровне археологической классификации и систематизации позволяет перейти от мира отдельных сигналов к миру смысла, являющемуся связующим звеном с миром идей, образов и ценностей, который имел место у людей, оставивших нам в наследие конкретные памятники и объекты. При этом закодированная в погребальном обряде информация, представленная устойчивыми формами, позволяет понять правила формирования ряда конкретных сообщений и раскрыть содержание их смысла, а также приблизиться к пониманию его уникальных форм. Ведь под кодом культуры, фиксируемым при изучении погребального обряда, понимается совокупность конкретных операций (действий) и смыслы, стоящие за ними. Таким образом, погружение в мир знаков и символов, комбинированно выраженных в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины, дает нам возможность опосредованно вступать в коммуникативные связи с людьми и культурой этой эпохи и ориентироваться в пространстве и времени (*Илюшин А.М.*, 2009г, с. 149-153; 2010а, с. 92-98). Такой подход, методы и опыт предыдущих исследований, зафиксированный в банке данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины, были использованы для изучения материалов курганной группы Конево.

4.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Основанием для изучения социальной структуры населения, соорудившего на рубеже XII-XIII вв. н.э. курганную группу Конево в долине нижнего течения р. Ур, является тот факт, что социальный статус погребенного индивида соблюдается при его захоронении. Общепринято, что отличия, которые фиксируются в погребальном обряде, отражают половозрастную, социальную и этническую иерархию общества. Отдельные общие и индивидуальные черты погребального обряда являются весомыми аргументами при определении прижизненного статуса погребенного. Поэтому при социальном анализе источников в первую очередь используются формализованно-статистический и сравнительно-исторический методы исследования. О больших возможностях комбинированного использования этих методов в археологии для анализа погребальных памятников пишут многие исследователи (*Алекшин В.А.*, 1986; *Геннинг В.Ф.*, *Борзунов В.Ф.*, 1975, с. 42-72; *Геннинг В.Ф.*, *Бунытян Е.П.*, *Пустовалов С.Ж.*, *Рычков Н.А.*, 1990; *Коробов Д.С.*, 2003; *Матвеева Н.П.*, 2007; и др.). Анализу на втором уровне обобщения подвергнутся результаты типологической классификации погребального обряда (см. главу 2). Впервые такой подход и методы использовались нами при исследовании материалов раскопок ККАЭЭ курганных могильников Сапогово-1 и Торопово-1 (*Илюшин А.М.*, *Ковалевский*

С.А., Сулейменов М.Г., 1996; Илюшин А.М., 1999а), что позволило сформировать несколько новых гипотез и сделать ряд интересных открытий и выводов.

На первом этапе социологического анализа обобщим и проанализируем половозрастные данные предварительного исследования костных антропологических материалов из курганной группы Конево (коллекция 242 кабинета антропологии Томского государственного университета), выполненного Мариной Петровной Рыкун (см. прил. 2). Пол и возраст не только биологические характеристики индивидов, но и социальные показатели, позволяющие выявить половозрастную структуру общества и обозначить роль и статус половозрастных групп. Костные останки погребенных людей были зафиксированы в 21 могиле. Из 21 погребенного 10 мужчин, 7 женщин и 4 ребенка. Можно отметить относительно невысокий процент (19%) детской смертности, что не характерно для эпохи средневековья, которая, как правило, отличается высокими показателями по этому критерию. Например, в Кузнецкой котловине на курганном могильнике XIII-XIV вв. н.э. Торопово-1 показатель детской смертности составляет порядка 40% (Илюшин А.М., 1999а, с. 69-72).

Максимальный возраст жизни у мужчин и женщин по материалам курганной группы Конево составляет 60 лет. Условный средний возраст погребенных людей составляет приблизительно 29,5 лет. При этом среди взрослых он сильно отличается по половому признаку. У мужчин он составляет 44 года, а у женщин 24,5 года. Средний возраст погребенных детей составляет 2 года. Социальная возрастная грань между двумя категориями погребенных – взрослые и дети, пролегает на рубеже 8-10 лет. Об этом свидетельствуют следующие факты, выявленные при сравнительном анализе погребений детей и взрослых, которые сильно различаются между собой не только по костным останкам. Все детские могилы, как правило, располагаются на уровне материка или в неглубоких грунтовых ямах и сооружаются с минимальными трудозатратами. Могилы взрослых разительно отличаются от детских своими большими размерами, требуют больших трудозатрат, что и подчеркивает их социальный статус. В могиле 1 кургана 3 был погребен ребенок в возрасте 8-9 лет (не старше 10), однако размеры могилы и обилие находок в ней, используемых в повседневной жизни взрослыми людьми, свидетельствуют о том, что родственники относились к погребенному в ней человеку как к взрослому члену их сообщества. Аналогичная возрастная грань между взрослым и детским возрастом в пределах 8-10 лет у средневекового населения Кузнецкой котловины была выявлена и при исследовании курганного могильника XIII-XIV вв. н.э. Торопово-1 (Илюшин А.М., 1999а, с. 68-69).

При сравнении элементов погребального обряда мужских и женских, а также детских захоронений, зафиксированных при классификации погребального обряда на уровне третьего класса признаков – погребения (см.

главу 2), были выявлены общие черты и особенные признаки погребально-го обряда, характерные для каждого пола, а также детали, подчеркивающие социальный статус погребенных людей. Приведем результаты этого исследования с учетом предварительных данных, полученных М.П. Рыкун при работе с антропологической коллекцией, сформированной при раскопках курганной группы Конево (см. прил. 2).

Все детские погребения и почти половина женских погребений совершены без сопровождающего захоронения останков животного (рис. 18; 25; 32; 45; 48; 50; 53). Лишь для мужчин был характерен обряд погребения с тушей лошади (рис. 20; 34; 39; 41), а обряд погребения со шкурой лошади на равных представлен как в мужских, так и в женских захоронениях (рис. 4; 6; 11; 16; 23; 27; 43; 46, А, Б; 51). Последний обряд зафиксирован в более половины случаев взрослых захоронений, под насыпями всех четырех курганов. Это позволяет предполагать, что он является культурной чертой численно преобладающей этнической группы среди населения, соорудившего этот памятник.

Для всех возрастных групп, мужчин и женщин, характерной особенностью погребального обряда является наличие грунтовой ямы для захоронения (рис. 4; 6; 16; 18; 20; 23; 25; 27; 32; 34; 41; 42; 44; 45, А, Б; 48; 49; 51). В единичном случае выявлен факт захоронения ребенка на уровне материка (рис. 48). Отличительная особенность детских грунтовых могил – их малые размеры и глубина. Для мужских захоронений отличительной особенностью на уровне тенденции являются более громоздкие по размерам и глубине грунтовые могильные ямы. Особенно отличаются своими габаритами могила 2 в кургане №1 (рис. 6) и могила 1 в кургане №2 (рис. 11). Сооружение этих погребальных конструкций требовало наибольшего количества трудозатрат, что указывает на высокий социальный статус погребенных в них пожилых мужчин-воинов. Для мужских захоронений выявлены три исключения – погребение во рву (рис. 56), комбинированное расположение погребения в грунтовой яме с останками лошади на древней дневной поверхности (рис. 39), погребение в катакомбе, а шкуры лошади в грунтовой яме (рис. 11). Специфической чертой погребального обряда, характерной только для мужчин, является захоронение в грунтовых ямах подпрямоугольной формы (рис. 20; 23; 39; 41). В то же время наличие грунтовых могильных ям овальной формы характерно для всех половозрастных групп и является общей культурной чертой населения, соорудившего памятник (рис. 4; 6; 11; 16; 18; 25; 27; 32; 34; 42; 44; 45, А, Б; 48; 49; 51).

К числу общих черт погребального обряда можно отнести ориентацию грунтовых могильных ям длинной осью по линиям СВ-ЮЗ (рис. 16; 18; 20; 23; 25; 32; 34) и с небольшим смещением ВСВ-ЗЮЗ (рис. 4; 6; 41; 45, А, Б; 48; 49; 51). Необходимо отметить при этом индивидуальность кургана №4, где ориентация грунтовых могильных ям по линии ЮВ-СЗ

выявлена у всех половозрастных групп погребенных (рис. 39; 42; 44). К числу частных признаков у погребенных мужчин можно отнести ориентацию грунтовой могильной ямы по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 11), а у женщин – по линии С-Ю (рис. 27).

Грунтовые могильные ямы без дополнительных конструкций характерны для всех детских и единичных мужских и женских захоронений (рис. 25; 32; 39; 41; 45; 46, А, Б; 50; 53). При этом обращает на себя внимание отсутствие или наличие бедного погребального инвентаря в этих могилах, что косвенно указывает на то, что эта группа погребенных располагалась при жизни внизу социальной пирамиды. Основная масса этих погребений находилась под насыпью кургана №4.

К числу общих мужских и женских признаков относятся грунтовые могильные ямы с подбоем в южной стенке и ступенькой во входе (рис. 18; 34) и грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль западной стенки (рис. 20; 27). Все другие конструкции грунтовых могил индивидуальны для мужчин (грунтовые могильные ямы с катакомбой, грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль северной стенки и грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль северной стенки и с подбоем в южной стенке со ступенькой во входе) (рис. 6; 11; 23; 51) и женщин (грунтовые могильные ямы с локальным подбоем в северной стенке, грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль южной стенки и с подбоем в северной стенке и грунтовые могильные ямы со ступенькой вдоль южной стенки и с подбоем в северной стенке и ступенькой во входе) (рис. 4; 16; 43).

По такому признаку, как конструкции и сооружения в заполнении и на дне могил общей чертой для всех групп погребенных является их отсутствие (рис. 6; 18; 25; 27; 32; 34; 39; 41; 43; 45; 46, А, Б; 48; 50; 51; 53). К числу единичных элементов для мужских и женских захоронений относятся такие конструкции, как берестяная подстилка и чехол (рис. 4; 16; 20; 23). Не исключено, что это имело место и в одной детской могиле (рис. 45), но степень сохранности этого материала позволяет лишь высказать предположение. Только в женских погребениях в единичных случаях зафиксирована деревянная перегородка из досок и деревянное перекрытие из досок (рис. 16; 27). В мужских погребениях в единичных случаях выявлены такие конструкции, как деревянная рама с деревянным дном и перегородка из дерева и бересты (рис. 11; 20).

При ориентации погребенных людей и животных выделяются общие и индивидуальные признаки. Общим признаком для одиночных погребений мужчин, женщин и детей является их ориентация головой на ВСВ (рис. 50; 53; 56). Только в женских и детских погребениях зафиксированы единичные случаи ориентации головой на СВ (рис. 18; 25; 32). Можно отметить отсутствие устойчивой ориентации головой для погребенных детей, в каждом детском захоронении она была индивидуальна (рис. 32; 45; 48; 50).

Парное захоронение взрослого человека с тушей лошади представлено только четырьмя мужскими погребениями, что можно охарактеризовать как устойчивую черту погребального обряда. К числу устойчивых черт погребального обряда можно отнести положения голов человека и лошади параллельно в разных направлениях, но их ориентация в каждом конкретном случае была индивидуальна (рис. 20; 34; 39; 41).

Парное захоронение взрослого человека со шкурой лошади является общей чертой погребального обряда для мужчин и женщин, количественно преобладающей на памятнике этнической группы. К числу устойчивых черт их погребального обряда можно отнести положения голов человека и шкуры лошади параллельно в разных направлениях, но их ориентация в каждом конкретном случае была индивидуальна (рис. 4; 6; 11; 16; 23; 27; 39; 46, А, Б; 51). Кроме этого выявлено наличие еще одной культурной черты в погребальном обряде людей, погребенных со шкурой лошади. У женщин шкура (манекен) лошади, как правило, располагалась слева от погребенной, а у мужчин – с правой стороны от всадника. Последнее, вероятно, связано с традицией садиться в седло с разных сторон для всадниц и всадников.

В качестве общей черты признаков погребального обряда для взрослых людей (мужчин и женщин) можно назвать наличие в могиле костей барана или овцы (рис. 4; 6; 11; 16; 18; 27; 34; 43; 46, Б; 51; 53). Индивидуальной особенностью мужского погребения в катакомбе (курган №2 могила 1) было присутствие наряду с костями овцы или барана костей птицы (рис. 11).

Общей чертой погребального обряда для захоронений взрослых людей является наличие таких категорий сопроводительного инвентаря, как предметы вооружения, конской упряжи, одежды и украшений, а также орудий труда и предметов быта (рис. 4; 6; 11; 16; 20; 23; 27; 32; 34; 39; 41; 43; 46, А, Б; 51; 53; 56). Предметы вооружения были представлены в половине могил, где были погребены взрослые, преимущественно мужчины. По количеству и типологическому разнообразию средств вооружения выделяются специфические группы погребенных воинов. Первая – это захоронения пожилых мужчин в возрасте 50-60 и 45-50 лет (курган № 1 могила 2 и курган № 2 могила 1). В их могилы были помещены полные комплекты вооружения для ведения конного дистанционного и ближнего боя с противником, владеющим средствами защиты (рис. 6; 7, 1-14; 8, 15-34; 9, 35-49; 11; 12, 1-3; 13, 4-20; 14, 21-42; 15, 43-51), что позволяет интерпретировать эти захоронения как погребения профессиональных воинов – рыцарей своего времени. В этих могилах, как и в других подобных захоронениях кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины, комплекс вооружения, прежде всего, демонстрирует высокий социальный статус погребенных людей (Илюшин А.М., 2005, с. 152-153). Вторая группа воинов – это дееспособное население периода жизненного расцвета и пожилого воз-

раста (курган № 3 могила 3 – мужчина 20-25 лет, курган № 4 могила 1 – мужчина 40 лет, могила 9 – женщина (?!) 20-22 года и могила 11 – мужчина 50-60 лет). В их могилах найдены единичные предметы вооружения для ведения конного и пешего дистанционного и частично ближнего боя (рис. 34; 35, 1-5; 36, 6-12; 39; 40, 1-3; 53; 54, 1-8; 56; 57, 1-4), что позволяет интерпретировать эту категорию воинов как ополчение. В одном случае в этой группе по половозрастному определению зафиксирован факт воина-женщины. Вероятно, она принадлежала к социальной группе «амазонки», что в развитом средневековье было вполне частым и естественным явлением для кыпчакского общества (Плетнева С.А., 2003, с. 149-169, рис. 54, 9).

Лишь для женских и детских захоронений выявлены такие черты, как наличие в могиле предметов культового назначения и отсутствие сопроводительного инвентаря (рис. 18; 25; 27; 32; 45; 48; 50; 55). Последний признак наиболее присущ детским могилам.

В мужской могиле зафиксирован единичный случай присутствия серебряной пиршественной посуды (рис. 6), что еще раз подчеркивает высокий социальный статус погребенного в ней человека, не исключено, что основателя семьи на новом месте.

Подводя общие итоги сравнительного анализа элементов погребального обряда мужских и женских, а также детских захоронений, можно констатировать наличие сильной половозрастной, социально-экономической и этнической дифференциации людей, погребенных в коневских курганах.

Налицо привилегированное положение мужчины и его роль главы-лидера, второстепенные статус и роль женщины, а также низкий статус и роль детей в каждой социальной группе.

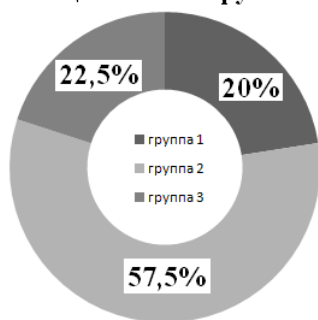
Обозначаются контуры трех социальных имущественных групп. Первая – это немногочисленная элита, состоящая из профессиональных воинов рыцарей и их ближайших родственников, погребенных с большими трудо-

Таблица 19
Распределение могил по социальным группам

№.№ кургана, могилы (к.№, м.№)				
1 группа	1 или 2 группа	2 группа	2 или 3 группа	3 группа
к.1, м.2	к.1, м.1	к.2, м.2	к.2 м.3	к.2, м.7
к.2, м.1	к.3, м.3	к.2, м.4	к.4, м.2	к.4, м.7
к.3, м.1	к.3, м.2	к.2, м.6	к.4, м.4	
		к.4, м.3	к.4, м.6	
		к.4, м.5		
		к.4, м.8		
		к.4, м.9		
		к.4, м.11		
3	3	8	4	2

затратами и богатым сопроводительным инвентарем. Вторая – это рядовое население, состоящее из обедневших родственников, погребенных менее пышно с более бедным сопроводительным инвентарем. Третья – это пленники (домашние рабы), челядь и наложницы, выполняющие функции прислуги и работников, погребенные с наименьшими трудовыми затратами без сопроводительного инвентаря или с единичными предметами. По совокупности

Диаграмма 1
Распределение погребений
по социальным группам

этих характеристик к первой социальной группе можно отнести от 3 до 6 могил, ко второй группе – от 8 до 15, и к третьей группе от 2 до 6 (табл. 19).

По среднему показателю к представителям первой социальной группы относятся 22,5%, к представителям второй группы – 57,5%, а к представителям третьей группы – 20% погребенных в четырех коневских курганах (диаграмма 1). Факт, что 80% погребенных относятся к первой и второй социальным группам, свидетельствует, что погребальный памятник принадлежал элитарной этнической группе, занимающей привилегированное положение среди других многочисленных этнических групп, проживавших в Кузнецкой котловине в это время.

В пользу этого указывают наблюдения, сделанные нами при проведении полевых археологических исследований курганной группы Коневы и в долине р. Ур. Прежде всего, обращают на себя внимание большие размеры курганных насыпей, что указывает на высокий социальный статус погребенных под ними людей. Исследованные ККАЭЭ близкие по времени сооружения с курганной группой Коневы памятники – одиночный курган Коневы-1 и курганный могильник Ишаново, расположенные на незначительном удалении в нижнем течении р. Ур, по размерам своих курганных насыпей значительно уступают. На особый социальный статус указывает и месторасположение памятника. Он располагается на возвышенности, господствующей над долиной нижнего течения р. Ур у места ее впадения в р. Иню. У подошвы возвышенности располагается большая по своим размерам урская пойменная терраса, сливающаяся с инской, богатая степной травяной растительностью, способная прокормить большое стадо домашних животных. С места расположения памятника вся эта долина хорошо просматривается, что позволяет предполагать наличие права у этнической группы, соорудившей этот объект, заявлять себя как владельцев этих земель.

Широкая варибельность отнесения могил к конкретной социальной группе связана с частичным или сильным разграблением могил и «плавающей» границей между разными социальными группами. Однако даже данные такого качества по социальным группам позволяют ставить и исследовать вопрос о соотношении между социальной структурой и планировкой памятника. Курганная группа состоит из четырех объектов, датированных второй половиной XII – рубежом XII-XIII вв. н.э., которые выполняли функции склепов для захоронения нескольких поколений членов семьи. С учетом того, что разница между поколениями для эпохи средневековья исчислялась в среднем в 25 лет, можно утверждать, что сооружение всех земляных курганов могло проводиться почти одновременно в течение жизни 1-3 поколений одной большой семьи (50 лет). При этом обращает на себя внимание рассредоточение погребений под курганными

насыпями, относимых к различным социальным группам (см. табл. 19). По всей совокупности социальных признаков погребенных под насыпями можно наметить социальную иерархию курганов. Сверху вниз она выглядит следующим образом: 1-2=3-4 курганы. Они выстраиваются в цепочку согласно своему социальному статусу. Это позволяет сделать вывод, что структура расположения курганных насыпей на могильном поле отражает социальную структуру этнической группы, соорудившей его. Вероятно, по социальному статусу и очередности поколений своей семьи они располагаются цепочкой с ССЗ на ЮЮВ (рис. 2). В пользу этого свидетельствует наличие общих (наличие рвов подчетыреугольной формы, с входом-перешейком и ритуальной площадкой в СВ части, ограничивающих сакральное пространство, длинной осью вытянутых по линии ЮЗ-СВ, глубиной от 0,51 до 1 м) и индивидуальных (прежде всего размеры рвов и насыпей) культурных черт для всех четырех курганов, выполнявших функции погребально-поминальных комплексов.

В первом кургане погребены основатели кочевья – пожилые мужчина и женщина, отнесенные к первой и переходной ко второй социальным группам (см. табл. 19). Этот курган по совокупности трудозатрат на одного погребенного является лидером из всей группы. Подчеркнутое уважительное отношение к родителям закреплено в больших размерах курганной насыпи, рва, ограничивающего сакральное пространство, и богатым сопроводительным инвентарем. В могиле 2, самой глубокой на памятнике, находился пиршественный серебряный сосуд, подчеркивающий высокий социальный статус погребенного мужчины, тяжеловооруженного воина, опоясанного кожаным ремнем, украшенным серебряными бляшками, основателя семьи на этом месте. Под насыпью этого кургана погребены представители титульной этнографической группы (захоронения со шкурой лошади), которая доминирует над другими в количественном и имущественном положении.

Под насыпью самого большого по размерам кургана №2 зафиксированы шесть захоронений – 3 мужчин и 3 женщин, отнесенных к первой, второй, переходной к третьей и третьей социальным группам (см. табл. 19). Не зная, что было в полностью разграбленной могиле 5, можно предполагать, что роль лидера в этой группе выполнял пожилой мужчина – тяжеловооруженный воин 50 лет, погребенный в могиле 1. Обращает на себя внимание различие в способе захоронений. Это дает основание высказать предположение, что под насыпью кургана были погребены представители разных этнографических групп, которые в силу различных обстоятельств образовали единую ячейку общества.

Относительно меньшими габаритами по сравнению с другими выделяется курган №3. Однако с учетом того, что в нем погребены только три человека – 2 взрослых и 1 ребенок, отнесенных к первой и переходной ко второй группам (см. табл. 19), трудозатраты на его сооружение сравнимы с

показателем трудозатрат на одного человека в кургане №2. Обращает на себя внимание погребение подростка 8-10 лет (вероятно, девочка) со шкурой коня в могиле 1 кургана №3, отнесенное к группе элитных захоронений (см. табл. 19). Оно имеет ряд черт, которые позволяют предполагать, что погребение принадлежит особе, имеющей высокий социальный статус.

Во-первых, погребение совершено по традициям погребения взрослого человека, что позволяет определить возрастную границу перехода между детским и взрослым социальным положением в пределах 8-10 лет. Во-вторых, нетрадиционная ориентация могильной ямы и погребенного в ней человека со шкурой коня по длинной оси С-Ю. В-третьих, наличие в погребальном инвентаре предметов культового назначения – шумящих подвесок и амулетов. Совокупность этих особых черт позволяет высказать гипотезу, что в могиле была погребена юная шаманка или член семьи, которая имела особый социальный статус. На это косвенно указывает наличие большого количества культовых предметов, выполняющих функции оберегов, что традиционно характерно для шаманского снаряжения у народов Сибири (Алексеев Н.А., 1984, с. 142-178; Вайнштейн С.И., 1991, с. 268-269; и др.).

Курган №4, несмотря на свою третью позицию по размерам рва и земляной насыпи, находится внизу социальной иерархии, где погребены представители разных этнографических групп, отнесенные ко второй, переходной к третьей и третьей социальным группам (см. табл. 19). Вероятно, под насыпью были погребены обедневшие родственники, челядь и их дети, которые относились к категории зависимого населения.

Косвенным подтверждением о погребении зависимого населения в могиле 3 кургана №2 и могиле 6 кургана №4 является факт расположения под головой погребенных костей (два ребра и берцовая) животного, вероятно, барана (рис. 18; 46, Б). Подобный факт (у подростка за теменной частью черепа располагалась берцовая кость овцы) был зафиксирован в кургане №10 на могильнике Терен-хол в Минусинской котловине, датированной автором раскопок XI-XII вв. н.э. и отнесенной к кыргызским кыштымам (Худяков Ю.С., 1982, с. 97-103, 115, 138-139, рис. 66). В пользу того, что в могилах 3 и 7 кургана №2 и могиле 9 кургана №4 погребенные женщины могли относиться к таким зависимым социальным категориям населения, как наложница, слуга и охрана свидетельствуют отсутствие или специфический набор погребального инвентаря, а также отсутствие в могиле захоронения лошади или ее шкуры. При этом необходимо отметить, что в первом случае это сделать было невозможно по причине малых габаритов грунтовой могильной ямы, а во втором и третьем случаях место для захоронения лошади или ее шкуры было, но костей животного обнаружено не было. Это можно объяснить тем, что совершали «ложное» захоронение лошади или ее шкуры (кенотаф) в определенный срок после смерти человека согласно традиции (это фиксируется по разному заполнению грунто-

вых могильных ям – А.И.) (см. фото 3; 5; 12; 21; 37; 39; 43; 46), но саму лошадь в могилу не клали. Возможно, лошадь умерщвляли и использовали мясо для поминок, или сохраняли ей жизнь и передавали в руки других владельцев, как правило, бедных родственников, или расплачивались за долги. Как в первом, так и во втором случае основанием для несоблюдения традиции выступает бедность, когда родственники не имеют материальной возможности совершить ритуал захоронения лошади, но при этом они совершают действия, имитирующие захоронение лошади, которые предписаны духовной культурой их общества. Подобные случаи нами были зафиксированы на синхронном курганной группе Конево могильнике Ишаново, расположенном в нижнем течении р. Ур, а также известны в культуре коренных монголо- и тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Кузнецкой котловины в частности (*Батьянова Е.П.*, 1992, с. 223; *Потанин Г.Н.*, 2005, с. 36-37; *Илюшин А.М.*, 2009д, с. 32-36).

В целом, социальная структура населения, соорудившего курганную группу Конево, напоминает характерную для кыпчаков в XII в. низшую ячейку их кочевого сообщества – большую семью-аул, или, по-русски, «кош» (от тюркского «кош», «кошу» – кочевье, кочевать). Она состояла из представителей 2-3 поколений и прислуги (военнопленные, разорившиеся родственники и соплеменники), живших вместе на одной территории. Известно, что кыпчаки в XI-XII вв. находились на второй стадии кочевания, поэтому их аулы могли быть полиэтничны и находиться на разных ступенях иерархической лестницы по разным причинам (богатство или принадлежность к родовой аристократии), и, как правило, объединялись в курьи и орды (*Плетнева С.А.*, 1982, с. 36-76; 1990, с. 128-129). Крупная семья (аул), которая оставила исследуемый памятник, явно находилась наверху иерархической лестницы среди родственников и вполне могла выполнять функцию курьи, где проживал не только глава одной семьи, но и глава курьи, объединения из нескольких родственных семей, которое в свою очередь входило в орду.

По письменным источникам известно, что кочевники, проживающие в развитом средневековье на северной периферии Саяно-Алтая, были шаманистами. Об этом же свидетельствует описанный выше (см. глава 1) погребальный обряд, зафиксированный на курганной группе Конево, связанный с языческим мировоззрением, а также находки культовых предметов.

Большой научный интерес представляет сочетание культовых предметов христианства и язычества, найденных в могиле 1 кургана №3 справа от погребенной (рис. 27; 30, 32, 33; 31, 34; фото 25; 26) и, вероятно, украшавших ее одежду. Эта могила была интерпретирована как захоронение юной шаманки. К числу культовых предметов христианства относится равноконечный несторианский крест (рис. 30, 32; фото 26). Любопытно, что аналогичные кресты известны в захоронениях кочевников Дашт-и-Кыпчак не только Западной Сибири, но и Восточной Европы. Аналогичные находки

были включены Г.А. Федоровым-Давыдовым в категорию металлических украшений и интерпретированы как фигурные нашивки DV в виде четырехлепестковой ажурной розетки с полушаровидной выпуклостью в центре (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 65-67, рис. 12). С.А. Плетнева подобные изделия относила к категории амулетов и называла сложными ажурными подвесками или четырехлепестковыми ажурными розетками (Плетнева С.А., 1990а, с. 56, рис. 21, 1; 26, б) и включала их в вещевой комплекс печенегов и огузов (торков), датированный X – первой половиной XI вв. н.э. (Плетнева С.А., 1981, с. 217, рис. 82, 24; 2003, с. 115-132, рис. 46). Однако находки мелкой христианской пластики на Северном Кавказе и публикация аналогичных материалов средневековой Руси из частных коллекций позволяют интерпретировать эти находки как нательные кресты (Нарожный Е.И., 2010, с. 85-87, рис. 1; Букин Н., 2010, с. 12-25). На Северном Кавказе христианство появилось еще в начале X в. н.э., о чем свидетельствуют археологические раскопки христианских храмов и находки крестов (Ковалевская В.Б., 1981, с. 227). В Западной Сибири аналогичные изделия встречаются в Верхнем Приобье. Они были выявлены в погребальных комплексах таких могильников, как Осинки, Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2, которые были датированы исследователями в интервале с середины XI по начало XIII в. н.э. и отнесены к басандайской археологической культуре кочевников, пришедших с юга (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 14, табл. XXIV, 7; с. 73, 128, рис. 12, 3; с. 280, 304, рис. 34, 1, 2; с. 338-339). В Томском Приобье близкое по форме изделие было найдено в кургане 64 на могильнике у устья Малой Киргизки, который был отнесен к басандайской культуре и датирован XII-XIV вв. (Плетнева Л.М., 1997, с. 62, рис. 163, 9). Эти изделия по-разному интерпретировались авторами открытий: как бронзовая четырехлепестковая подвеска, ажурная бляха, крестовидная бляха, четырехлепестковая бляха, четырехлепестковая ажурная бляха и бронзовые бляшки (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 14, 73, 128, 167, 280, 304; Плетнева Л.М., 1997, с. 62). Находка из могилы 1 кургана №3 в Конево была найдена в скоплении с двумя другими амулетами-оберегами (о чем будет сказано ниже – А.И.), что явно указывает на ее аналогичную функцию. Последнее было возможно лишь в том случае, если люди, использовавшие это изделие, воспринимали его как христианский охранительный символ. Во всех выявленных случаях эти изделия, как правило, были найдены в женских или детских могилах. Не исключено, что их могли носить как амулет-оберег или как знак-символ принадлежности к христианской вере. Их могли нашивать на одежду или носить на шнурке. Практически одновременное появление аналогичных предметов христианского культа у кочевников Дашт-и-Кыпчак в начале развитого средневековья в Восточной Европе и Верхнем Приобье вполне правомерно. Известно, что несторианство закрепилось в Семиречье с раннего средневековья до XV в. н.э., откуда оно распространялось в среду

тюркоязычных кочевников Центральной Азии (*Бартольд В.В.*, 1964а, с. 265-298; *Железняков К.А.*, 2010 с. 264-273; *Никитин А.Б.*, 1984, с. 126; *Терновая Г.А.*, 2004, с. 176-193; и др.). Несторианство было распространено у тюркских народов – онгуты, гузы, чигили, карлуки, кыргызы и др. С XI в. н.э. начался новый период в истории восточного христианства, когда в связи со сложением новых государственных объединений у кочевых народов Центральной Азии, нуждавшихся в идеологической системе, оно становится государственной религией. В 1009 г. христианство приняли монголоязычные кераиты, а в XII в. н.э. – найманы (*Бартольд В.В.*, 1964а, с. 285; *Владимирцов Б.Я.*, 1992, с. 39; *Кычанов Е.И.*, 1978, с. 76-85; *Никитин А.Б.*, 1984, с. 133; *Рашид-ад-Дин*, 1952, с. 127; и др.). Даже монголы, разгромившие в начале XIII в. н.э. христианские ханства Центральной Азии, наряду с традиционным шаманизмом стали использовать восточное христианство, которое было известно и в Золотой Орде (*Бартольд В.В.*, 1964, с. 263-264; *Вернадский Г.В.*, 1927, с. 153-163; и др.). Косвенным подтверждением найденному в Конево несторианскому кресту является мнение Л.Р. Кызласова о том, что куны, в XI в. н.э. проживавшие на р. Оби и впоследствии слившиеся с куманами-половцами, по сообщению Марвази XII в. н.э., были известны как христиане несторианского толка (*Кызласов Л.Р.*, 1992, с. 136).

Фрагменты плоского зооморфного изображения (рис. 30, 33), вероятно, связаны с культом тотемного животного (вероятно, медведя). Подобные изделия известны на территории Приобья в материалах релкинской и верхнеобской археологических культур раннего средневековья, что объясняют наличием культа медведя у аборигенов (*Беликова О.Б., Плетнева Л.М.*, 1983, с. 87-88; *Троицкая Т.Н., Дураков И.В.*, 1995, с. 97-107; *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.*, 1998, с. 31-32, 74, рис. 18, 16; *Чиндина Л.А.*, 1991, с. 57-60, рис. 21, 10, 11, 13, 19; и др.). Культ медведя с глубокой древности существовал у аборигенов Сибири и сохранился у многих коренных сибирских народов (*Народы...* 2000; *Соколова З.П.*, 2002, с. 41-62; и др.). Известен он был и у средневековых кыпчаков. В одном из святилищ кыпчаков (половцев) в г. Донецке было найдено скульптурное изображение медведя, что связывают с их пребыванием в Сибири и культом предка (тотема), существовавшим у них (*Швецов М.Л.*, 1979, с. 199-209, рис. 2).

Антропоморфное плоское литье (рис. 31, 34; фото 25) имеет аналогии в вышеназванных культурах Верхнего и Среднего Приобья раннего средневековья (*Беликова О.Б., Плетнева Л.М.*, 1983, с. 86-87, рис. 26, 4; *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.*, 1998, с. 34, рис. 18, 13; *Чиндина Л.А.*, 1991, с. 55-57, рис. 20, 11, 14; 30, 1-4, 6; и др.), а также в материалах начала II тыс. н.э. из Барабы (*Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др.*, 1988, с. 100, рис. 50). Найденное в Конево изделие можно отнести к категории так называемых «фертообразных» изображений (*Ермоленко Л.Н., Советова О.С.*, 2009, с. 82-88). Фигура изображена стоящей с широко расставленными но-

гами, согнутыми руками, кисти которых сведены к туловищу на поясе, который украшает ремень с массивными овальными бляхами, подчеркивающими высокий социальный статус изображенного персонажа. На лице традиционная для таких изделий гримаса – выпученные глаза, широко открытый рот. Одежда в виде рубахи с отворотом и короткими широкими шароварами. На ногах сапоги выше колен, видимо, крепившиеся при помощи ремня к поясу. На руки, плечи и туловище нанесены насечки, вероятно, стилизованно изображающие воинские доспехи. Этому изделию культурно и хронологически наиболее близко изделие из Барабы, которое интерпретировалось как атрибуты шаманского культа или как оберег (Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 111). Две эти позиции, по семантическому содержанию исследуемого изделия, могут быть приняты одновременно, так как не противоречат друг другу. Тем более, что могила, где было найдено исследуемое изделие, вероятно, принадлежала юной шаманке. Не исключено, что этот амулет может быть связан с культом предков или представлять собой изображение небесного божества Тенгри. В пользу этого свидетельствует и вывод исследователей «фертообразных» изображений о том, что: «позиция рук фигурок-амулетов – не только образительный эквивалент угрожающего жеста, используемого в коммуникации различных традиционных обществ, но и элемент иконографии сверхестественных существ» (Ермоленко Л.Н., Советова О.С., 2009, с. 85).

Факт присутствия в одной могиле культовых предметов, связанных с христианством, тотемизмом и шаманизмом, позволяет предполагать наличие многобожия у кочевников, погребенных в коневских курганах и в восточной части Дашт-и-Кыпчак, в целом. Факт присутствия в исследуемом комплексе несторианского креста и антропоморфного изображения божества может свидетельствовать о начальной стадии становления тенгрианства, которое могло стать идеологической основой у отдельных племен Восточного Дашт-и-Кыпчак в развитом средневековье. Изображение медведя, положенное в могилу в поломанном состоянии, рядом с культовыми изделиями христианства и шаманизма позволяет предполагать, что культ медведя, составлявший некогда основу мировоззренческой системы, стал уступать место другой системе мировоззрения, основу которой, видимо, выполнял шаманизм. Такой вопрос правомерно был поставлен В.М. Кулемзиным при изучении культа медведя и шаманизма у обских угров (Народы... 2000). Исследуемые артефакты позволяют теперь обозначить хронологическую грань начала этого процесса у восточных кыпчаков.

К числу культовых изделий относится ожерелье из клыков волка (или крупной собаки), которое было найдено в могиле 6 кургана №4 (рис. 49, 1-5). Не касаясь мифологического образа волка-собаки в тюрко-монгольском мировоззрении, ограничимся лишь этнографическими параллелями, которые представляются наиболее близкими изучаемому факту. Так Л.П. Потапов на примере этнографических наблюдений у узбеков считал, что

большинство поверий о волке у них связано с роженицей и стремлением сохранить новорожденного. При этом отмечал, что волк выступает в поверьях узбеков так же как охранитель и покровитель вообще, а амулеты и обереги из костей, зубов, когтей, частей шкуры или отдельных органов (губы, нос, половые органы и др.) волка использовались очень широко в защитной магии и народной медицине. В основе такого отношения к волку, по мнению Л.П. Потапова, лежат древние тотемистические представления тюркских племен (*Потапов Л.П.*, 1958, с. 135-142). Защитная функция отдельных органов волка зафиксирована и у башкир, например: закапывание волчьей головы под порог дома или фундамент волчьей головы или клыков (*Илимбетов Ф.Ф.*, 1971, с. 224-226).

В могиле 6 кургана №4 был погребен ребенок в возрасте до 1 года, что позволяет связывать наличие ожерелья из пяти амулетов, изготовленных из клыков волка (или крупной собаки), с охранительной функцией, нацеленной на сохранение младенца. Аналогичные изделия были найдены в однокультурных древностях Лесостепного Алтая в детской могиле 51 Осинкинского могильника. Здесь наряду с тремя просверленными клыками собаки (или волка, так как их отличить практически невозможно – А.И.) находились две костяные просверленные трубочки, четыре позвонка рыбы и альчик овцы, которые были интерпретированы как набор игрушек (*Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.*, 2008, с. 16, табл. VIII, 4-10). Наиболее вероятно, что защитная функция этих изделий как амулетов была первичной, а функция игрушек вторичной.

К категории культовых изделий, указывающих на мировоззрение населения, соорудившего коневские курганы, относятся бронзовые бубенчики и ажурная подвеска-амулет сердцевидной формы (рис. 30, 24, 28, 29; 31, 35; 33, 1).

Шумящие подвески в виде бронзовых бубенчиков (рис. 30, 24, 28, 29; 31, 35) появляются в Кузнецкой котловине еще в период раннего средневековья и бытуют на всем протяжении эпохи средневековья (*Илюшин А.М.*, 2012, с. 81-87). Их появление связано с тюркской культурной традицией и, вероятно, с шаманизмом. Они выполняют три функции: сигнальную, культовую и магическую (охранную, отпугивающую злых духов). В Коневе эти изделия были найдены в могиле 1 кургана №3, интерпретированной как шаманское захоронение. В пользу этой интерпретации указывают и эти изделия, которые могли украшать одежду и являться атрибутом шаманского снаряжения.

Ажурная сердцевидная подвеска-амулет была найдена в могиле 2 кургана №3 (рис. 33, 1). Это изделие одновременно могло использоваться как украшение одежды и символ. Источником появления этих изделий, видимо, стала мода на подобные украшения у восточных кыпчаков. Вероятно, она пришла от киданей, которые заимствовали ее у жителей северного Китая, где они господствовали с 907 по 1125 гг. (империя Ляо), а затем были

вытеснены в Семиречье и Восточный Туркестан, основав там небольшое государство каракитаев (караханидов или Западное Ляо) в 1124-1211 гг. Известно, что в культуре Китая ажурные амулеты наивысшего расцвета достигли в период Сун (960-1279 гг.), а на северных территориях, в государствах Ляо и Цзинь, преимущественно, были распространены ажурные амулеты с солярной благожелательной символикой (*Кугай В.Г., Жуциховская И.С., 2009, с. 99-112*).

Все это еще раз подтверждает наличие языческого мировоззрения и наличие шаманизма у населения, соорудившего коневские курганы на рубеже XII-XIII вв. н.э. При этом необходимо отметить, что мировоззрение этнической группы, соорудившей этот памятник, на рубеже двух историко-культурных эпох находилось в состоянии внутренней эволюции, направленной на трансформацию картины мира и принципов мышления, что было связано с обретением новой малой родины и изменением уклада жизни как отдельного индивидуума, так и общества в целом.

4.2. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКА

Курганная группа Конево на предварительной стадии исследования была соотнесена с кругом древностей восточных кыпчаков (*Илюшин А.М., 2005б, с. 126; 2007а, с. 75-77; 2009е, с. 109-111; 2010б, с. 238-241; 2011, с. 423-430*), а ее материалы были включены в археолого-этнографический комплекс (АЭК) погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня (XI-XIV вв. н.э.), который входит в состав шандинской археологической культуры тюркоязычных кочевников Кузнецкой котловины развитого средневековья (*Илюшин А.М., 2005, с. 120-126, 156-157*). При этом отмечалось наличие специфических черт погребального обряда на этом памятнике, которые были характерны как для кыпчаков, так и других этносов развитого средневековья степной Евразии (*Илюшин А.М., 2005в, с. 114-116; 2006, с. 33-35; 2007, с. 108-118; 2009, с. 83-94*). Это позволяет ставить вопрос о наличии нескольких этнических компонентов, которые участвовали в сооружении этого памятника.

Основанием для выделения этнографических групп с присущими для них культурными чертами служат результаты сравнительного анализа отдельных комплексов из элементов погребального обряда, который принято считать наиболее устойчивым и консервативным признаком (маркером) этнокультурной традиции. За основу нами был принят принцип этнокультурной маркировки по способу захоронения и ориентации, а затем для уточнения форма, размеры и конструкции могилы, а также погребальный инвентарь.

Из 17 погребений взрослых людей 9 погребены со шкурой лошади, 4 с тушей лошади и 4 без сопровождения манекена или туши лошади. Это обстоятельство позволяет интерпретировать захоронения со шкурой лошади

как принадлежащие титульной этнографической группе. Захоронения по этому обряду были выявлены во всех курганах, но их доля и процент от общего количества совершенных захоронений под насыпью каждого объекта колеблется. В кургане №1 – 2 (100%), кургане №2 – 3 (50%), кургане №3 – 1 (33,3%) и кургане №4 – 3 (30%), что является калькой социальной иерархии. Титульной этнической группой выступают носители традиции погребения со шкурой лошади, но при этом фиксируется наличие иноэтнических компонентов в трех из четырех исследованных курганах.

Ведущим признаком для этнокультурной интерпретации самых массовых погребений является факт захоронения (мужчины и женщины) с чучелом коня (шкура с головой и отчлененными по третий сустав ногами) (рис. 4; 6; 11; 16; 23; 27; 43; 46, А, Б; 51). Аналогии этому обряду захоронения имеются в древностях конца I и начала II тыс. н.э. на степных просторах от Иртыша до Дуная. Подобные захоронения известны по материалам культуры кочевников государства кимаков конца VIII-IX – XI вв. н.э. в северо-западном предгорье Алтая. В.А. Могильников при систематизации этих источников выделял группу земляных и каменно-земляных курганов, под насыпями которых в грунтовых ямах были зафиксированы погребения по обряду ингумации в сопровождении чучела (голова, конечности и шкура, набитая соломой) коня, которые автор связывал с этническим массивом огузов (Могильников В.А., 2002, с. 123). В южноуральских степях этот обряд захоронения однозначно отождествляют с кыпчаками (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 55-68). В южнорусских степях погребения по обряду ингумации в сопровождении чучела коня связывают с традициями погребального обряда печенегов, гузов (огузов) и кыпчаков (половцев) и при этом различают их этнокультурную принадлежность по отдельным деталям. Печенеги хоронили под небольшими земляными насыпями или сооружали «впускные» грунтовые могилы, в которых погребали по обряду ингумации в вытянутом положении на спине головой на З, а слева от покойника укладывали чучело коня с отчлененными по первый или второй сустав ногами. Гузы устраивали перекрытие над могилой для помещения на него чучела коня с отчлененными, как правило, по второй сустав ногами или же укладывали чучело на приступке слева от покойника. Первоначально кыпчаки делали каменные курганы или обкладывали их камнем, умерших клали головой на восток, рядом с ними (чаще слева) также головами на восток помещали чучела коней, но с ногами, отчлененными по колена (по третий сустав). Затем кыпчаки стали сооружать земляные насыпи, чучела коней погребать на приступках, поменяли ориентировку – сначала коней – головами на запад, затем и самих покойников (Атавин А.Г., 1984, с. 134-143; Плетнева С.А., 1990, с. 38-39). Последние аналогии наиболее близки исследуемой группе погребений, что и позволяет отождествлять их непосредственно с кыпчаками. На территории Кузнецкой котловины кыпчакские погребения со шкурой лошади появляются в XII-XIII вв. н.э.

(Илюшин А.М., 2010, с. 97-106). О том, что погребения людей со шкурами лошадей на территории Верхнего Приобья в развитом средневековье можно отождествлять с культурой кыпчаков, в широком и узком смысле, писали многие исследователи (Адамов А.А., 2000, с. 84; Илюшин А.М., 1993, с. 39; 1999а, с. 68; Могильников В.А., 1981, с. 192; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 96-101; Плетнева Л.М., 1997, с. 123-126; Романцова В.Д., 1983, с. 89-92; Савинов Д.Г., 1979, с. 53-72; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 36-37, 158-159; Тишкин А.С., 2007, с. 222-226; Худяков Ю.С., 2004, с. 148; и др.). Эти обстоятельства позволяют утверждать, что среди погребенных на курганной группе Конеево этнических групп доминирующей были кыпчаки. Но даже эта этническая группа была сильно неоднородна по своему составу, что отражается в многообразии элементов и черт погребального обряда внутри нее. Это позволяет предполагать наличие долгих и сильных процессов взаимной аккультурации кыпчаков с другими этническими группами, проживающими по соседству, и ассимиляции кыпчаками представителей других этнических групп, которые оказывались с ними в родственных отношениях. В этой связи, необходимо отметить уникальность открытия и исследования такого погребального сооружения, как могила-катакомба 1 в кургане №2 (рис. 11). В средневековых древностях Кузнецкой котловины такой факт зафиксирован впервые. Явно, что захоронение в могиле 1 кургана №2 принадлежало не представителю коренного этноса, а мигранту с достаточно удаленных территорий. В этот хронологический период захоронения в катакомбах были характерной этнографической чертой культуры ассов-аланов, которые вместе с половцами проживали на Северном Кавказе, Подонье, Северском Донце, в донецких степях и пограничных зонах с Киевской Русью (Афанасьев Г.Е., 1992, с. 83-97; Ковалевская В.Б., 1981, с. 227; Кузнецов В.А., 1971; Малахов С.Н., 1992, с. 128-129; Плетнева С.А., 1989, с. 268-283; 1990, с. 38; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 163-165; и др.). С учетом того, что ассов-аланы с половцами находились в состоянии взаимной аккультурации, переселение отдельных представителей или небольших этнографических групп ассов-аланов в составе половецких кошей или орд в XII-XIII вв. н.э. на территорию Кузнецкой котловины вполне вероятно. Ведь количество катакомбных могил на вышеназванных территориях в период развитого средневековья значительно сокращается по сравнению с концом I тыс. н.э. Эти земли вместе с проживавшими на них ассами-аланами вошли в состав различных половецких орд, что и позволило этим этносам вместе господствовать на степных просторах Северного Кавказа в предмонгольский период истории. При этом некоторые этнографические группы ассов-аланов покинули свои прежние места проживания и устремились на север (Плетнева С.А., 1989, с. 283), а другие волею судьбы и обстоятельств вполне могли оказаться далеко на востоке. Погребение в могиле 1 кургана №2 могло принадлежать алану, об этом свидетельствует особый присущий

только аланам способ захоронения в катакомбе, но при этом он являлся членом этнической группы кыпчаков, о чем свидетельствует захоронение шкуры лошади в грунтовой яме у входа в катакомбу (рис. 11). О том, что кыпчаки, соорудившие коневские курганы, прошли путь взаимной этнической аккультурации в Дашт-и-Кыпчак с другими этническими группами на протяжении двух предшествующих столетий, свидетельствуют такие элементы погребального обряда, как подбои и ступеньки в грунтовых могильных ямах, погребение шкуры лошади над захоронением человека, меридиональная ориентировка могил и другие, приписываемые хазарам, болгарам, аланам, огузам и печенегам, влившимся в половецкую этническую общность в XI-XII вв. н.э. (Плетнева С.А., 1990, с. 38-40).

Таким образом, для пришлой на рубеже XII-XIII вв. н.э. в Кузнецкую котловину одной из этнических групп кыпчаков были характерны следующие элементы (признаки) погребального обряда: большая земляная насыпь округлой формы, расположенная внутри сакрального пространства, оконтуренного подчетыреугольным рвом с входом-перемычкой в СВ стороне; грунтовые могильные ямы с приступками и подбоями; в подбоях погребены люди в вытянутом положении на спине, ориентированные головой на ВСВ; в ногах погребенных размещены курдючные позвонки барана; взнузданные шкуры лошадей (череп и кости ног, отчлененные по третий сустав) располагались на приступках слева от женщин и справа от мужчин и были ориентированы головой на ЗЮЗ; в могилах присутствуют остатки седел и предметов конской экипировки для верховой езды. Особо необходимо отметить, что традиционные для кыпчаков поминальные храмы для почитания культа предков (Плетнева С.А., 1990, с. 139-140; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 192-193; Швецов М.Л., 1979, с. 199-209; и др.) на новой территории слились с погребальными комплексами. Они образовали так называемые погребально-поминальные комплексы с сакральным пространством, которое было оконтурено рвом подчетыреугольной формы.

Четыре захоронения с тушей лошади были совершены в курганах №2 и №3 по 1 случаю, а в кургане №4 2 случая (рис. 20; 34; 39; 41). Все эти захоронения принадлежали мужчинам-всадникам. Сам факт присутствия в кыпчакской этнической среде этой традиции вполне правомерен по причине взаимной аккультурации кыпчаков с другими этническими группами, кочевавшими в степях Дашт-и-Кыпчак. В XII-XIII вв. н.э. к числу культурных черт погребального обряда восточноевропейских кыпчаков (половцев) С.А. Плетнева относит «захоронение покойника с тушей боевого коня или с его чучелом: головой, ногами, хвостом и шкурой, набитой соломой» (Плетнева С.А., 1990, с. 139). Традицию захоронения всадника с тушей лошади в различных вариациях на территории Центральной Азии в эпоху средневековья, как правило, связывают с тюркоязычными племенами (Нестеров С.П., 1990, с. 51-85). В развитом средневековье эта традиция зафиксирована по письменным и вещественным археологическим источ-

никам у многих тюркоязычных кочевых этносов. Однако на территории Верхнего Приобья эта традиция связана с кыпчакским этнокультурным компонентом, куда могли входить различные тюркоязычные племена (Адамов А.А., 2000, с. 84; Илюшин А.М., 1993, с. 41; Плетнева Л.М., 1997, с. 123; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 36-37, 158; Тишкин А.А., 2007, с. 224-226; и др.).

Четыре захоронения (3 женщины и 1 мужчина) без сопровождения манекена или туши лошади были зафиксированы в курганах №2 и №4 (рис. 18; 25; 53; 56). Отсутствие костей лошади в каждой из этих могил, а также погребение во рву, наиболее вероятно, свидетельствуют о низком социальном положении погребенных. В то же время эти факты могут свидетельствовать о принадлежности этих погребенных к другим этническим группам, волею судьбы оказавшимся в большой кыпчакской семье.

Этнокультурная интерпретация курганной группы Конево как кыпчакского погребального памятника рубежа XII-XIII вв. н.э. позволяет включить его в басандайскую этнокультурную общность развитого средневековья (Илюшин А.М., 1998, с. 91-94). Археологические памятники басандайской этнокультурной общности в развитом средневековье (XI-XIV вв. н.э.) были распространены на всех территориях Верхнего Приобья, где они образуют свои локальные культурные конфигурации, которые исследователи интерпретируют на уровне археологических культур, их локальных вариантов или этапов развития, а также археолого-этнографических комплексов (АЭК). В Кузнецкой котловине это шандинская и саратовская археологические культуры и три АЭК – погребенные по обряду кремации на стороне, погребенные по обряду ингумации с тушей или шкурой коня и погребенные по обряду трупобожжения на месте захоронения с тушей или шкурой коня (Илюшин А.М., 2005, с. 75-126). На степном и лесостепном Алтае это сrostкинская археологическая культура на третьем (шадринцевский) и четвертом (змеевский) этапах развития и кармацкая археологическая культура монгольского времени (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176-178; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 143; Тишкин А.А., 2007, с. 224-226; 2009, с. 50-155). В Новосибирском Приобье это венгеровская археологическая культура по Д.Г. Савинову, сrostкинская археологическая культура по А.А. Адамову, который выделял три ее локальных варианта – Новосибирский, Томский и Кузнецкий, или басандайская археологическая культура, по мнению других авторов (Адамов А.А., 2000, с. 76-84; Савинов Д.Г., 1994, с. 180; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 338-339). На территории Томского Приобья это басандайская культура, которая предположительно может быть расширена за счет Среднего Приобья и Новосибирского Приобья (Могильников В.А., 1980, с. 245-246; Плетнева Л.М., 1997, с. 123). В целом, давая разные наименования археологическим культурам, коллеги единодушны в том, что территория Верхнего Приобья в развитом средневековье представляла

собой территорию, где проживали многочисленные этнические группы с близкой по своему содержанию культурой. Несмотря на то, что большинство исследователей басандайскую этнокультурную общность называют кыпчакской, это вовсе не означает моноэтничность ее культуры. Она полиэтнична и многокомпонентна в своей основе. Практически все исследователи пишут о наличии двух составляющих этнических массивах – местного и пришлого. К местным на Алтае относят смешанные самодийско-тюркские этнические группы сrostкинской археологической культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176-178), в Кузнецкой котловине самодийскоязычное население саратовской археологической культуры верхнеобской этнокультурной общности или АЭК погребенных по обряду кремации на стороне (Илюшин А.М., 2005, с. 109-143), а в Новосибирском и Томском Приобье смешанное угросамодийское население верхнеобской культуры (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 76-82). Сейчас практически все исследователи связывают басандайскую этнокультурную общность с культурой кыпчаков, называют кыпчакской или Восточного Дашт-и-Кыпчак, а ее появление связывают с миграцией в Верхнее Приобье орд тюркоязычных кочевников (Адамов А.А., 2000, с. 84; Илюшин А.М., 1993, с. 41; 2005, с. 124-131; Савинов Д.Г., 1997, с. 77-99; Савинов Д.Г., Бобров В.В., 2011, с. 66; и др.). Последнее, как правило, объясняют усилением кыпчакских племен в Кимакском каганате, а после его распада с их широкой миграцией на соседние земли (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176-178; Савинов Д.Г., 1994, с. 180-182). Однако сами кыпчаки (носители традиции погребения всадника со шкурой лошади с головой и костями ног, отчлененными по колена – А.И.) появились и обосновались в Верхнем Приобье с XII в. н.э. (Басандайка... 1947; Илюшин А.М., 2010, с. 97-106; Плетнева Л.М., 1997; и др.). Вероятно, их компонент в тюркском этническом массиве Восточного Дашт-и-Кыпчак был незначительным.

Данные исследований свидетельствуют о пестрой этнокультурной ситуации в Верхнем Приобье накануне вторжения кыпчакских орд. Не было этнического единства и среди тюркоязычных мигрантов. Этот компонент, вероятно, состоял из нескольких десятков этнических групп, связанных между собой единой тюркской (кыпчакской) культурой в силу многочисленных и разнообразных факторов и обстоятельств, которые можно объединить в понятие историческая судьба.

Пришлые тюркоязычные этнические группы принесли новую культуру, которая была широко распространена на степных и лесостепных просторах Евразии в развитом средневековье, которую отождествляют с полиэтнонимом Дашт-и-Кыпчак. Эта культура становится господствующей в басандайской этнокультурной общности, а местные и пришлые этнические группы вступают в сложные процессы межэтнической коммуникации, приводя в движение такие механизмы, как социокультурная ассимиляция, интеграция, аккультурация, консолидация, адаптация и сепарация (Илю-

шин А.М., 2009ж, с. 30-35; 2010в, с. 342-344; 2010г, с. 119-121). Последнее позволило сформировать общекультурный феномен, который фиксируется как басандайская этнокультурная общность на всем пространстве Верхнего Приобья. В то же время в силу географических особенностей в басандайской этнокультурной общности сохраняются локальные историко-культурные особенности отдельных регионов, как впрочем и на всей северной периферии Саяно-Алтая. Последнее было описано средневековыми авторами (*Сказание...* 1941; *Рашид-ад-Дин*, 1952) и подтверждается на археологических материалах развитого средневековья (*Адамов А.А.*, 2000; *Беликова О.Б.*, 1996; *Илюшин А.М.*, 2005; *Кызласов И.Л.*, 1983; *Молодин В.И.*, *Савинов Д.Г.*, *Елагин В.С. и др.*, 1988; *Плетнева Л.М.*, 1997; *Савинов Д.Г.*, *Новиков А.В.*, *Росляков С.Г.*, 2008; *Тишкин А.А.*, *Горбунов В.В.*, *Казаков А.А.*, 2002; *Тишкин А.А.*, 2007, с. 213-234; 2009; *Харинский А.В.*, 2001а, с. 26-42; и др.).

Современные данные позволяют предполагать, что процесс миграций имел несколько форм, и по-новому осмыслить их причины. Во-первых, это массовые миграционные потоки, как последствия масштабных политических событий в истории Центральной Азии. Во-вторых, это традиционные для кочевников сезонные перемещения с освоением новых территорий не только в пределах Верхнего Приобья, но и за пределы этого региона. Различная датировка памятников развитого средневековья, отождествляемых с культурой пришлых тюркоязычных кочевников на территории Верхнего Приобья, позволяет предполагать, что в этом регионе было, как минимум, три волны миграционных потоков. Первая фиксируется на рубеже I и II тыс. н.э. и в XI в. н.э., вторая в XII в. н.э. и третья в конце XII – начале XIII вв. н.э. или на рубеже XII-XIII вв. н.э.

Первое появление кыпчакских орд в Верхнем Приобье могло быть вызвано началом распада Кимакского каганата. Вторая волна миграционных потоков была обусловлена другими политическими событиями, которые, вероятно, имели место в пределах Семиречья и Приаралья, где располагались основные пастбища кыпчаков. Это могли быть неудачные войны с Хорезмом или государством караханидов, внутренние неурядицы, миграция на эти земли кочевников из северо-западной Монголии под натиском набирающих силу монголов и многие другие. Третья волна наиболее вероятно связана с усилением племени монголов и образованием их государства, вытеснением враждебных племен с территории Забайкалья, Монголии и их переселением на северную периферию Саяно-Алтая, включенную в 1207 году в состав монгольского государства (*Сокровенное...* 1941, § 239).

Кроме политических причин, лежащих в основе массовых миграций, имели место и экономические причины. Последние стимулировали локальные миграции этнических групп в пределах Верхнего Приобья и были связаны с поиском новых маршрутов для поддержания кочевого хозяйства

и мест для ведения смешанного и специализированного хозяйства. Об этом свидетельствуют письменные источники, повествующие о том, что после завоевания территории северного Саяно-Алтая монголами местным кочевым племенам разрешалось перекочевывать лишь с разрешения монгольских властей (*Потанов Л.П.*, 1953, с. 104-105).

Басандайская этнокультурная общность в Верхнем Приобье оказалась в социокультурном пространстве, которое отождествляется с таким этнополитическим объединением, как Дашт-и-Кыпчак, возникшем в начале развитого средневековья на степных просторах Евразии. Накануне захвата монголами этого этнополитического объединения в нем функционировало несколько крупных орд. Дашт-и-Кыпчак вошло в состав монгольской державы, созданной Чингиз-ханом, а затем и в состав Золотой Орды, возникшей в середине XIII в. н.э. на землях улуса Джучи, после чего поделилась на два крыла – западное и восточное. Восточный Дашт-и-Кыпчак объединял кочевые и полuosедлые этнические группы степей и лесостепей от Урала до Байкала и возник на месте ранее существовавших крупных кыпчакских орд (*Илюшин А.М.*, 2010б, с. 238-241; 2011в, с. 194-200). Наличие сходных культурных черт и артефактов материальной и духовной культуры кыпчаков на большом количестве археологических памятников на территории Верхнего Приобья в XI-XIV вв. н.э. позволяет сегодня ставить вопрос о наличии верхнеобской орды сначала в составе Дашт-и-Кыпчак, а затем и Восточного Дашт-и-Кыпчак (*Илюшин А.М.*, 2011г, с. 130-132).

Датировка курганной группы Конево рубежом XII-XIII вв. н.э. позволяет связывать его появление с третьей миграционной волной тюркоязычных кочевников Дашт-и-Кыпчак в пределах Верхнего Приобья. В этой связи сразу же возникает ряд вопросов: «Какие исторические события или обстоятельства могли спровоцировать этот процесс, и к какому историческому периоду относится изучаемый памятник?».

При изучении средневековых древностей Центральной Азии сложилась традиция называть и связывать отдельные исторические периоды с этносом, господствовавшим на степных и горно-степных просторах этого огромного региона. Период развитого средневековья (XI-XIV вв. н.э.) был поделен на два историко-культурных этапа – предмонгольский (XI-XII вв. н.э.) и монгольский (XIII-XIV вв. н.э.). Название второго этапа соответствует сложившейся традиции, а вот название первого этапа не совсем адекватно отражает его содержание, что уже было отмечено Ю.С. Худяковым (*Худяков Ю.С.*, 1982, с. 73). В свете последних открытий и исследований для северной периферии Саяно-Алтая, по нашему мнению, правомерно было бы выделять два историко-культурных этапа – кыпчакский (XI-XII вв. н.э.) и кыпчакско-монгольский (XIII-XIV вв. н.э.). Первый характеризуется широким распространением материальной и духовной культуры Дашт-и-Кыпчак, а второй – смешанной тюрко-монгольской культурой с

преобладанием артефактов Дашт-и-Кыпчак и политической зависимостью от империи монголов (Улус Джучи и затем Золотая Орда).

Такой подход объясняет наличие на исследуемом памятнике преобладающего количества артефактов культуры Дашт-и-Кыпчак и наличие небольшого количества артефактов раннемонгольской культуры. Последние, преимущественно, представлены предметами вооружения.

Историческая интерпретация курганной группы Конево затруднена в силу того, что на рубеже XII-XIII вв. н.э. история Центральной Азии и Дашт-и-Кыпчак изобилует многочисленными событиями, которые могли спровоцировать третью миграционную волну кыпчаков в Верхнее Приобье и в Кузнецкую котловину в частности. При археологической датировке под рубежом веков принято понимать несколько десятилетий до и после, когда событие или явление могло иметь место. Такая широкая историческая датировка не позволяет дать однозначный ответ о причинах появления курганной группы Конево в Кузнецкой котловине. Последние наши исследования по культурной динамике в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья свидетельствуют о том, что на рубеже XII-XIII вв. н.э. динамика культуры в этом регионе достигает своих максимальных показателей. В XI-XII вв. н.э. были выявлены высокие скачкообразные темпы подъема и достижения пика на рубеже XII-XIII вв. н.э., а в XIV в. н.э. фиксируются высокие темпы спада. Амплитуда изменений на графиках по своему характеру напоминает синергетический взрыв, ведущий к изменению социокультурной среды (*Илюшин А.М.*, 2011а, с. 96-101; 2011б, с. 6-11). Эти обстоятельства позволяют лишь высказать гипотезы о причинах появления и недолгого существования курганной группы Конево в нижнем течении р. Ур.

Первая гипотеза строится на противоборстве тюркоязычных племен Дашт-и-Кыпчак с монголоязычными племенами найманов и меркитов, вытесняемых монголами за пределы Монгольского Алтая. Вытесняемые племена во второй половине – конце XII века были вынуждены откочевывать в горно-степные долины Горного Алтая и Семиречья. Это обстоятельство могло заставить тюркоязычные племена кыпчаков усилить свое присутствие на северной периферии Саяно-Алтая для защиты своих территорий, что привело к третьей волне кыпчакской миграции в Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину. Для защиты своих рубежей могли привлекаться этнические группы и военные контингенты, проживавшие на степных и лесостепных просторах Восточной Европы, Южного Урала, Казахстана, Прибайкалья и ближнего Забайкалья. В рамках этой же гипотезы у истоков третьей наиболее массовой миграционной волны в Верхнее Приобье мог стоять факт вытеснения на рубеже XII-XIII вв. н.э. из Семиречья и Восточного Туркестана тюркоязычных кочевников, входивших в состав государства Западного Ляо, вынужденных искать новые кочевья в восточной части Дашт-и-Кыпчак. Однако, после завоевания монголами северной перифе-

рии Саяно-Алтая в 1207 году, переселенцы были включены в состав империи монголов и, вероятно, приняли участие в их многочисленных военных походах, что и обусловило угасание их большой семьи.

Вторая версия сопряжена с фактом вхождения территории северной периферии Саяно-Алтая в состав монгольской державы в начале XIII в. н.э. Для поддержания порядка монголы практиковали переселение этнических групп на новые земли. Не исключено, что курганная группа Конево является свидетельством такой практики. В этом интерпретационном поле датировка памятника позволяет даже предполагать, что переселение могло состояться после сражения на р. Калке в 1223 году, когда половцы потерпели сокрушительное поражение и их многочисленные коши оказались в плену. Недолгое проживание на Кузнецкой земле было вызвано, вероятно, их участием в новых завоевательных походах монголов.

Из этих гипотез наиболее вероятной нам представляется первая. Ведь у кыпчаков с начала XII в. н.э. уже имела место ранняя форма государственности в форме союза племен (*Ахинжанов С.М.*, 1999, с. 205-210). По мнению разных авторов, у кыпчаков в это время было шесть орд – четыре в европейской части и две за Уралом. Последние на всем протяжении XII в. н.э. и в начале XIII в. н.э. играли важную роль в политике Средней Азии, контролировали Восточный Туркестан и Семиречье до появления здесь монголов в 1216 году.

Однако вопрос остается открытым, и, возможно, публикация новых материалов в этой книге позволит в дальнейшем активизировать научный интерес и исследования для поиска ответа на него.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая монографическое исследование, можно констатировать, что главная цель достигнута. В широкий научный оборот введены новые материалы археологических раскопок курганной группы Конеево, которая представляет собой объект историко-культурного наследия кочевников позднего средневековья на территории Кузнецкой котловины. Новые материалы археологических раскопок на курганной группе Конеево описаны в первой главе и представлены в трех приложениях. В первом приложении представлены чертежи, рисунки и фотографии раскопанных объектов и артефактов, найденных в них. Во втором приложении, выполненном М.П. Рыкун, представлены предварительные результаты определения костных антропологических останков. В третьем приложении, выполненном С.А. Пилипенко, представлены результаты исследования берестяных погребальных конструкций из курганной группы Конеево.

Новые материалы были не только опубликованы, но и подвергнуты аналитическому исследованию. На первичной стадии анализа была проведена классификация элементов погребального обряда и инвентаря. В результате этой работы были выявлены 189 типов разновидностей разнообразных артефактов и элементов погребального обряда. Сравнительный анализ этих данных позволил исследовать вопрос о хронологии могил, погребально-поминальных комплексов и памятника в целом. Датировка курганной группы Конеево рубежом XII-XIII вв. н.э. позволила обозначить новую проблему, которая связана с культурно-исторической интерпретацией опубликованных материалов.

Специальному изучению подвергся вопрос социальной структуры общества, соорудившего конеевские курганы. Использовались статистико-комбинаторные методы для характеристики и сравнительного анализа типов предметов погребального инвентаря и типов-признаков погребального обряда. В результате чего был сделан вывод о большой индивидуальности исследуемых материалов на уровне погребений и курганов. Это свидетельствует о том, что этническая группа, оставившая нам в наследие этот памятник, представляла собой интегрированный комплекс различных культур той эпохи, который находился на стадии формирования традиционных черт. Вероятно, население, оставившее для потомков этот памятник, представляло собой единство разных социальных и этнографических групп, которые находились на ранней стадии объединения и являлись носителями своих этнокультурных традиций. По логике интегрированный союз этнографических групп должен представлять собой такую социальную единицу, как племя. Однако незначительное количество населения, зафиксиро-

ванное в Конево, позволяет высказать гипотезу, что этот погребальный памятник принадлежал большой семье в 2-3 поколениях (аулу по историческим сведениям или сеоку по этнографическим материалам), которая могла стоять во главе рода. Под насыпями курганов и во рву наряду с погребениями кыпчаков – представителей господствующей этнографической группы были погребены представители других этнографических групп, связанные с первыми брачными и социально-экономическими отношениями. Об этом же свидетельствуют предварительные данные антропологического исследования, которые указывают на наличие в составе погребенных представителей европеоидной и монголоидной расы, что требует специального изучения.

На основе изучения погребально-поминального обряда и предметов культового назначения исследовался вопрос о мировоззрении, что позволило сделать вывод о наличии язычества и шаманизма у населения, соорудившего коневские курганы. При этом отмечено, что мировоззрение этнической группы, соорудившей этот памятник на рубеже двух историко-культурных эпох, находилось в состоянии внутренней эволюции, направленной на трансформацию картины мира и принципов мышления.

Было проведено этнокультурное исследование новых материалов, которые были интерпретированы как свидетельства проживания одной из этнических групп кыпчаков, пришедших на рубеже XII-XIII вв. н.э. в Кузнецкую котловину. Это позволило выделить специфические этнокультурные черты погребально-поминального обряда населения, оставившего нам в наследие этот уникальный памятник истории и культуры. В их числе: большая земляная насыпь округлой формы, расположенная внутри сакрального пространства, оконтуренного подчетыреугольным рвом с входом-перемычкой в СВ стороне; грунтовые могильные ямы с приступками и подбоями; в подбоях погребены люди в вытянутом положении на спине, ориентированные головой на ВСВ; в ногах погребенных размещены курдючные позвонки барана; взнузданные шкуры лошадей (черепа и кости ног, отчлененные по третий сустав) располагались на приступках слева от женщин и справа от мужчин и были ориентированы головой на ЗЮЗ; в могилах присутствуют остатки седел и предметов конской экипировки для верховой езды.

В целом, оценивая особое значение новых материалов, необходимо отметить их пограничное расположение между политическим господством тюркской и монгольской кочевых культур на хронологической шкале, что позволяет наглядно представить процесс взаимоотношения этих культур на северной периферии Саяно-Алтая в это время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.

Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). – Л.: Наука, 1986. – 192 с.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья // Советская археология. 1973. №4. – С. 81-98.

Арсланова Ф.Х. Языческая символика в обрядовой женской одежде кимаков и кыпчаков // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Докл. республ. науч. конф. Ч. 2. – Омск: ОГУ, 1992. – С. 83-86.

Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1984. – 186 с.

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронения чучела коня в кочевнических погребениях X-XIV вв. // Советская археология. 1984. №1. – С. 134-143.

Афанасьев Г.Е. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ. – Владикавказ-Цхинвал, 1992. – С. 83-97.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 296 с.

Бартольд В.В. Мусульманские известия о Чингизидах-христианах // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 263-264.

Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964а. – С. 265-298.

Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ и ТГПИ. Т. 98. – Томск: Изд-во ТГУ, 1947. – 217 с.

Батьянова Е.П. Община у телутов в XIX – начале XX вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII: Телеуты. – М.: ИЭА, 1992. – С. 141-268.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 272 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 240 с.

Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 63-71.

Бобров В.В., Бородкин Ю.М. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 210-211.

Борисов В.А. Захоронение средневекового воина по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – С. 39-42.

- Бородкин Ю.М.** Отчет о результатах археологических разведок Кузнецкого отряда Южносибирской археологической экспедиции в 1977 году. – Кемерово, 1978. – 17 с.
- Букин Н.** Древнерусские нательные кресты с выемчатой эмалью // Домонгол. Альманах древней культуры и искусства. 2010. №1. – С. 12-25.
- Вайништейн С.И.** Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Вернадский Г.В.** Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Книга V. – Париж, 1927. – С. 153-163.
- Владимирицев Б.Я.** Чингиз-хан. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1992. – 132 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- Геннинг В.Ф., Борзунов В.Ф.** Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13. – Свердловск, 1975. – С. 42-72.
- Геннинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.** Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наукова думка, 1990. – 304 с.
- Горбунов В.В.** Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – 174 с.
- Горбунов В.В.** Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – 232 с.
- Грязнов М.П.** Древняя история племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. №48. 1956. – 198 с.
- Горбунова Т.Г.** Оголовья верховых лошадей тюркской культуры Горного Алтая // Древности Алтая. №9. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – С. 91-102.
- Григорьев Е.В.** Распределители ремней Южной Сибири VII-X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 152-158.
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 162 с.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И.** Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. – Армавир-Москва, 2011. – 266 с.
- Елькин М.Г.** Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур // ИЛАИ. Вып. 2. – Кемерово: КГПИ, 1970. – С. 81-92.
- Елькин М.Г.** Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // ИЛАИ. Вып. 5. – Кемерово: КемГУ, 1974. – С. 119-129.
- Ермоленко Л.Н., Советова О.С.** О «фертообразных» воинских изображениях релкинской культуры // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Сб., посвящ. юбилею Л.А. Чиндиной. – Томск: Аграф-Пресс, 2009. – С. 82-88.
- Ефремов С.А.** Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 159-169.
- Железняков К.А.** Изучение вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. №2. – С. 264-273.
- Иванов В.А.** Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII-XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 139-176.
- Иванов В.А., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 90 с.
- Илимбетов Ф.Ф.** Культ волка у башкир (к этимологии этнонима «башкорт») //

Археология и этнография Башкирии. Т. IV. – Уфа, 1971. – С. 224-226.

Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 46-61.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 119 с.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: ОмГУ, 1998. – С. 91-94.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 160 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999а. – 208 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2002 году на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2003. – 74 с.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2003 году. – Кемерово, 2004. – 259 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2004 году. – Кемерово, 2005а. – 150 с.

Илюшин А.М. О времени появления этнической группы кыпчаков и их генезисе на территории Кузнецкой котловины // VI конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы докладов. – СПб., 2005б. – С. 126.

Илюшин А.М. Кочевое сообщество на северной периферии Саяно-Алтая в развитом средневековье // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): Материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005в. – С. 114-116.

Илюшин А.М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI-XIV веков на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск-Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – С. 33-35.

Илюшин А.М. Уникальные находки посуды в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006а. №4. – С. 159-162.

Илюшин А.М. Уникальное погребение асского воина в восточной части Дашт-и-Кыпчак // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. – Армавир, 2007. – С. 108-118.

Илюшин А.М. Материальная и духовная культура средневековых кыпчаков Кузнецкой котловины // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007а. – С. 75-77.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология Степной Евразии. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. – С. 160-184.

Илюшин А.М. Фрагменты зеркал как амулеты в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008а. – С. 42-44.

Илюшин А.М. Некерамическая посуда в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Археологический журнал №2. – Армавир, 2008б. – С. 68-73.

Илюшин А.М. Новые открытия в этнокультурной истории развитого средневековья Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. История. 2009. №4/2. – С. 83-94.

Илюшин А.М. Новые материалы по средневековой истории аборигенов Кузнецкой котловины // Проблемы археологии и истории Северной Азии: Сб., посвящ. юбилею Л.А. Чиндиной. – Томск: Аграф-Пресс, 2009а. – С. 118-124.

Илюшин А.М. Археологическая классификация элементов погребального обряда средневекового населения Кузнецкой котловины // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 1. – СПб.: МАЭ РАН, 2009б. – С. 176-182.

Илюшин А.М. Суммарная характеристика результатов археологической классификации элементов погребального обряда у средневекового населения Кузнецкой котловины // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 1. – СПб.: МАЭ РАН, 2009в. – С. 182-187.

Илюшин А.М. Погребальный обряд как символический язык культуры средневекового населения Кузнецкой котловины // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009г. – С. 149-153.

Илюшин А.М. К вопросу о кенотафах в культуре средневекового населения Саяно-Алтая // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография): Сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры археологии, этнологии и источниковедения ГАГУ. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009д. – С. 32-36.

Илюшин А.М. К вопросу о восточной границе Золотой Орды // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай»: истоки евразийской цивилизации, I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009е. – С. 109-111.

Илюшин А.М. Этнокультурные процессы на территории Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. 2009ж. № 1. – С. 30-35.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1. – С. 97-106.

Илюшин А.М. Семантика погребального обряда средневекового населения Кузнецкой котловины // Культура как предмет междисциплинарных исследований: Материалы II Междунар. конф. – Томск: Изд-во НТЛ, 2010а. – С. 92-98.

Илюшин А.М. Байкальская Сибирь как восточная окраина Золотой Орды // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010б. – С. 238-241.

Илюшин А.М. Этнокультурное взаимодействие на территории Кузнецкой котловины в развитом средневековье (на примере моделирования и изучения археолого-этнографических комплексов) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Между-

нар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010в. – С. 342-344.

Илюшин А.М. Процессы этнической интеграции и аккультурации в Кузнецкой котловине в развитом средневековье (по материалам раскопок 2004-2009 годов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010г. – С. 119-121.

Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010д. №4/1. – С. 120-133.

Илюшин А.М. Семейный погребально-поминальный комплекс кыпчаков на северной периферии Саяно-Алтая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 423-430.

Илюшин А.М. Динамика средневековой культуры в Кузнецкой котловине (по результатам комплексного исследования погребальных памятников) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011а. №4. – С. 96-101.

Илюшин А.М. Опыт исследования культурной динамики поселений в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья // Вестник Челябинского государственного университета. 2011б. №34. История. Вып. 48. – С. 6-11.

Илюшин А.М. Восточные кыпчаки и Золотая Орда (к вопросу о границах улуса Джучи) // Казахстан и Евразия сквозь века. – Алматы, 2011в. – С. 194-200.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кыпчак // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011г. – С. 130-132.

Илюшин А.М. Предметы культового назначения в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Томского государственного университета. №354 (январь 2012 г.). – С. 81-87.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 407-409.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 441-443.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. – С. 98-100.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. – С. 175-184.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2007 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №6. – С. 163-168.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 15-53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 366-367.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической

экспедиции. Т. 1. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Сапогово-2 // Кузнецкая старина. Вып. 2. – Новокузнецк: Кузнецкая старина, 1994. – С. 91-96.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 79-106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Конское снаряжение в раннем и развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 162-167.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья на курганной группе Конево // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №4. – С. 79-83.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Средневековые предметы конской упряжи на территории Кузнецкой котловины // Археологический журнал №1. – Армавир, 2007а. – С. 70-73.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2008. №4/2. – С. 60-66.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 126 с.

Каталог памятников истории и культуры Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – 186 с.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. САИ. Вып. Е1-2. М.: Наука, 1979. – 112 с.

Ковалевская В.Б. Северный Кавказ в X-XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 224-228.

Конигов Б.А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н.э. (по материалам памятников Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163-171.

Конигов Б.А. Таежное Прииртышье в X-XIII вв. н.э. – Омск: Изд-во ОГПИ, 1993. – 224 с.

Конигов Б.А. Иванов Мыс 1 – археологический памятник предмонгольского времени в таежном Прииртышье // Памятники истории и культуры Омской области. – Омск: РИО, 1995. – С. 5-13.

Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. н.э. – СПб.: Алетейя, 2003. – 380 с.

Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971. – 264 с.

Кугай В.Г., Жущиховская И.С. О китайских ажурных амулетах с благопожелательной символикой (из материалов частной коллекции) // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии: символика и культурные традиции. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – С. 99-112.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. – 158 с.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Плановые археологические исследования в Первомайском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 260-265.

Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Степи

Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 200-207.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.: САИ. Вып. ЕЗ-18. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1992. – 224 с.

Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26. Филология и история. – Л.: Наука, 1978. – С. 76-85.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. – М.: Наука, 1979. – 240 с.

Малахов С.Н. Ясская «генеалогия» сына Андрея Боголюбского и проблема русско-аланских связей в XII в. // Аланы и Кавказ. – Владикавказ-Цхинвал, 1992. – С. 128-135.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным: учеб. пособие. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – 208 с.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. 1966. №2. – С. 36-51.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. – М.: Наука, 1966а. – 128 с.

Митько О.А. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – С. 101-109.

Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тысячелетии н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242-248.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X-XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 190-194.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981а. – С. 194-200.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., и др. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 184 с.

Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 102 с.

Нарожный Е.И. Новые находки металлических крестиков из высокогорной Ингушетии // Археологический журнал №III-IV. – Армавир, 2010. – С. 85-87.

Неверов С.В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 141-145.

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1992. – С. 141-154.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типоло-

гия) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 129-151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Матер. XII ЗСАЭК*. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 176-178.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 168-172.

Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // *Методологические проблемы археологии Сибири*. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 173-183.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 142 с.

Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи*. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1984. – С. 121-137.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII-XIV вв.: усть-талькинская культура. – Владивосток-Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. – Свердловск, 1990. – 220 с.

Памятники истории и культуры Кемеровской области. – Кемерово: КемГУ, 1986. – 144 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – 134 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – 350 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М.: Наука, 1981. – С. 213-222.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 192 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989. – 287 с.

Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). – М.: ИА АН СССР, 1990а. – 105 с.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века): учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 248 с.

Плотников Ю.А. Рубящее оружие Прииртышских кимаков // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 162-167.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*. Вып. 30. – М., 1958. – С. 135-142.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. – М.; Л., 1952. – 276 с.

Романцова В.Д. Курганный могильник Седова Заимка-2 // *Археологические па-*

мятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983. – С. 89-92.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2003. – 512 с.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н.э.) // Советская этнография. 1977. №1. – С. 76-85.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 53-72.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 215 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 77-99.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 60-72.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. №1. – С. 41-62.

Сокровенное сказание / Пер. С.А. Козина. – М.; Л., 1941.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Сулейменов М.Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 93-96.

Терновая Г.А. Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2004. №1. – С. 176-193.

Тишкин А.С. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 276 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 126 с.

Троицкая Т.Н. Украшения самодийского круга в Новосибирском Приобье во второй половине I тыс. н.э. // Проблемы этнической истории самодийских народов: сб. докл. науч. конф. Ч. 1. – Омск: ОГУ, 1993. – С. 53-56.

Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 154-162.

Троицкая Т.Н., Дураков И.В. Еще раз о культуре медведя // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 97-107.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. – 152 с.

Трубников Б.Г. Защитное вооружение: Словарь-справочник. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора; НРК, 2004. – 126 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 270 с.

Френкель Я.В. Бусины и подвески Осинкинского могильника // *Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.* Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 406-412.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. – 238 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001а. – 199 с.

Худяков Ю.С. Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов в IX-XII вв. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 305-317.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 240 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 226 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н.э. // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 172-205.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. №12. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. – С. 138-153.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – С. 92-107.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 193 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 181 с.

Швецов М.Л. Половецкие святилища // Советская археология. 1979. №1. – С. 199-209.

Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1992. – С. 36-50.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЗСАЭК – Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения академии наук СССР
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
КГПИ – Кемеровский государственный педагогический институт
КемГУ – Кемеровский государственный университет
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КрасГУ – Красноярский государственный университет
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГУ – Новосибирский государственный университет
НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт
ОГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РАСК – Региональная археологическая студенческая конференция
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
САИ – Свод археологических источников
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
ТюмГУ – Тюменский государственный университет

Приложение 1

**АЛЬБОМ РИСУНКОВ И ФОТОГРАФИЙ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК
КУРГАННОЙ ГРУППЫ КОНЕВО**

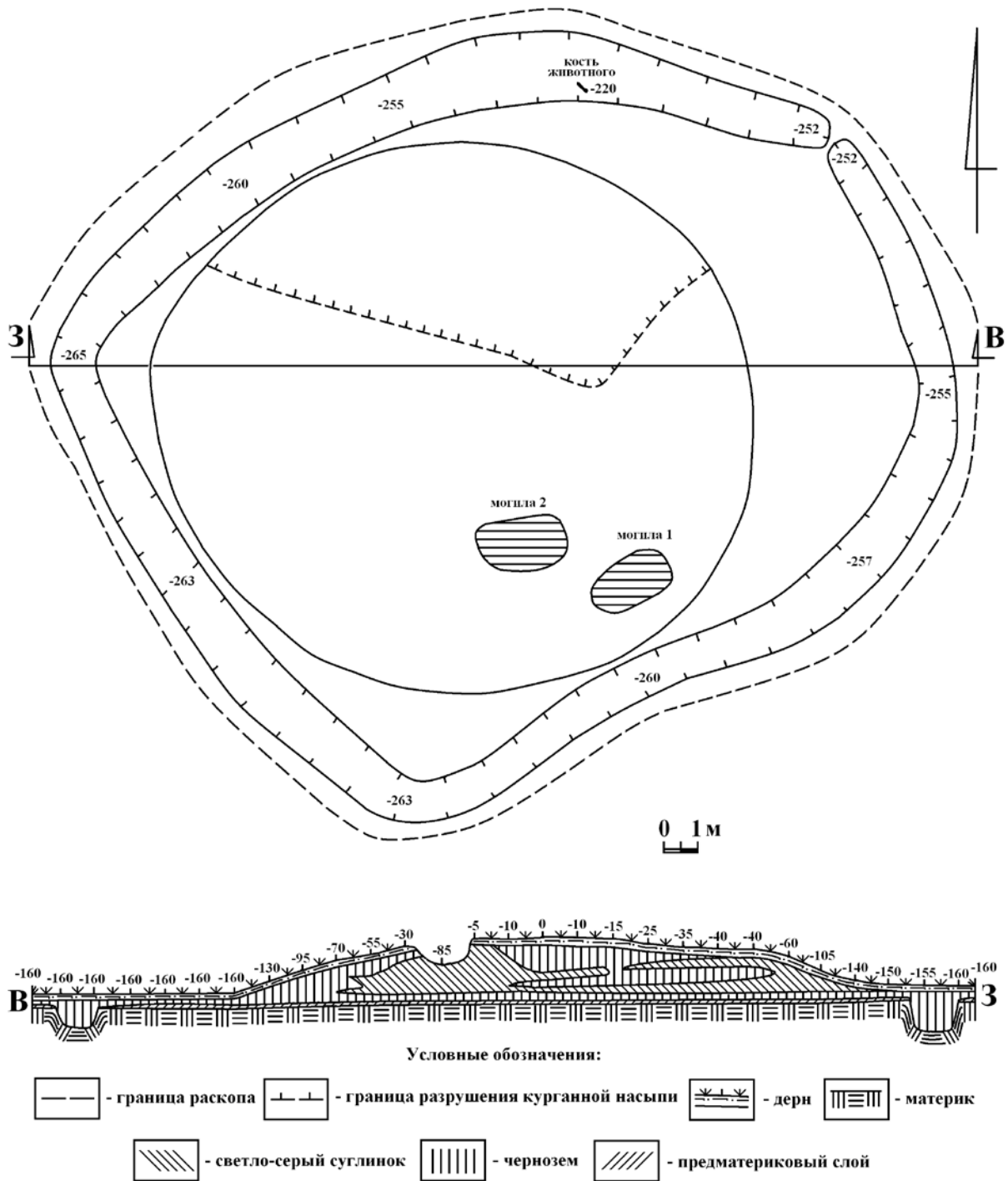
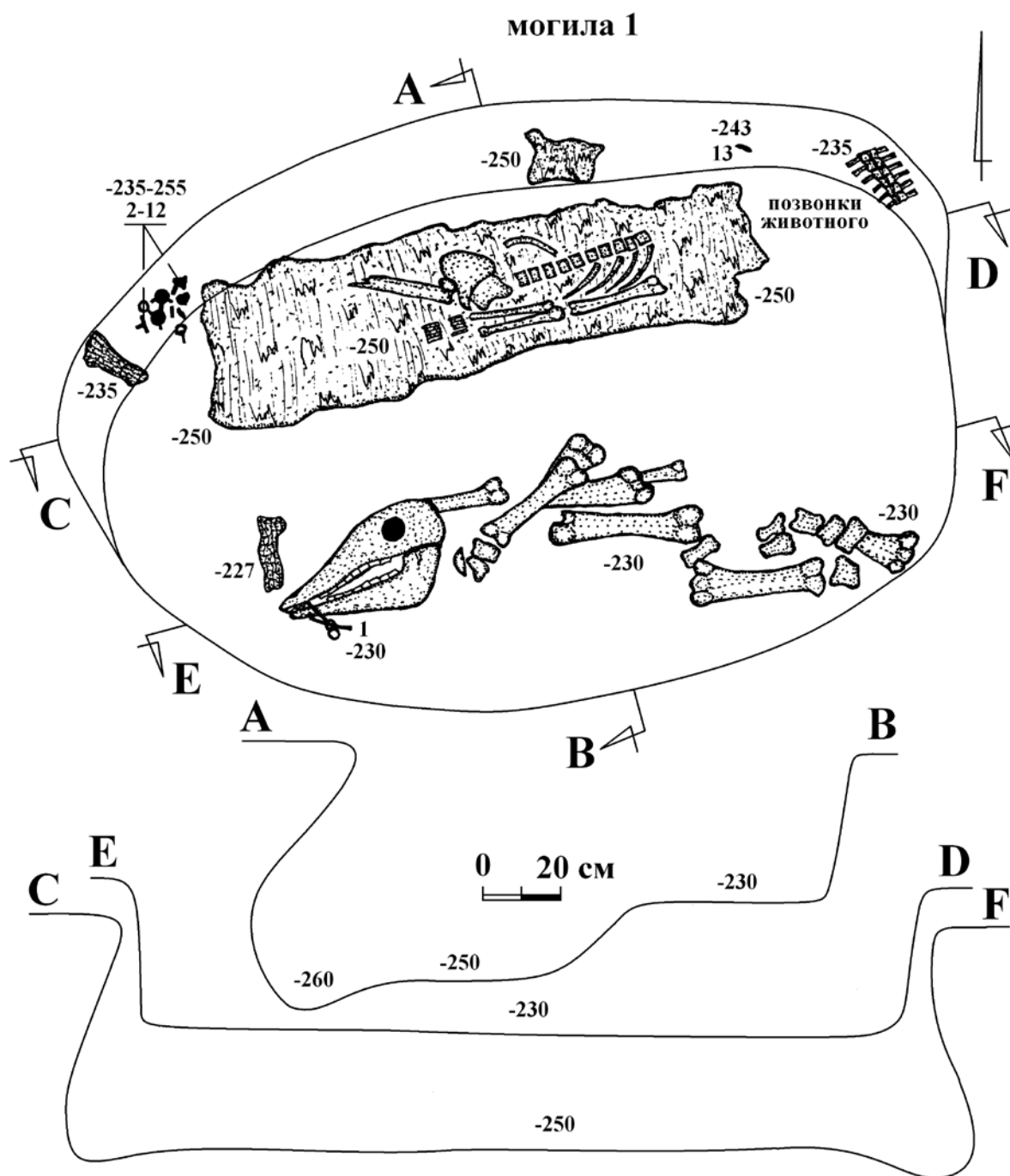

Рис. 3. Курганная группа Конево.
План и разрез насыпи кургана №1

Находки:

**1 – удила, 2-12 – детали узды и седла, 13 – пуговица;
1-12 – железо, 13 – кость**

Рис. 4. Курганная группа Конево. Курган №1.
План и разрезы могилы 1

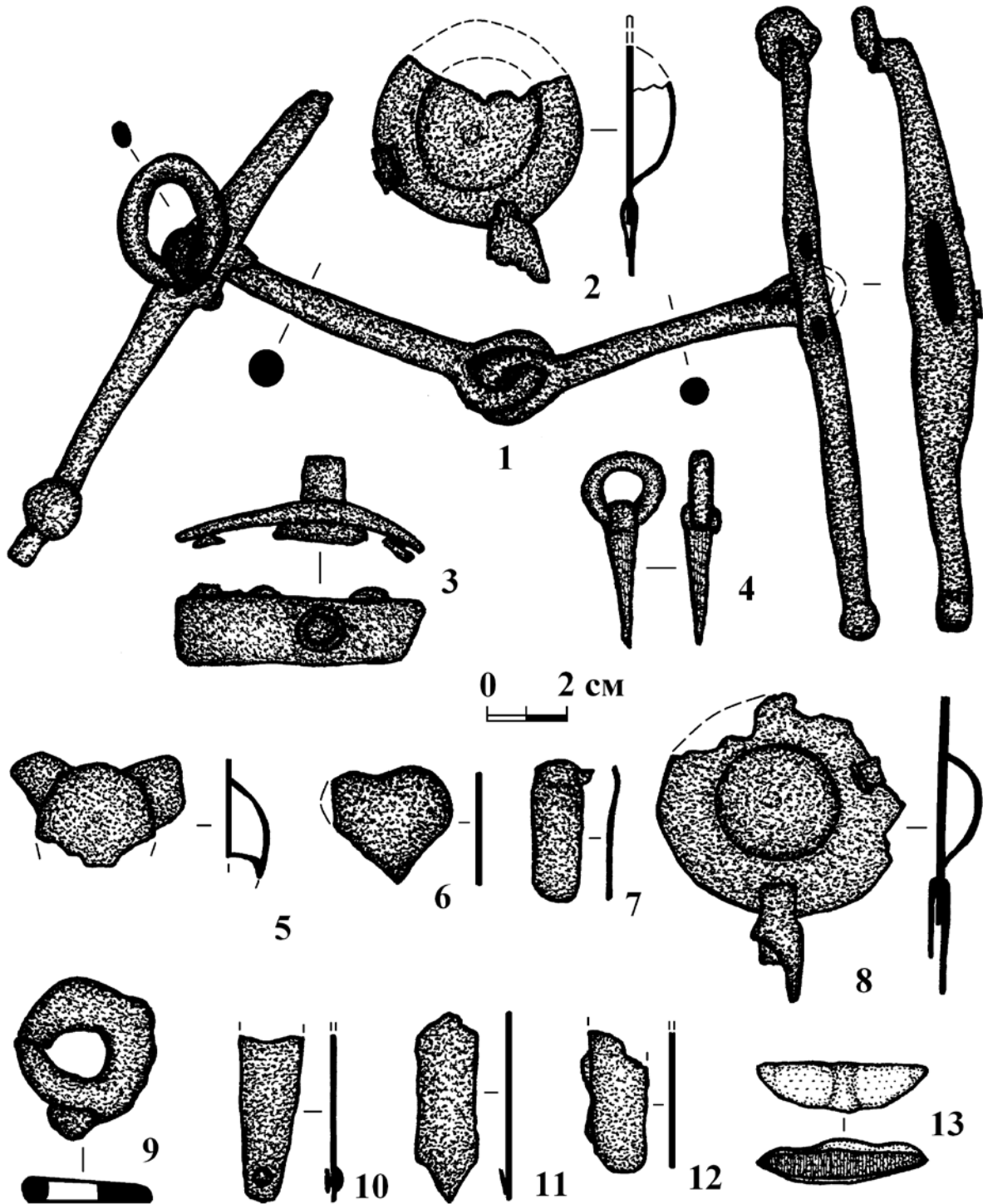
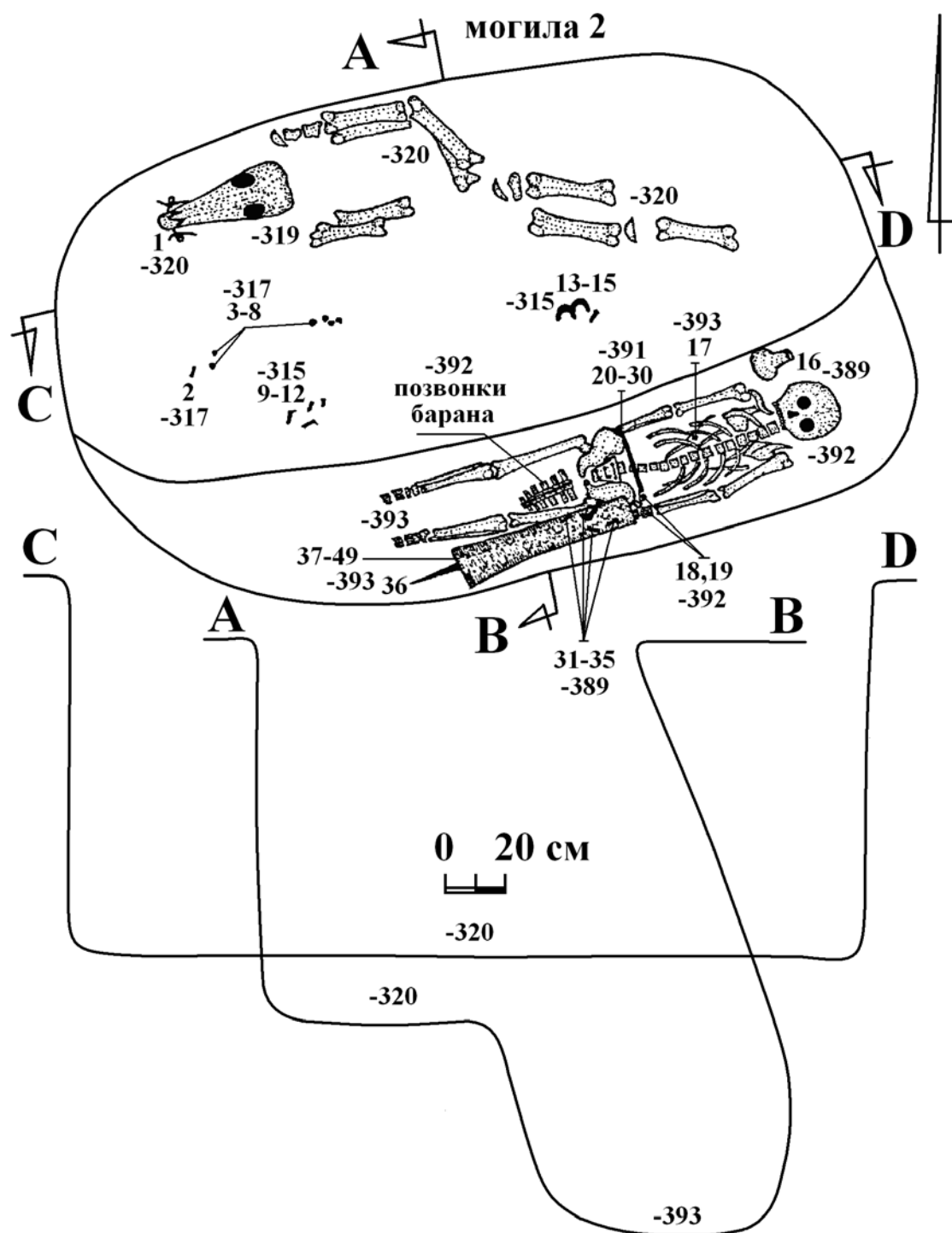

Рис. 5. Курганная группа Конеево. Курган №1. Находки из могилы 1:
1 – удила, 2-12 – детали узды и седла, 13 – пуговица;
1-12 – железо, 13 – кость

Находки:

1 – удила, 2 – фрагмент султанчика, 3-8 – бляшки, 9-12 – наконечники ремней, 13-15 – крепления лук седла, 16 – сосуд, 17 – фрагмент пуговицы, 18, 19 – пряжки, 20-30 – фрагменты ремня с украшениями, 31, 32 – крепления колчана, 33, 34 – накладки на колчан, 35 – колчан, 36 – сабля, 37-49 – наконечники стрел; 1-8, 18, 19, 31-34, 36-49 – железо, 9-12 – железо и серебро, 13-15 – железо и дерево, 16 – серебро, 17 – бронза и кожа, 20-30 – кожа и серебро, 35 – береста

Рис. 6. Курганная группа Конево. Курган №1.
План и разрезы могилы 2

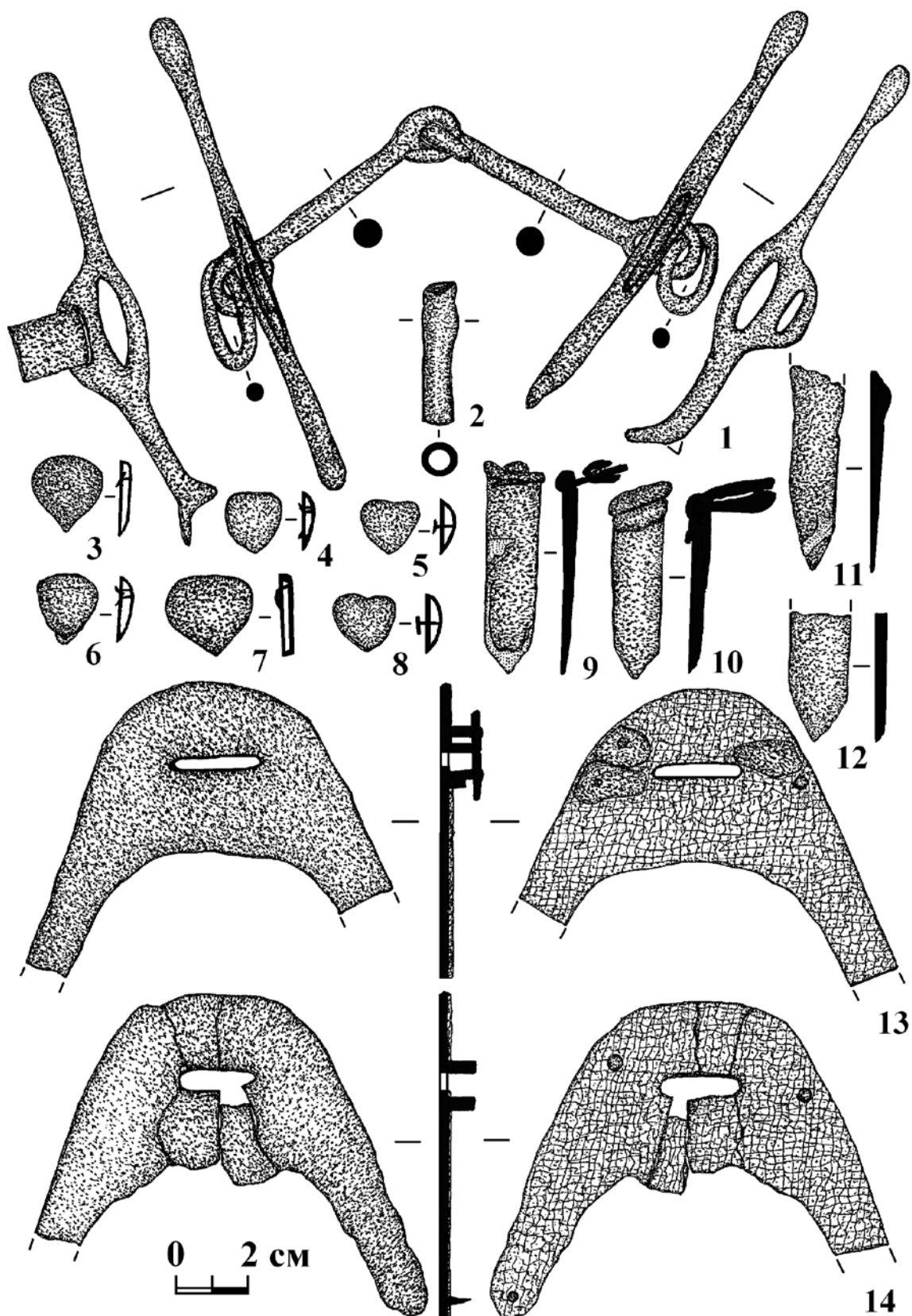

Рис. 7. Курганная группа Конеево. Курган №1. Находки из могилы 2:
 1 – удила, 2 – фрагмент султанчика, 3-8 – бляшки, 9-12 – наконечники ремней,
 13, 14 – крепления лук седла; 1-9, 11 – железо, 10, 12 – железо и серебро,
 13, 14 – железо и дерево

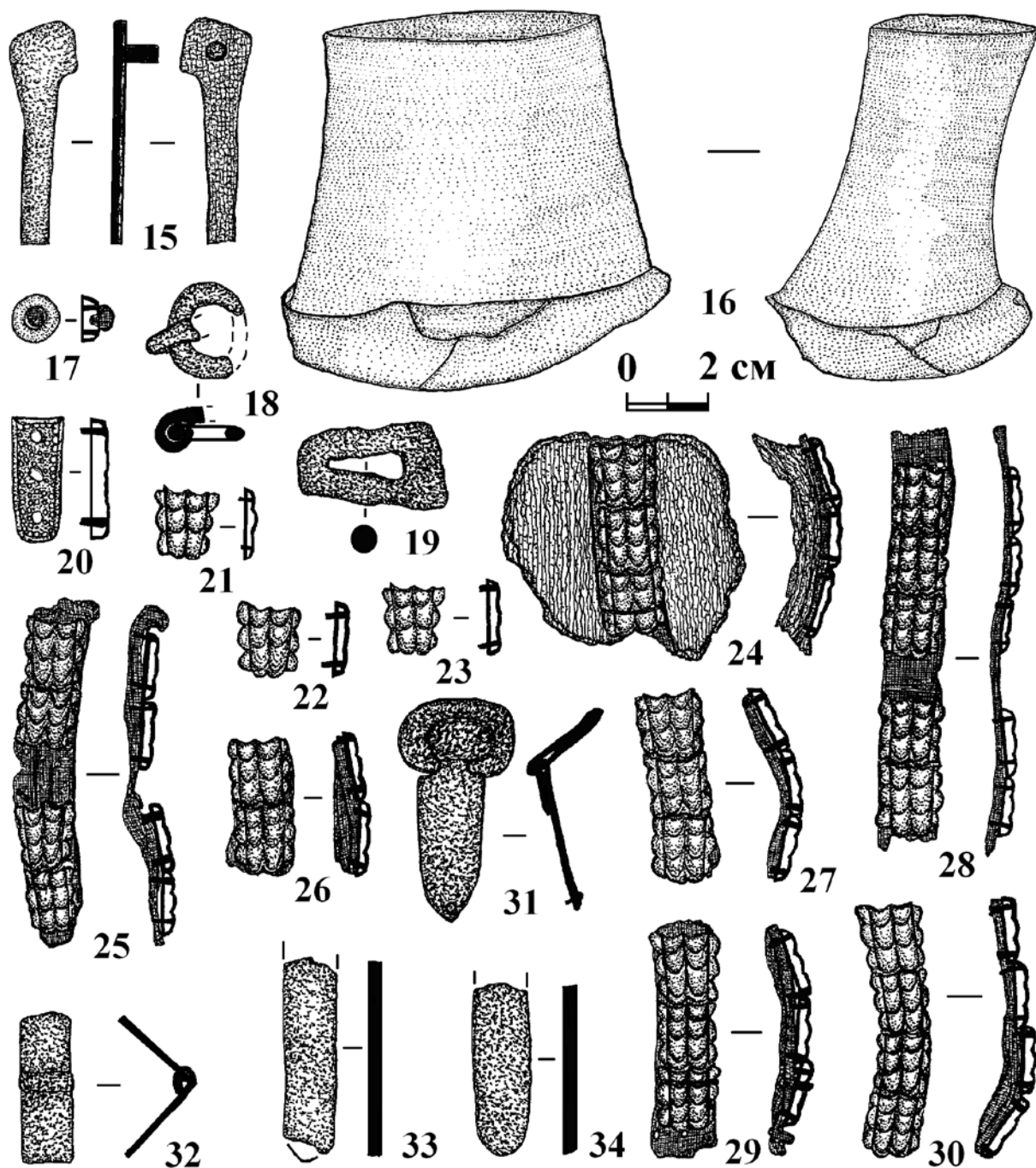

Рис. 8. Курганная группа Конеево. Курган №1. Находки из могилы 2:
 15 – фрагмент крепления лука седла, 16 – сосуд, 17 – фрагмент пуговицы,
 18, 19 – пряжки, 20-30 – фрагменты ремня с украшениями, 31, 32 – крепления колчана,
 33, 34 – накладки на колчан; 15 – железо и дерево, 16, 21-23, 30 – серебро,
 17 – бронза и кожа, 18, 19, 31-34 – железо, 20 – бронза,
 24 – серебро, кожа, дерево, 24-29 – серебро и кожа

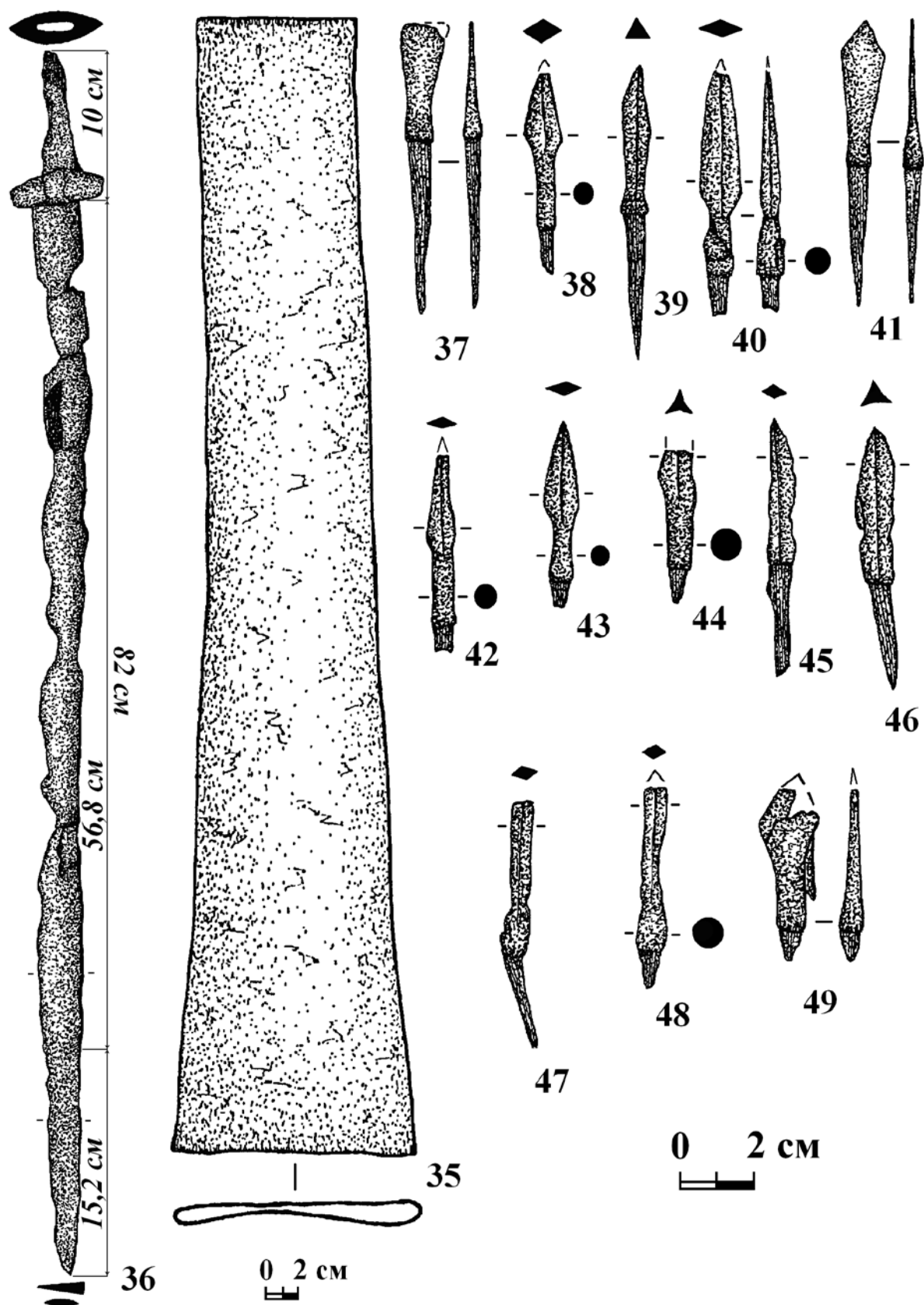
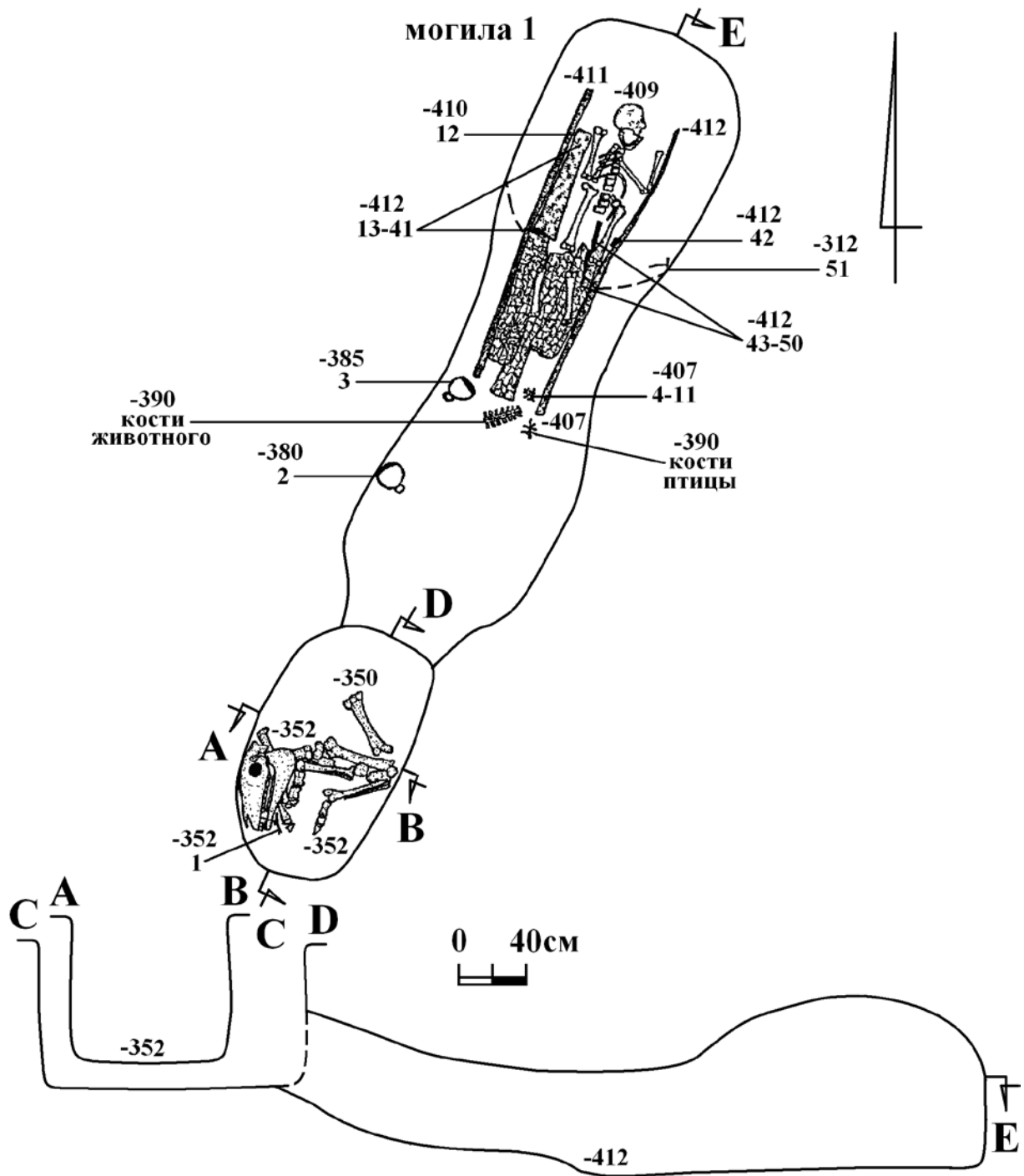

Рис. 9. Курганная группа Конево. Курган №1. Находки из могилы 2:
 35 – колчан (реконструкция), 36 – сабля (реконструкция), 37-49 –
 наконечники стрел; 35 – береста, 36-49 – железо и дерево

Находки:

1 – удила с кольчатыми и стержневыми псалями, 2, 3 – стремена, 4-6 – пластины-накладки, 7, 8 – сферические бляхи с щитками-обоймами, 9 – крепление с кольцом, 10 – фрагмент кольца, 11 – бляшка, 12 – фрагменты колчана, 13-26 – древки стрел, 27-41 – наконечники стрел, 42 – тесло, 43-50 – фрагменты колюще-рубящего оружия, 51 – палка-копалка; 1-4, 7-10, 27, 38, 43-50 – железо, 5, 6, 11 – железо и материя, 12 – береста, 13, 15-18, 22, 23 – дерево, 14, 19, 20, 24-26 – дерево и береста, 28 – железо, дерево, береста, 29-37, 39-42 – железо и дерево, 51 – дерево

Рис. 11. Курганная группа Конево. Курган №2.
План и разрезы могилы 1

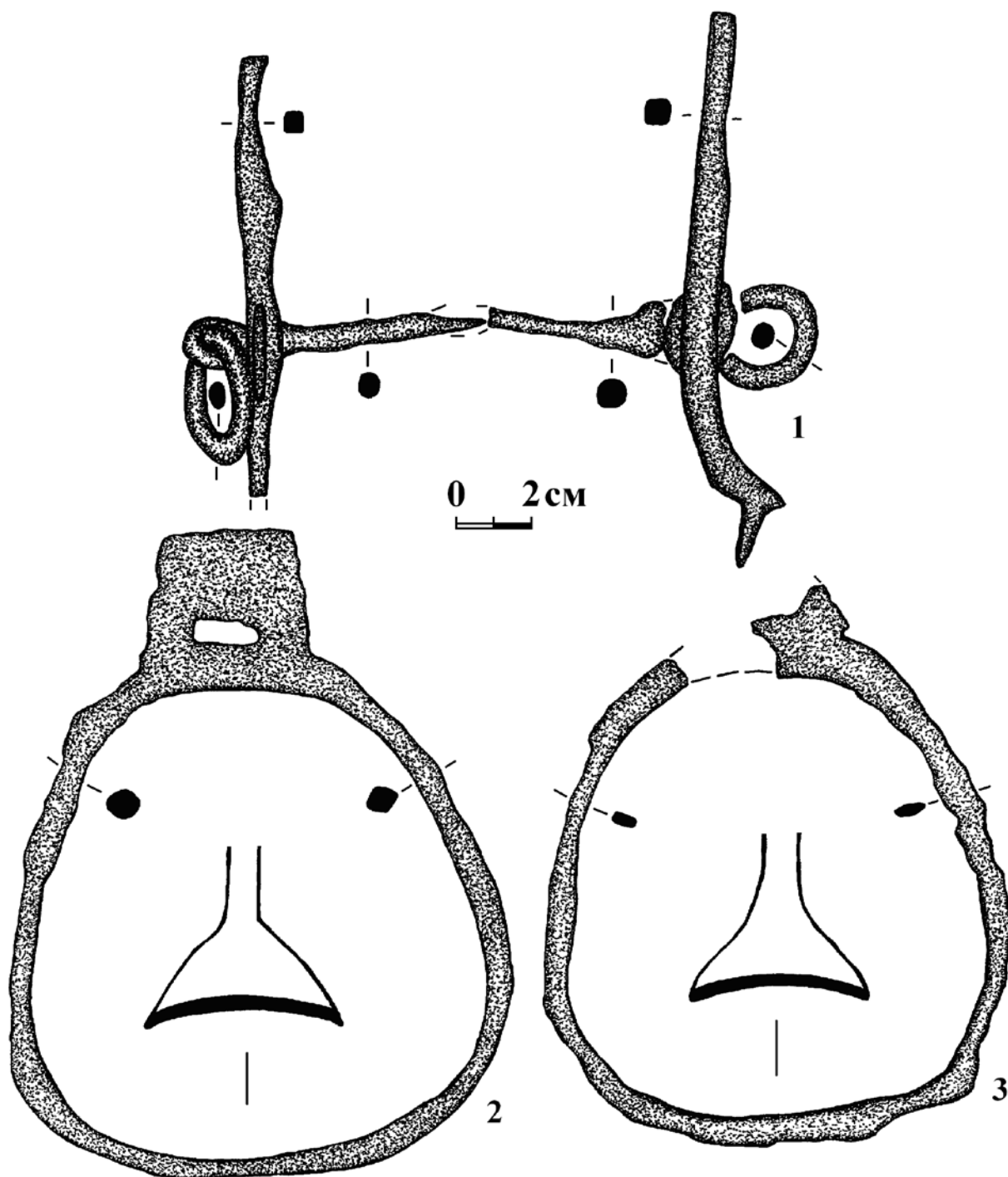

Рис. 12. Курганная группа Конеево. Курган №2. Находки из могилы 1:
1 – удила с кольчатыми и стержневыми псалями,
2, 3 – стремяна; 1-3 – железо

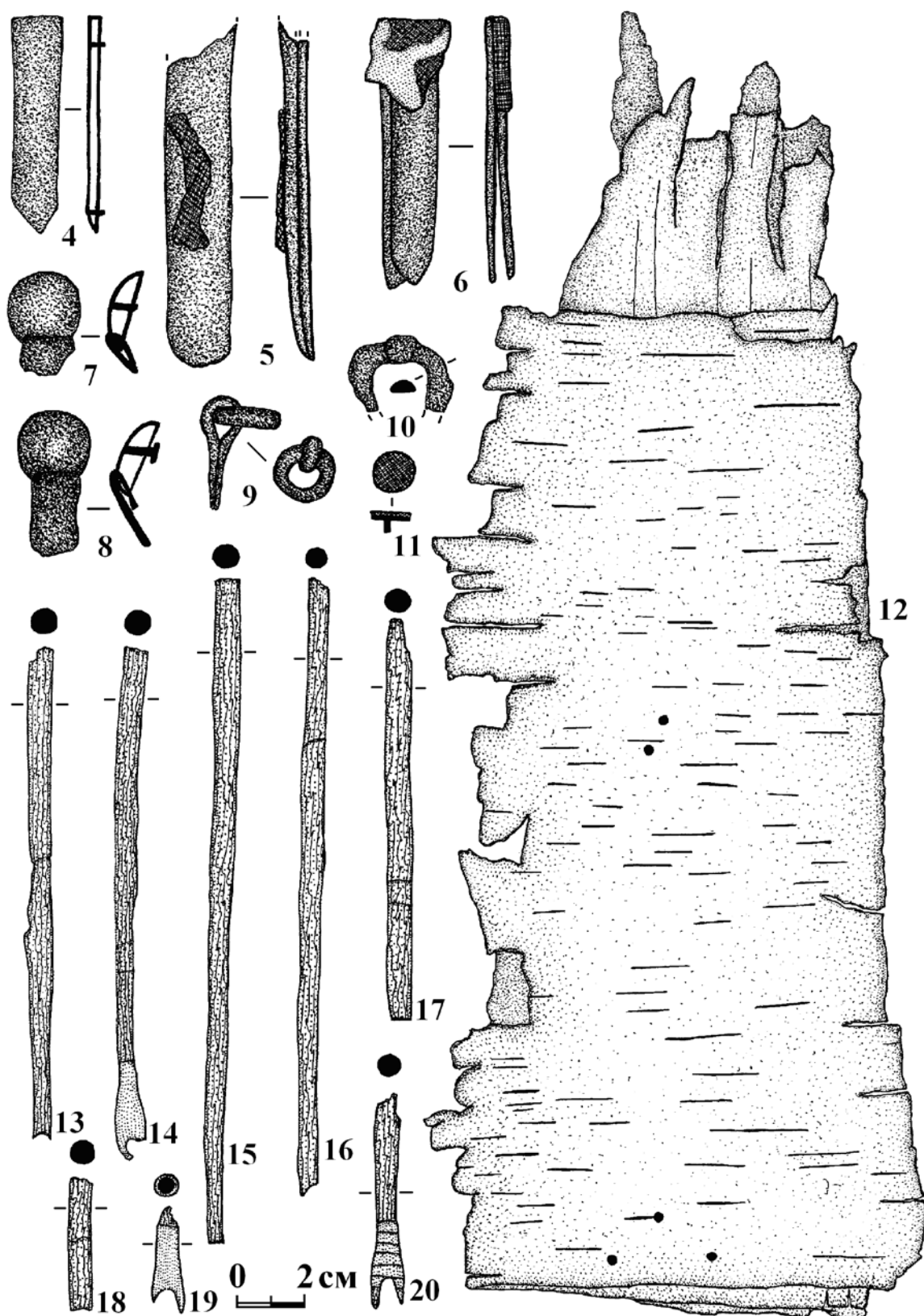

Рис. 13. Курганная группа Конеево. Курган №2. Находки из могилы 1:
 4-6 – пластины-накладки, 7, 8 – сферические бляхи с щитками-обоймами,
 9 – крепление с кольцом, 10 – фрагмент кольца, 11 – бляшка, 12 – фрагменты
 колчана, 13-20 – древки стрел; 4, 7-10 – железо, 5, 6, 11 – железо и материя,
 12 – береста, 13, 15-18 – дерево, 14, 19, 20 – дерево и береста

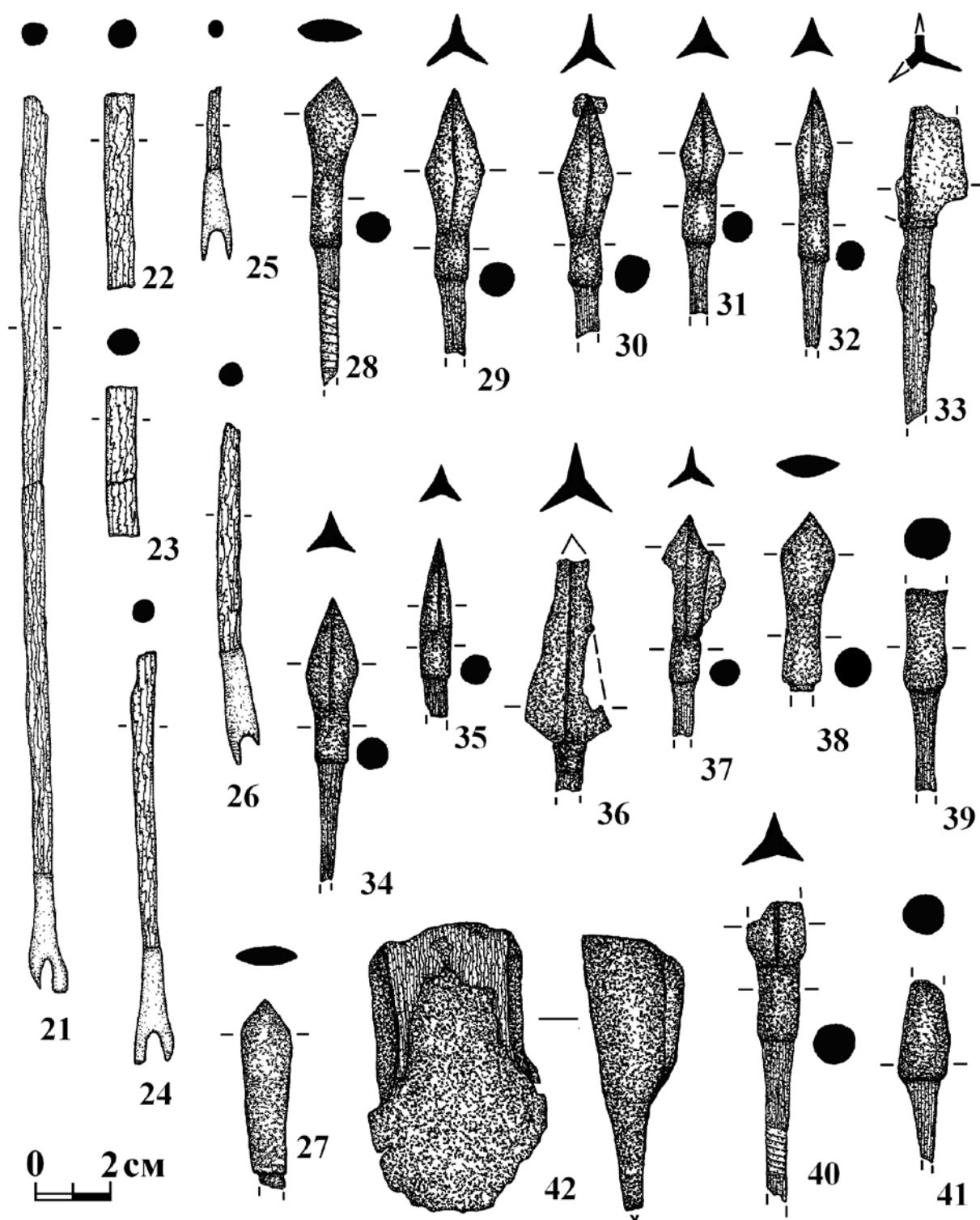

Рис. 14. Курганная группа Конево. Курган №2. Находки из могилы 1:
 21-26 – древки стрел, 27-41 – наконечники стрел, 42 – тесло; 22, 23 – дерево,
 24-26 – дерево и береста, 27, 38 – железо, 28 – железо, дерево, береста, 29-37,
 39-42 – железо и дерево

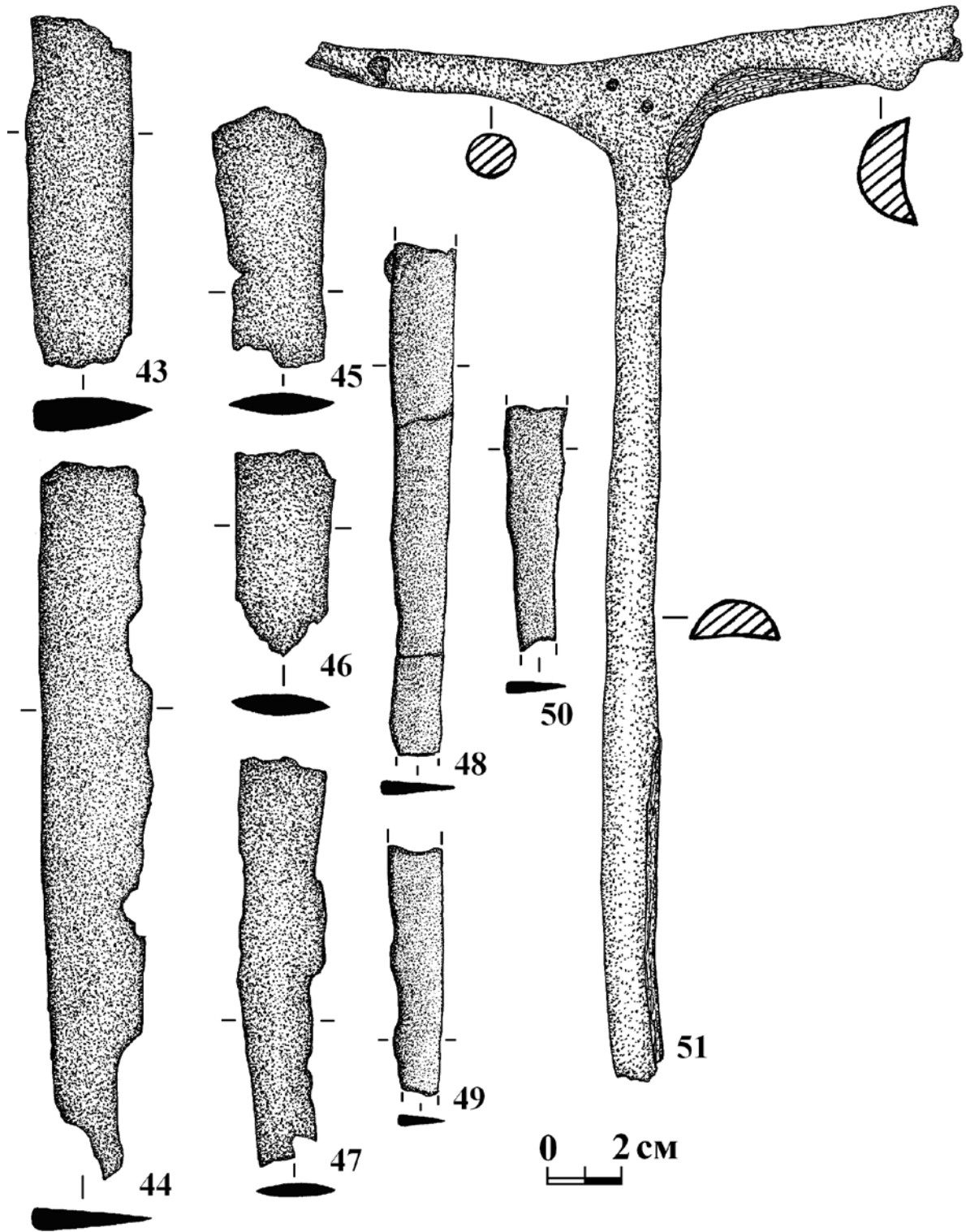

Рис. 15. Курганная группа Конеево. Курган №2. Находки из могилы 1:
43-50 – фрагменты колюще-рубящего оружия, 51 – палка-копалка;
43-50 – железо, 51 – дерево

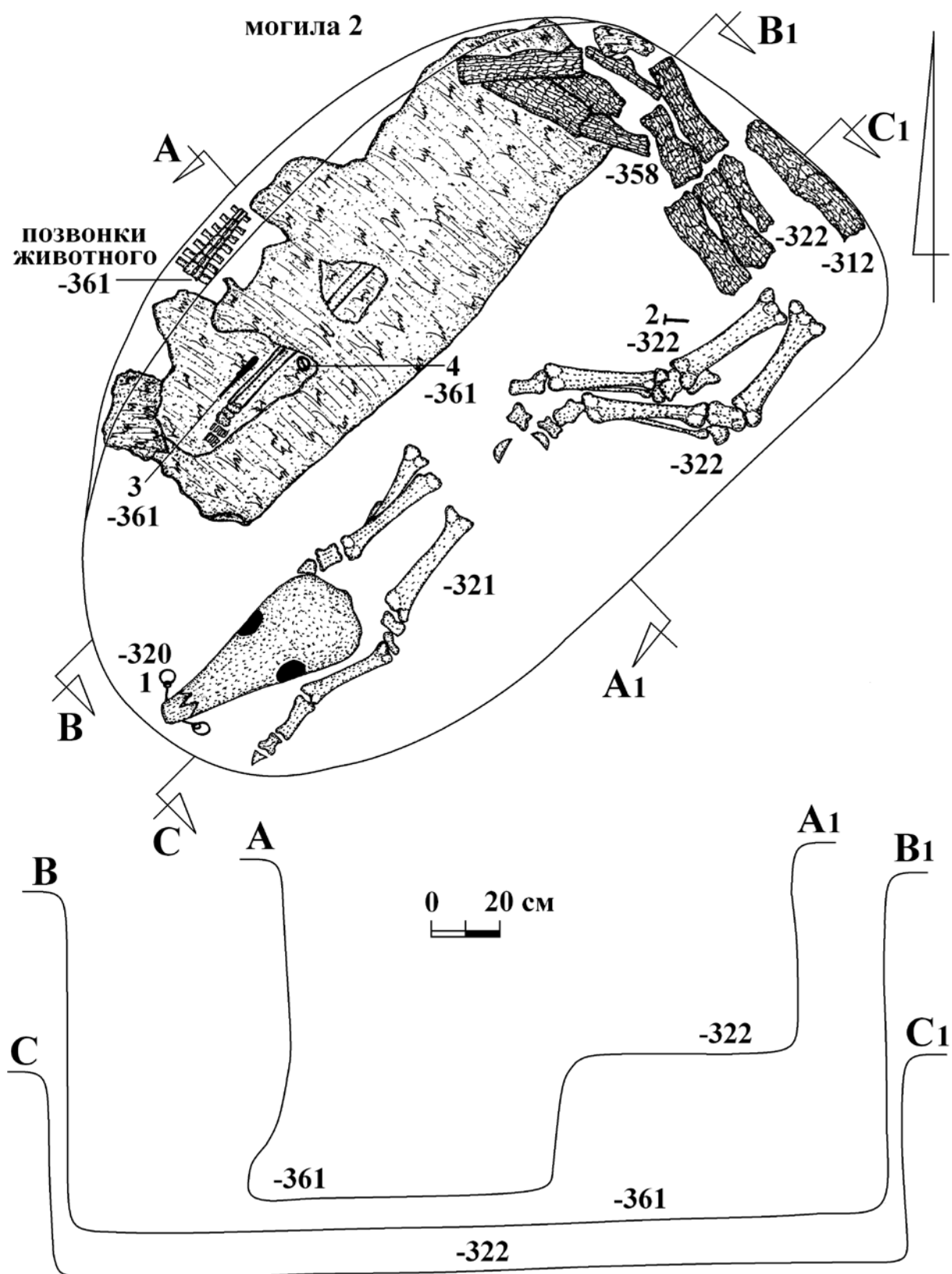

Рис. 16. Курганная группа Конево. Курган №2.
План и разрезы могилы 2

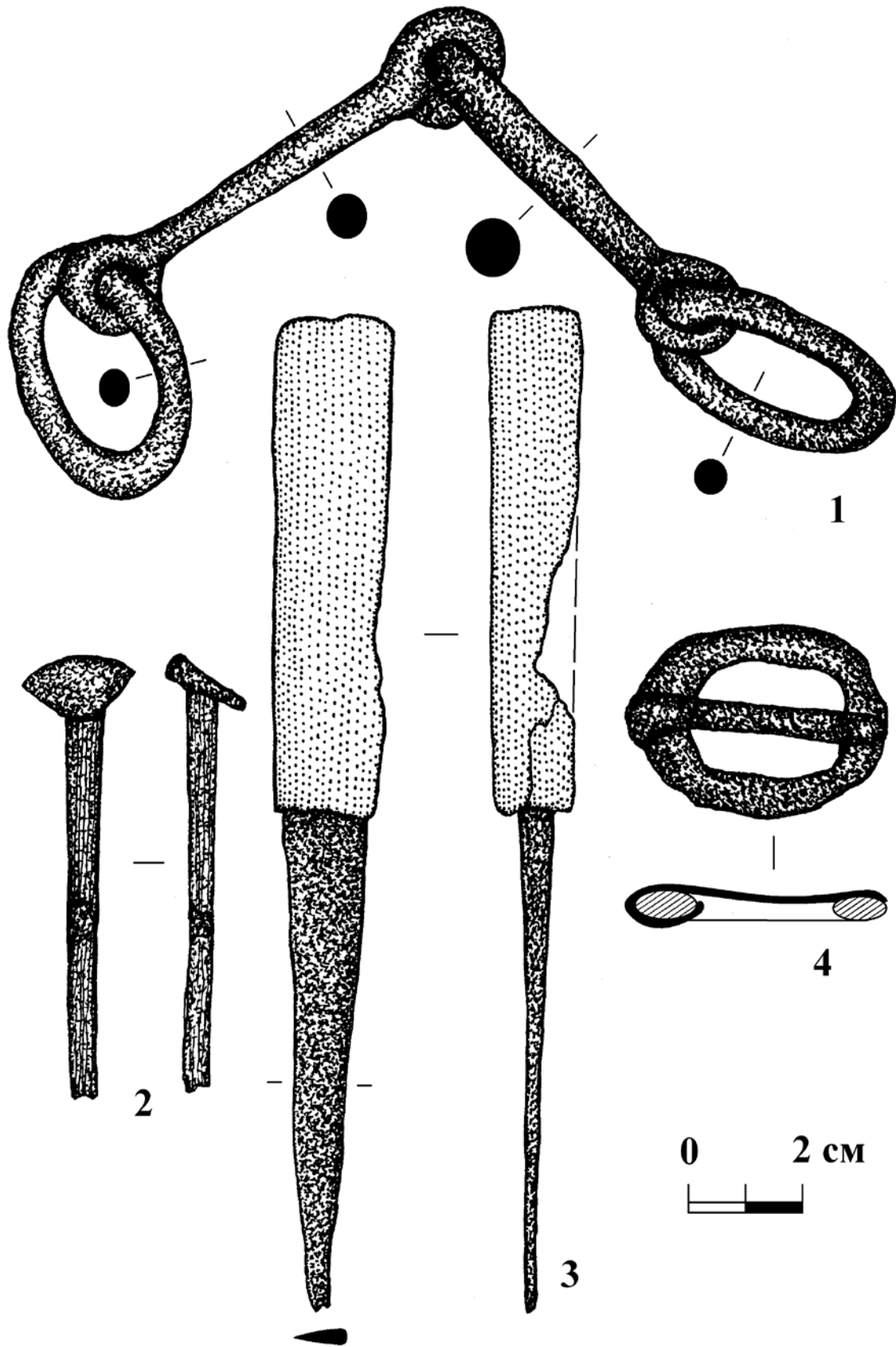
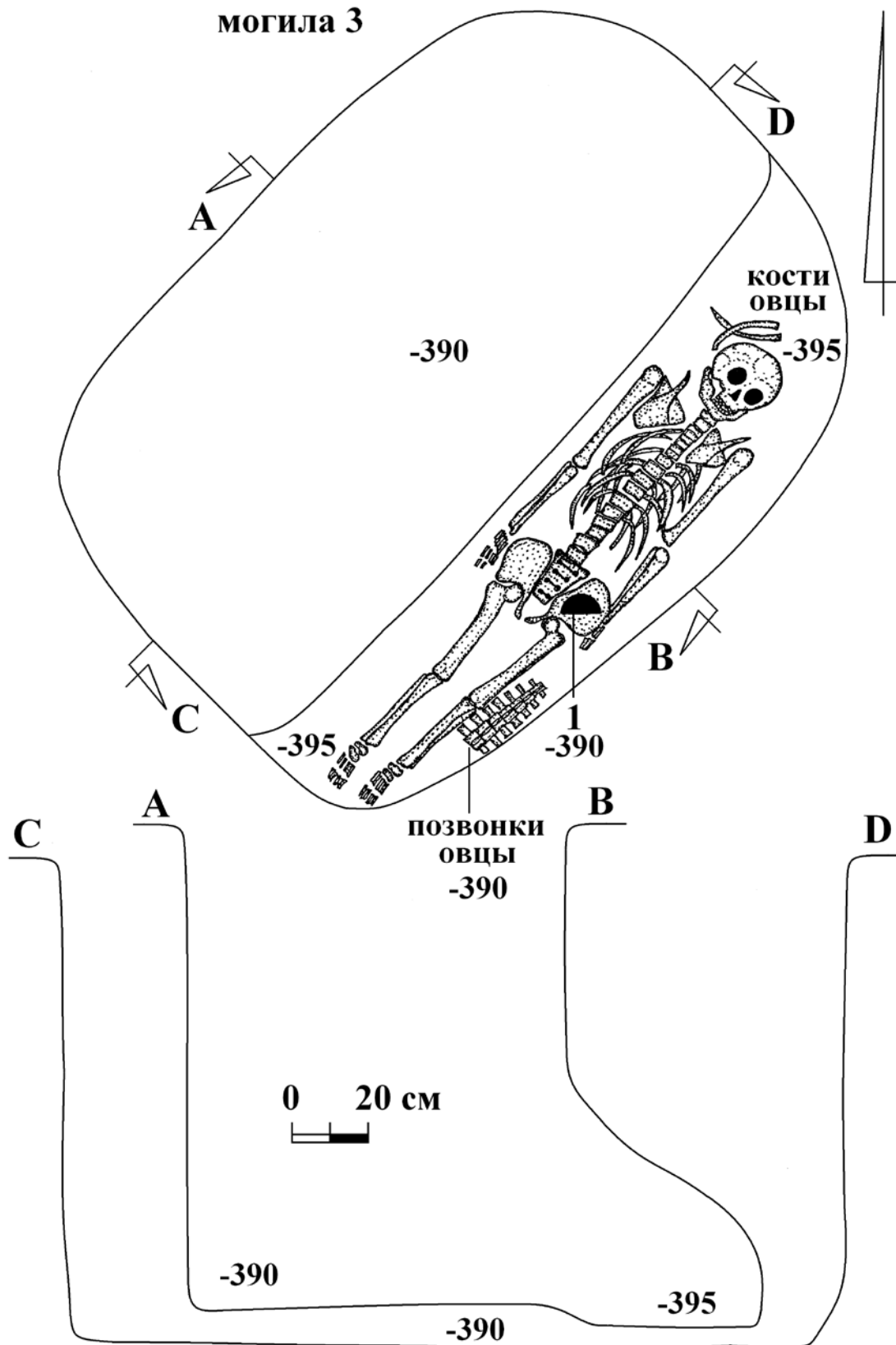

Рис. 17. Курганная группа Конеево. Курган №2. Находки из могилы 2:
1 – удила, 2 – крепление седла, 3 – нож, 4 – пряжка;
1, 2, 4 – железо, 3 – железо и кость

Находка:

1 – фрагмент зеркала (амулет); 1 – серебро

Рис. 18. Курганная группа Конеево. Курган №2.
План и разрезы могилы 3

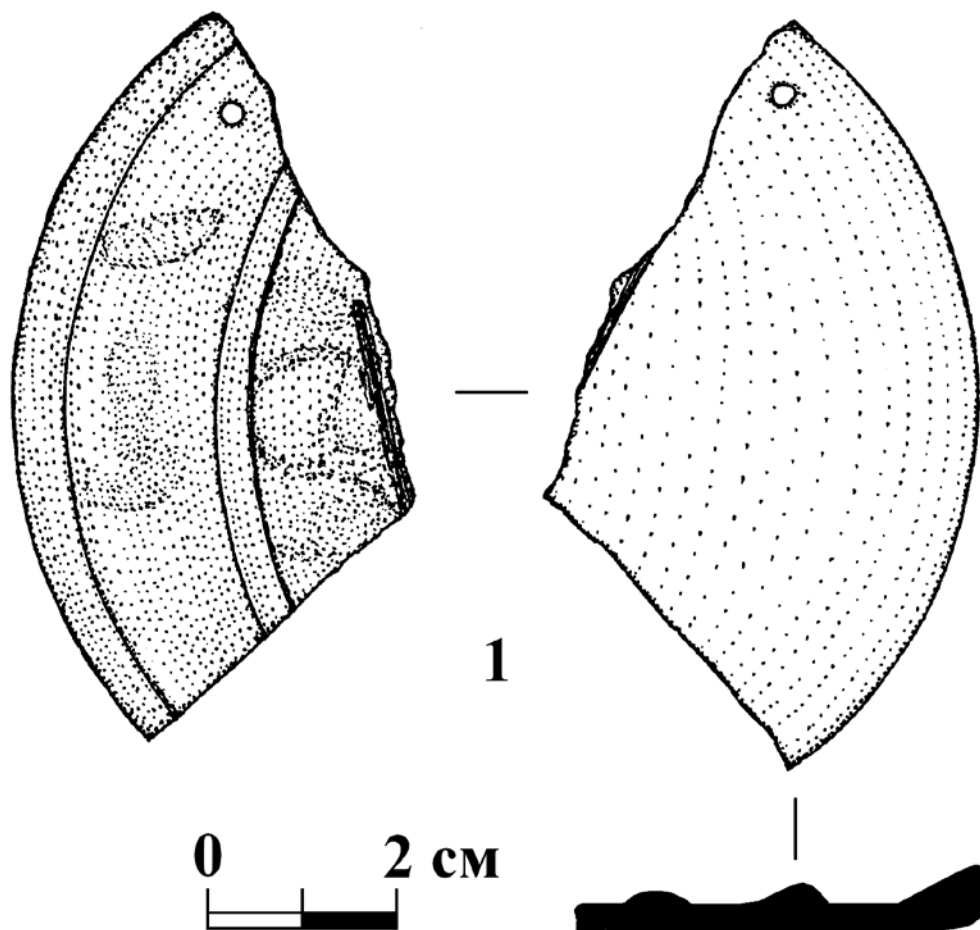
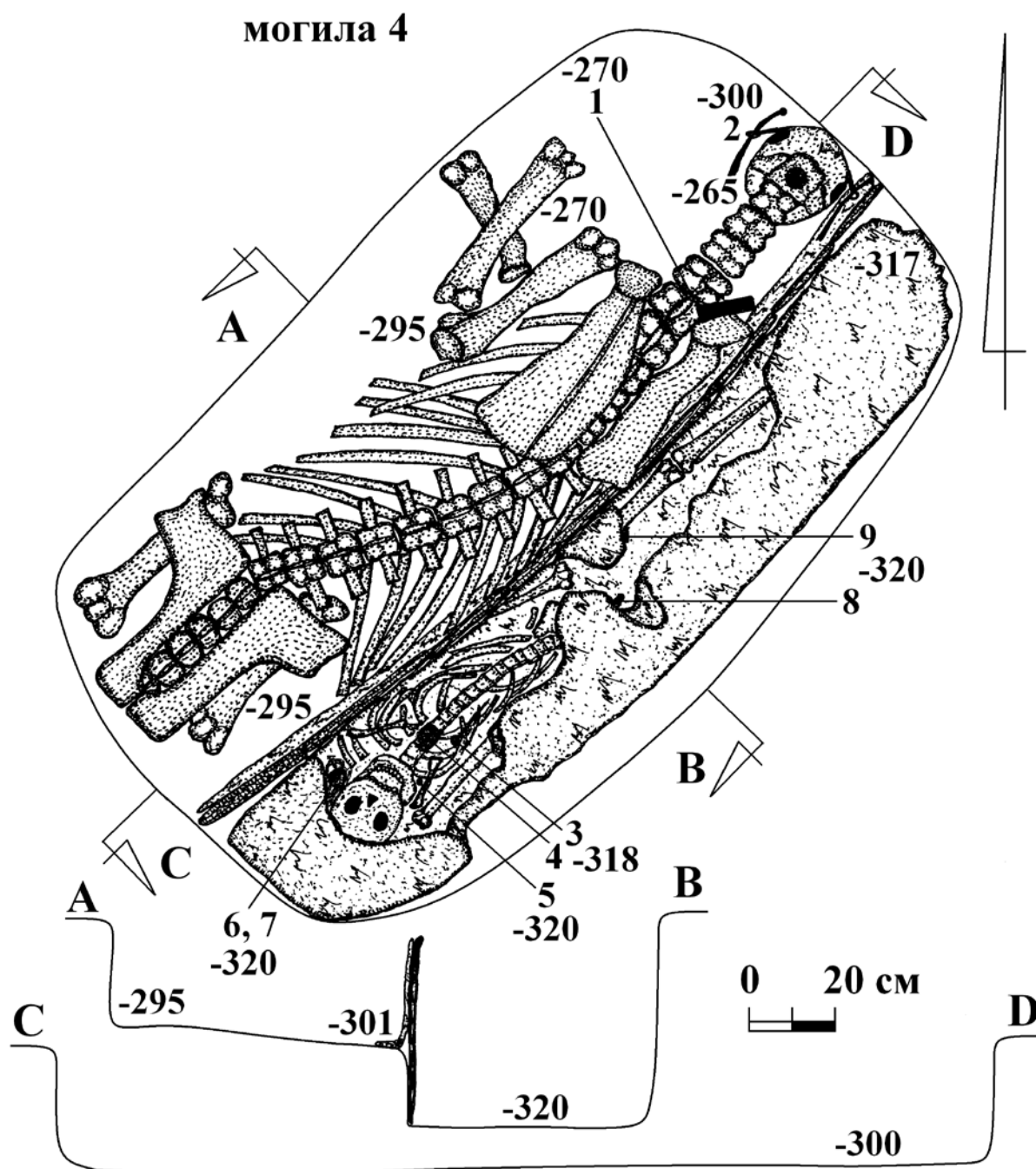

Рис. 19. Курганная группа Конеево. Курган №2. находка из могилы 3:
1 – фрагмент зеркала (амулет); 1 – серебро

Находки:

1 – рукоять плети, 2 – удила, 3 – заколка, 4 – фрагмент панцирной пластины, 5 – бусина, 6, 7 – серьги, 8, 9 – фрагменты пластин; 1 – рог, 2, 8, 9 – железо, 3 – железо и ткань, 4, 6, 7 – бронза, 5 – стекло

Рис. 20. Курганная группа Конеево. Курган №2.
План и разрезы могилы 4

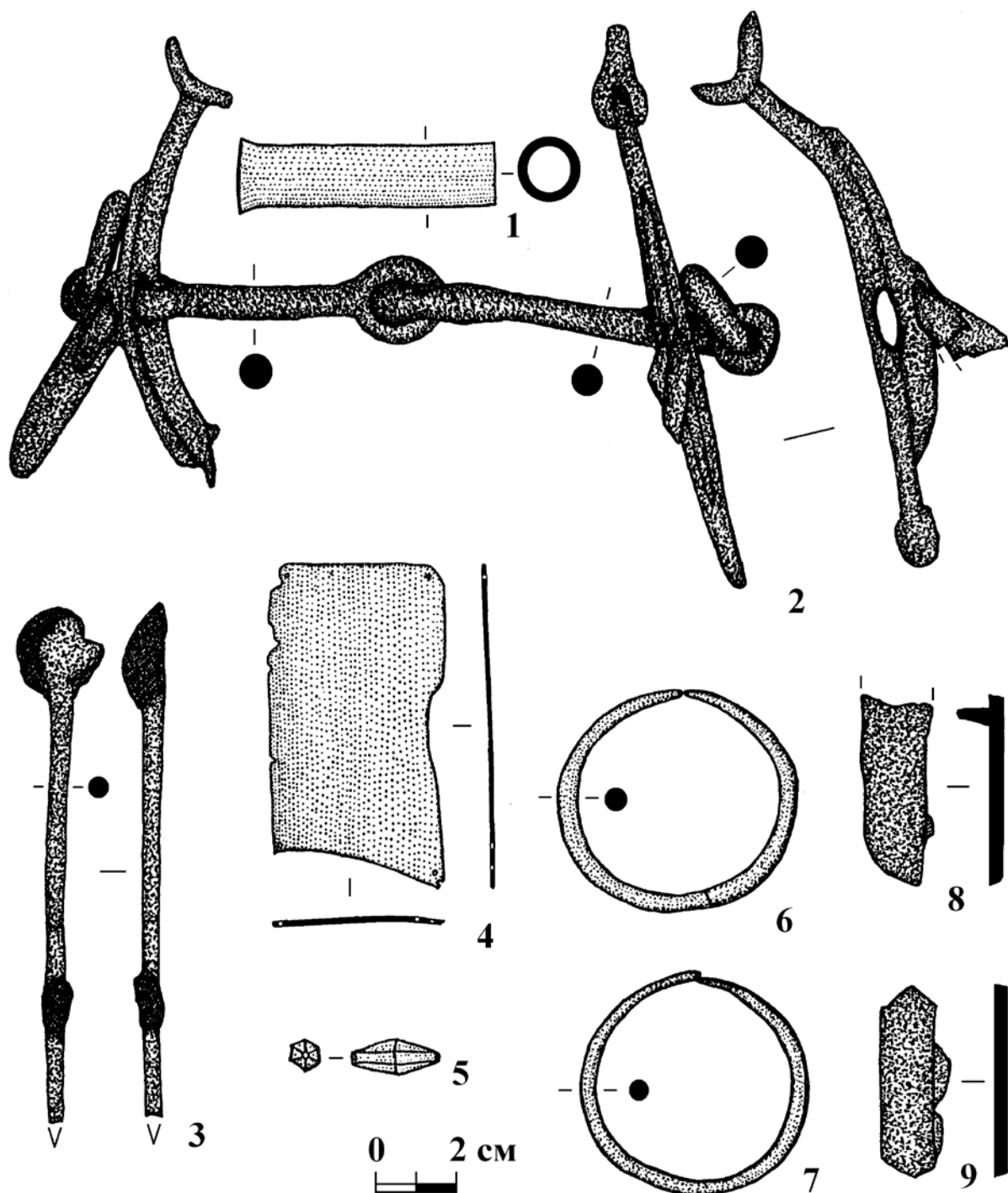

Рис. 21. Курганная группа Конеево. Курган №2. Находки из могилы 4:
 1 – рукоять плети, 2 – удила, 3 – заковка, 4 – фрагмент панцирной
 пластины, 5 – бусина, 6, 7 – серьги, 8, 9 – фрагменты пластин;
 1 – рог, 2, 8, 9 – железо, 3 – железо и ткань,
 4, 6, 7 – бронза, 5 – стекло

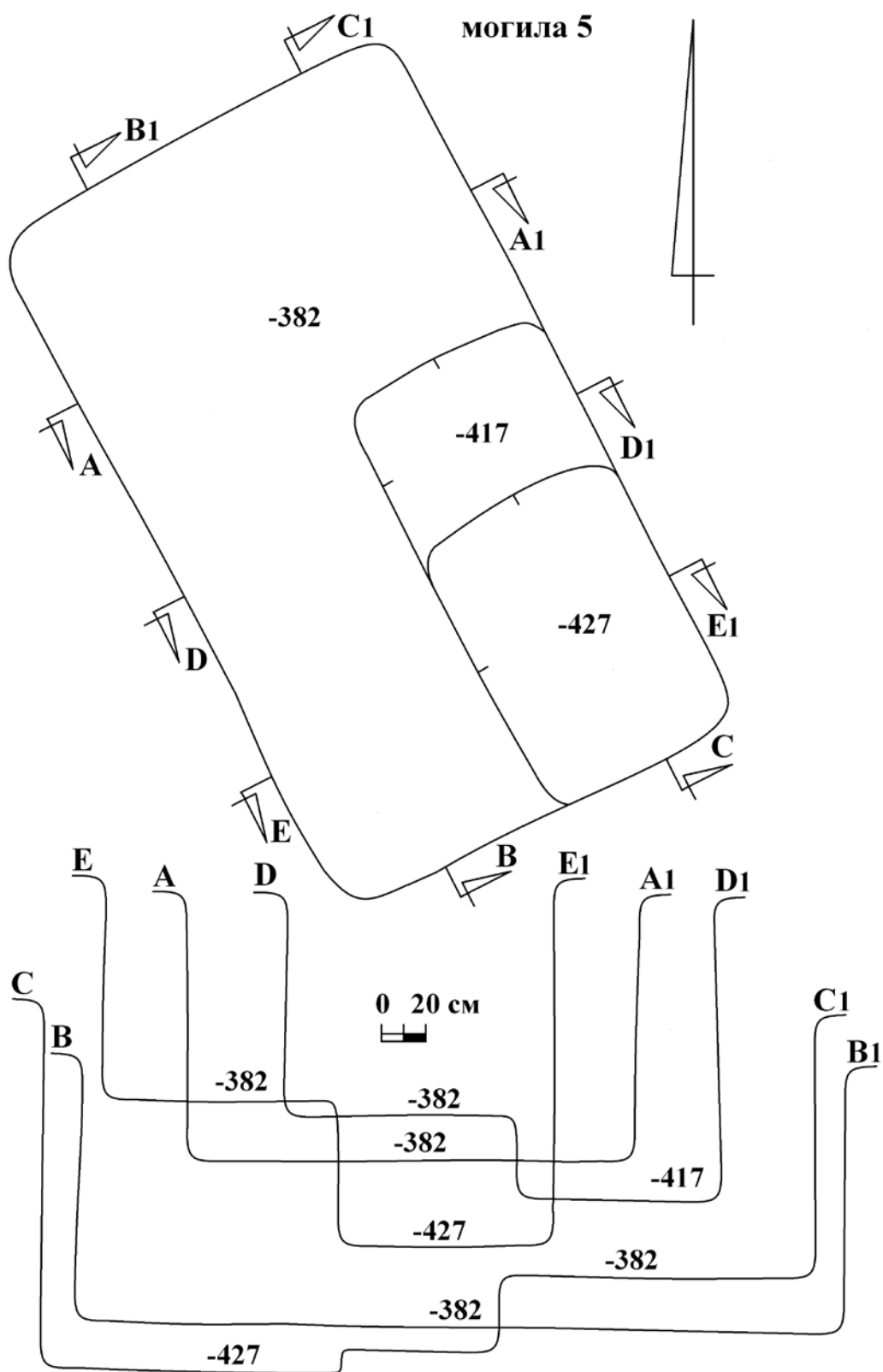
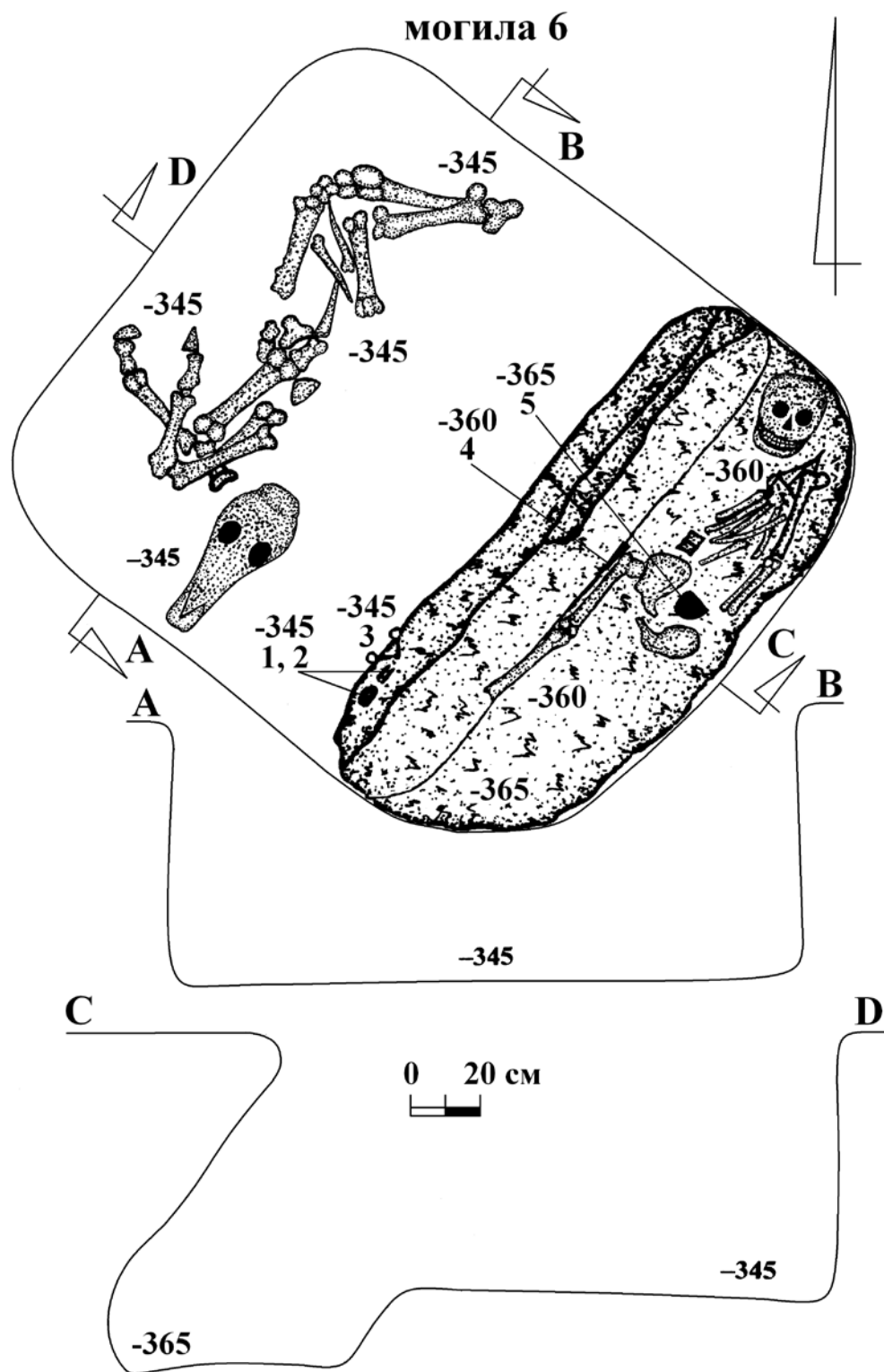

Рис. 22. Курганная группа Конеево. Курган №2.
План и разрезы могилы 5

Находки:

- 1 – пряжка, 2 – крепление седла, 3 – удила, 4 – нож, 5 – сумочка;
 1 – кость, 2-4 – железо, 5 – кожа, ткань и мех

Рис. 23. Курганная группа Конево. Курган №2.
 План и разрезы могилы 6

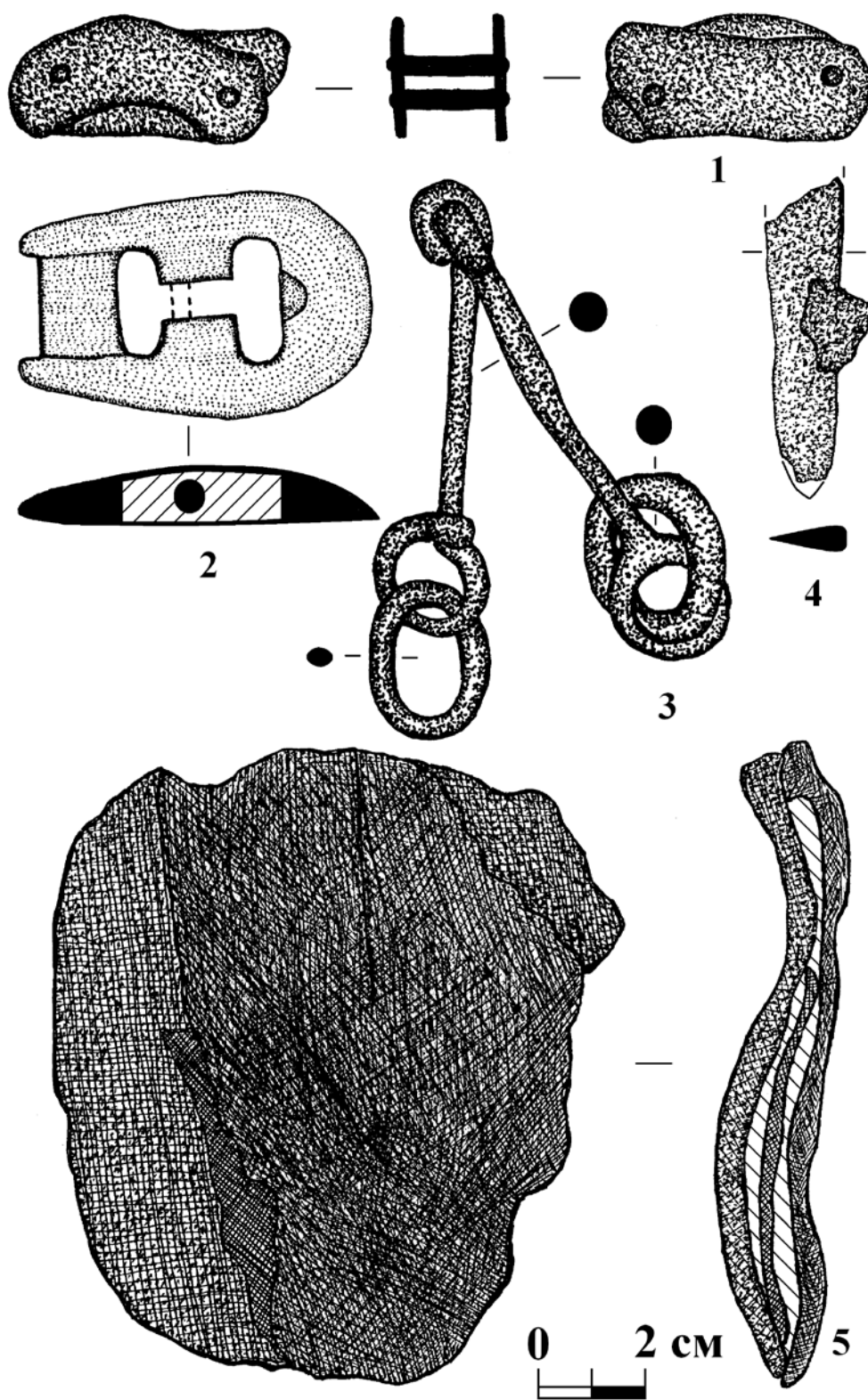

Рис. 24. Курганная группа Конеево. Курган №2. Находки из могилы 6:
1 – пряжка, 2 – крепление седла, 3 – удила, 4 – нож, 5 – сумочка;
1 – кость, 2-4 – железо, 5 – кожа, ткань и мех

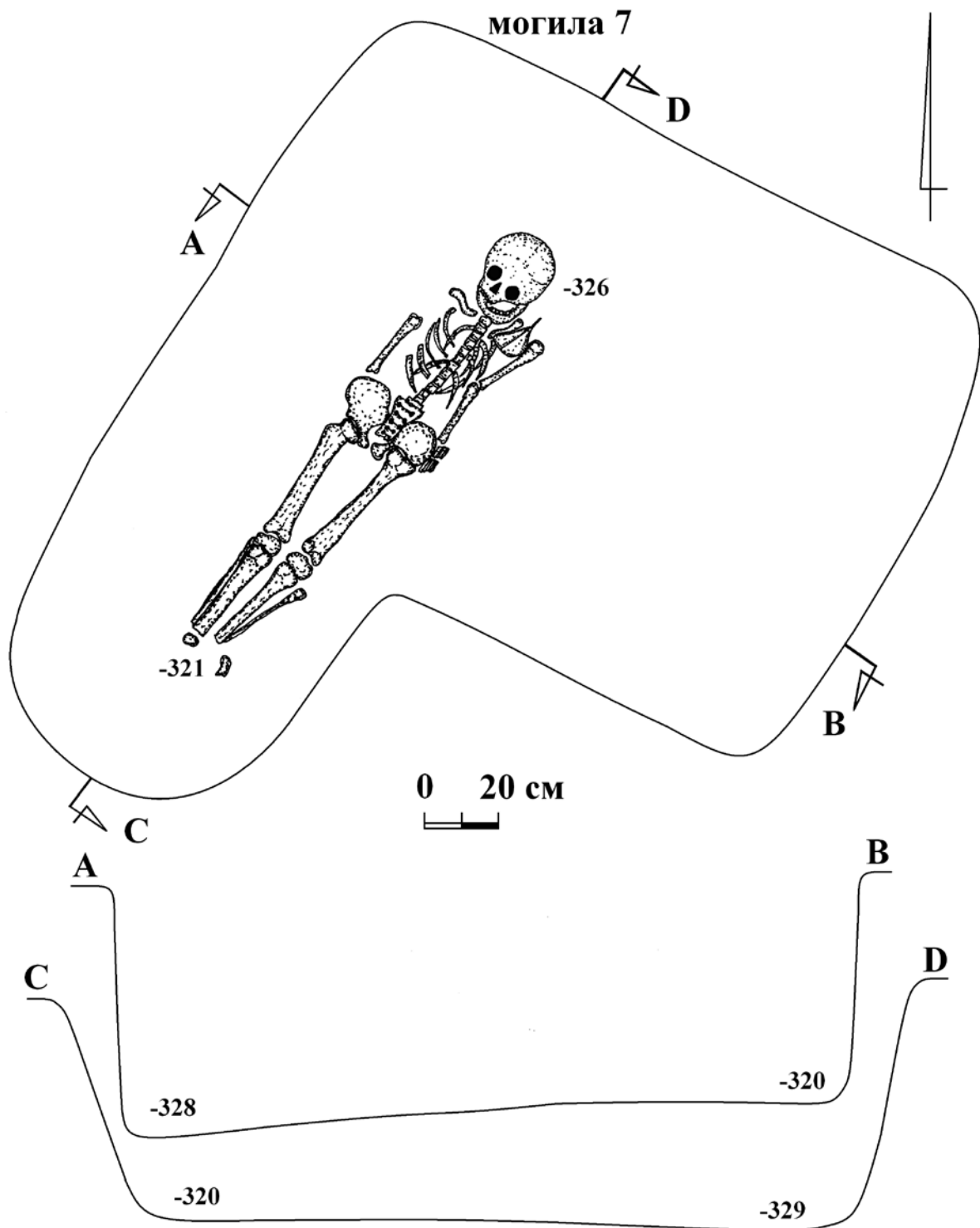

Рис. 25. Курганная группа Конеево. Курган №2.
План и разрезы могилы 7

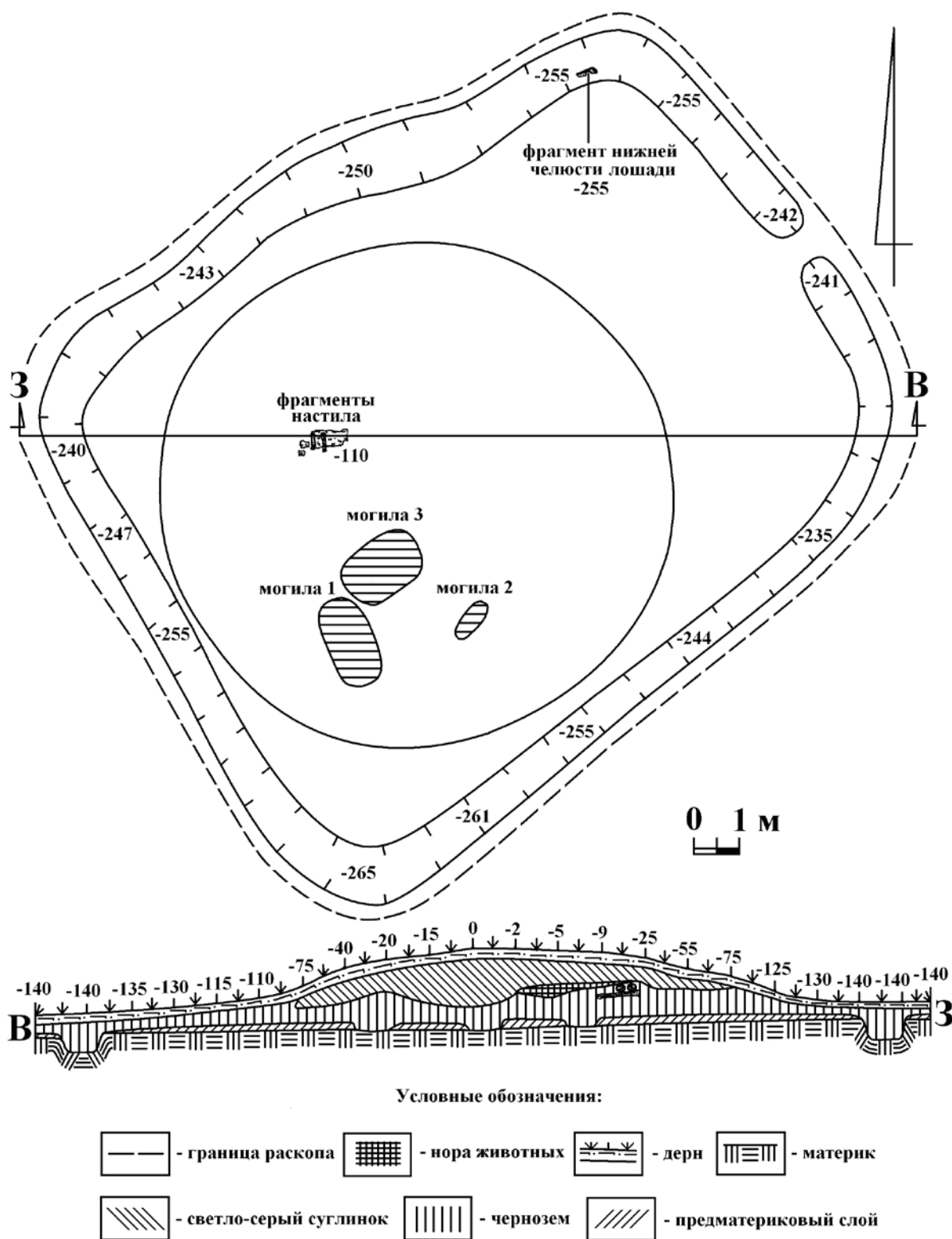
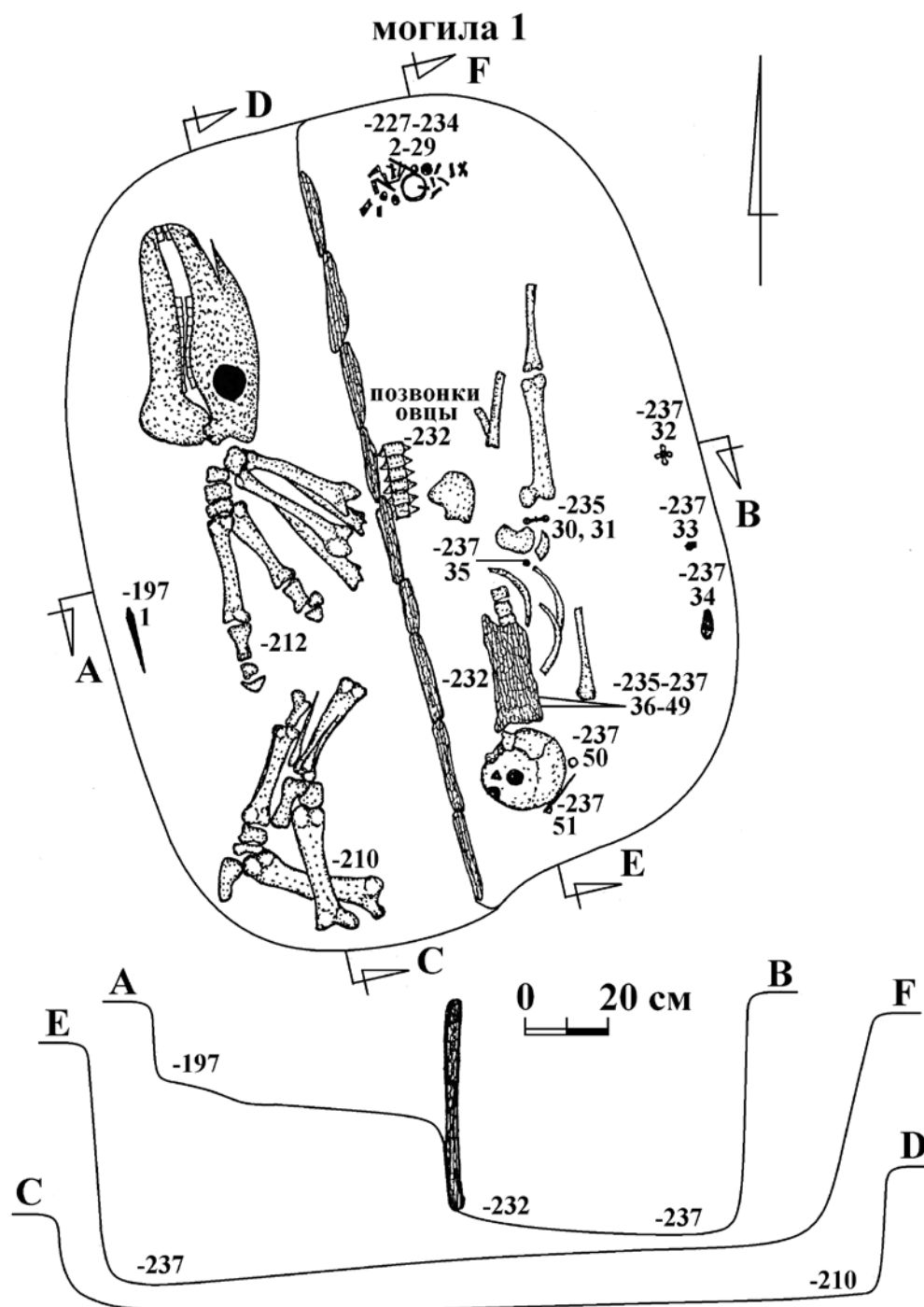

Рис. 26. Курганная группа Конево.
План и разрез насыпи кургана №3

Находки:

1 – нож, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – фрагмент ножа, 5-13, 15-22, 25-27 – украшения узды, 14 – уздечная обойма, 23 – деталь узды, 24, 28, 29, 35 – бубенчики, 30, 31 – двусоставная пряжка, 32 – несторианский крест, 33 – фрагмент амулета, 34 – амулет, 36-49 – бусы, 50 – серьга, 51 – заколка; 1-4 – железо, 5-13, 15-21 – бронза и кожа, 14 – бронза, 22 – бронза и железо, 23-31, 35 – бронза, 32, 33, 34, 50 – серебро, 36-38 – кораллы, 39-44 – раковины каури, 45, 46 – стекло, 47-49 – лазурит, 51 – железо и дерево

Рис. 27. Курганная группа Конеево. Курган №3.
План и разрезы могилы 1

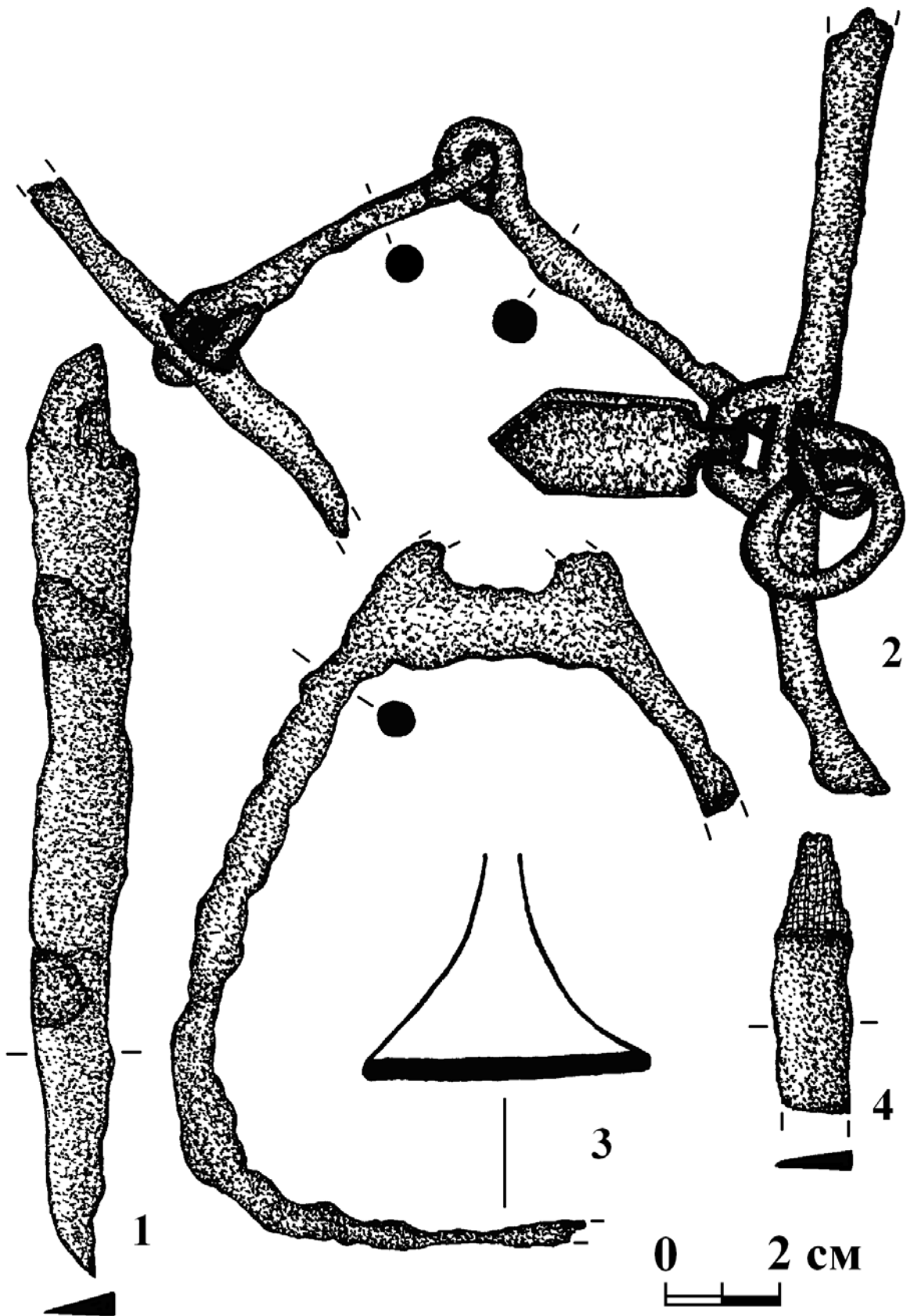

Рис. 28. Курганная группа Конево. Курган №3. Находки из могилы 1:
1 – нож, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – фрагмент ножа; 1-4 – железо

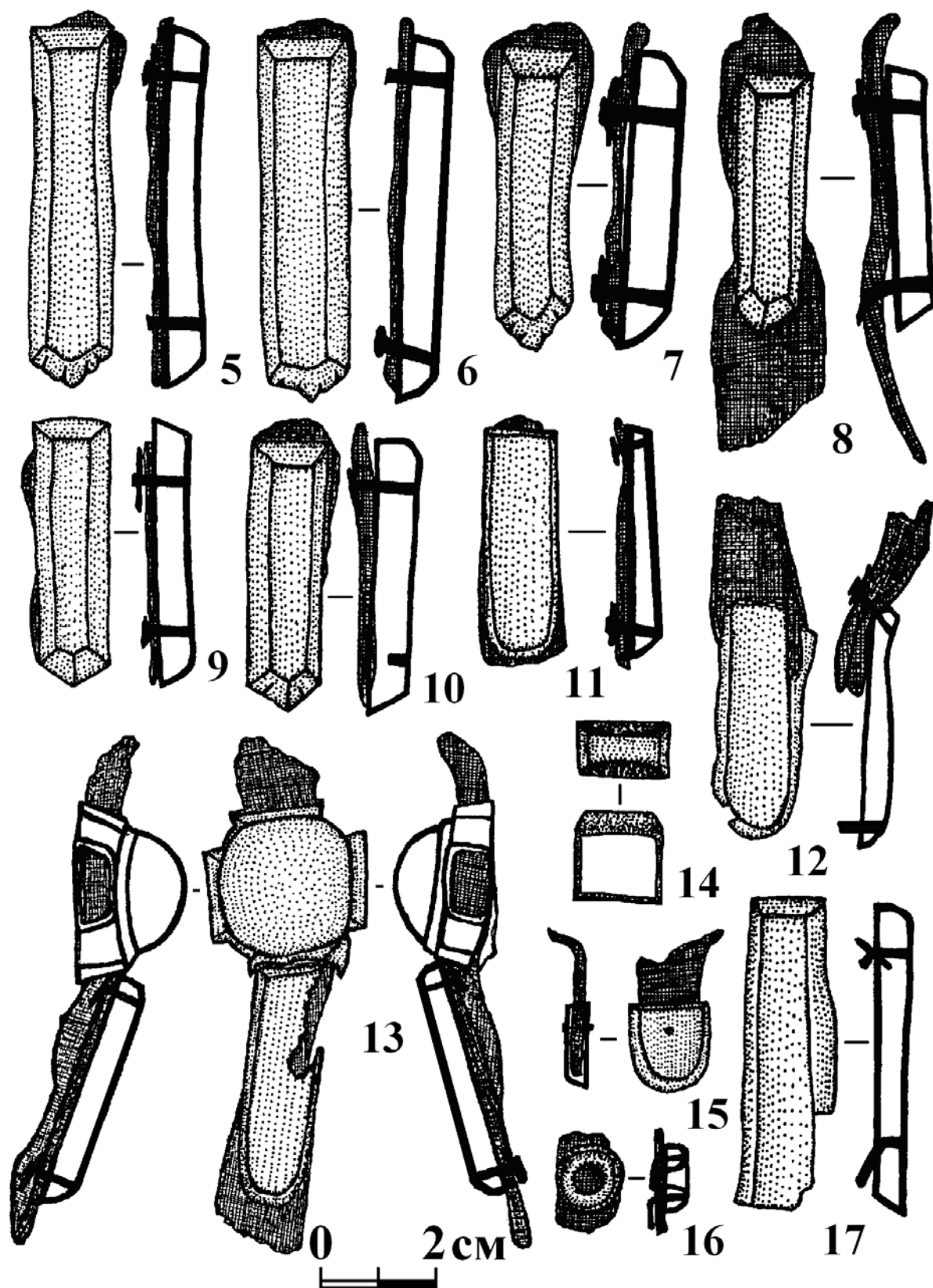

Рис. 29. Курганная группа Конеево. Курган №3. Находки из могилы 1:
 5-13, 15-17 – украшения узды, 14 – уздечная обойма;
 5-13, 15-17 – бронза и кожа, 14 – бронза

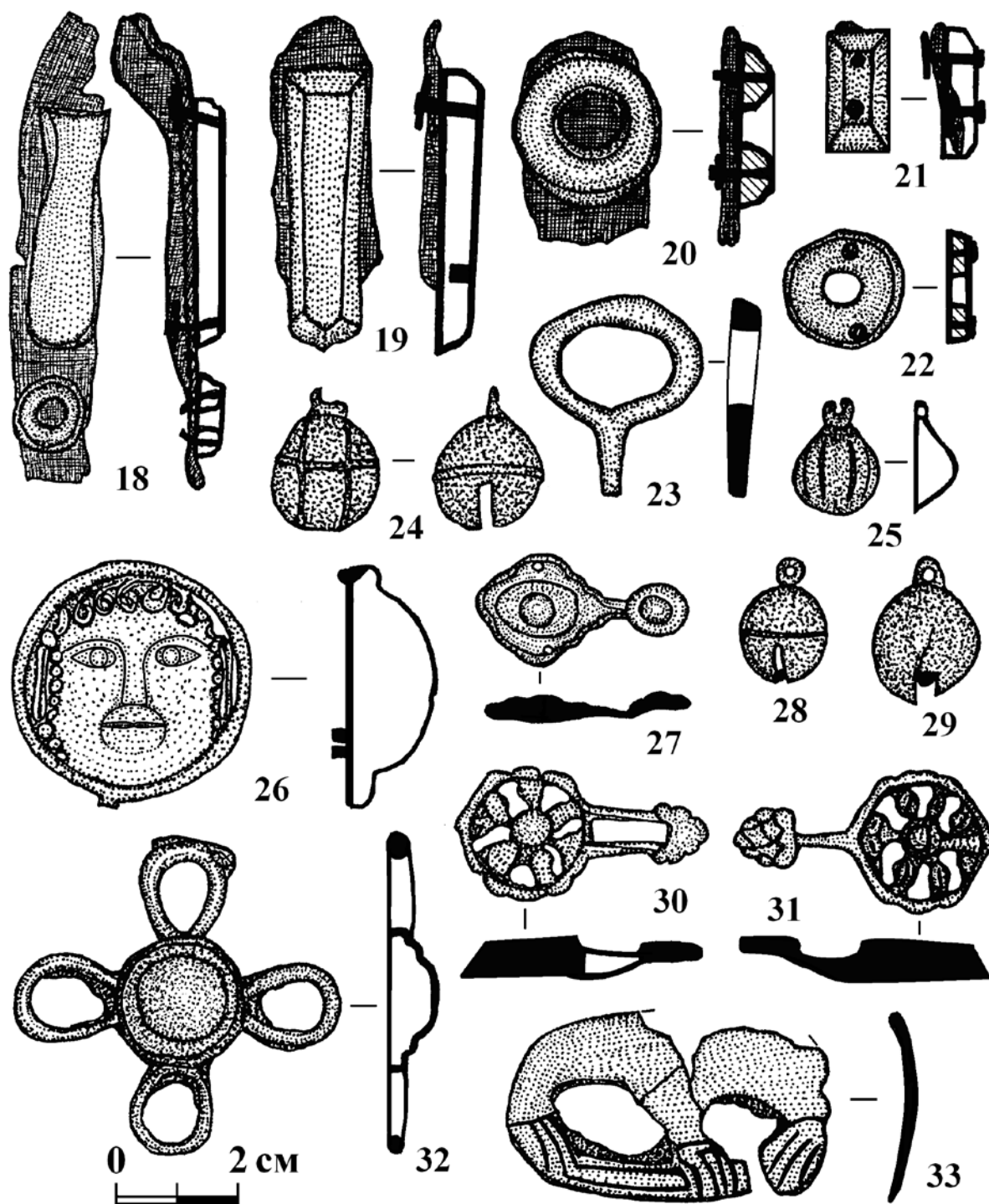

Рис. 30. Курганная группа Конево. Курган №3. Находки из могилы 1:
 18-22, 25-27 – украшения узды, 23 – деталь узды, 24, 28, 29 – бубенчики,
 30, 31 – двусоставная пряжка, 32 – несторианский крест, 33 – фрагмент
 амулета; 18-21 – бронза и кожа, 22 – бронза и железо,
 23-31 – бронза, 32, 33 – серебро

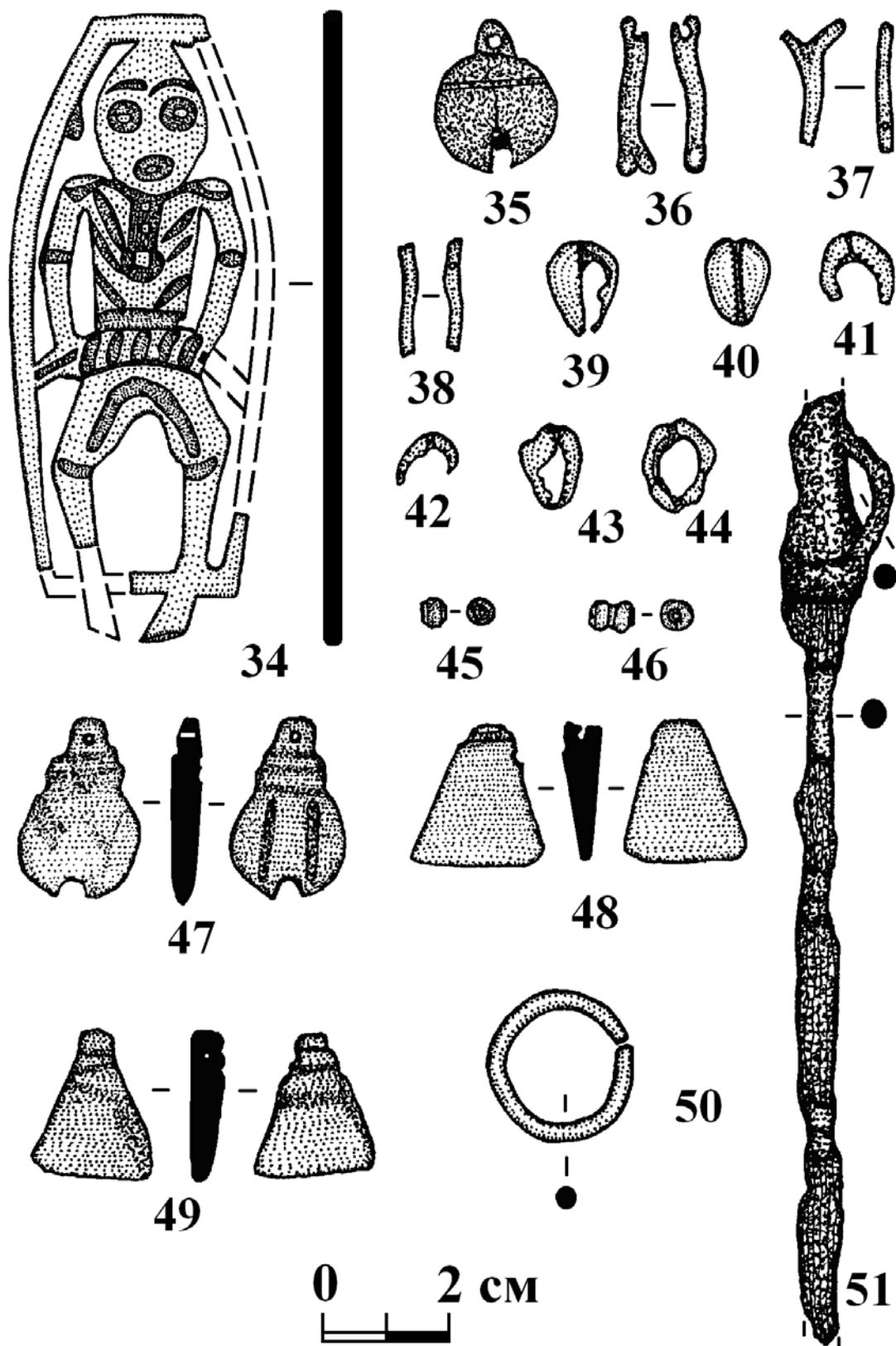
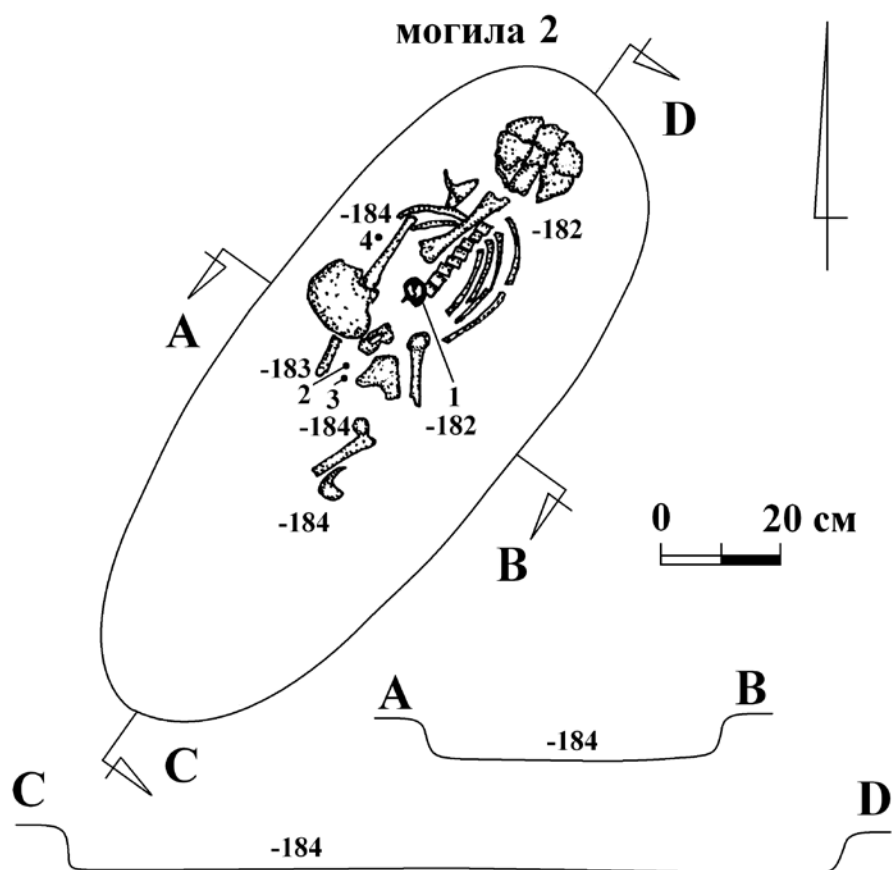

Рис. 31. Курганная группа Конеево. Курган №3. Находки из могилы 1:
 34 – амулет, 35 – бубенчик, 36-49 – бусы, 50 – серьга, 51 – заколка;
 34, 50 – серебро, 35 – бронза, 36-38 – кораллы, 39-44 – раковины
 каури, 45, 46 – стекло, 47-49 – лазурит, 51 – железо и дерево

Находки:

1 – ажурная бляха-амулет, 2-4 – бусы; 1 – бронза, 2-4 – стекло

Рис. 32. Курганная группа Конеево. Курган №3.
План и разрез могилы 2

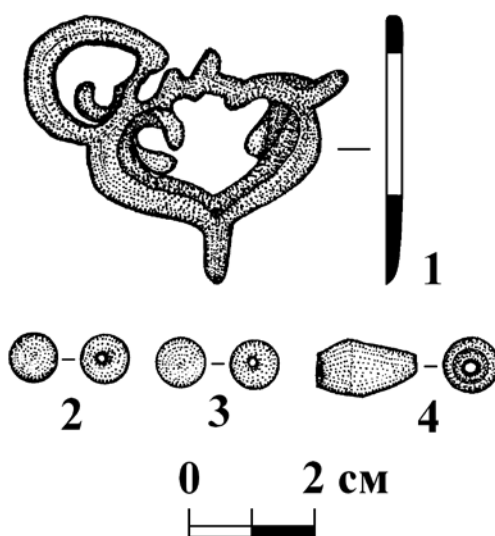
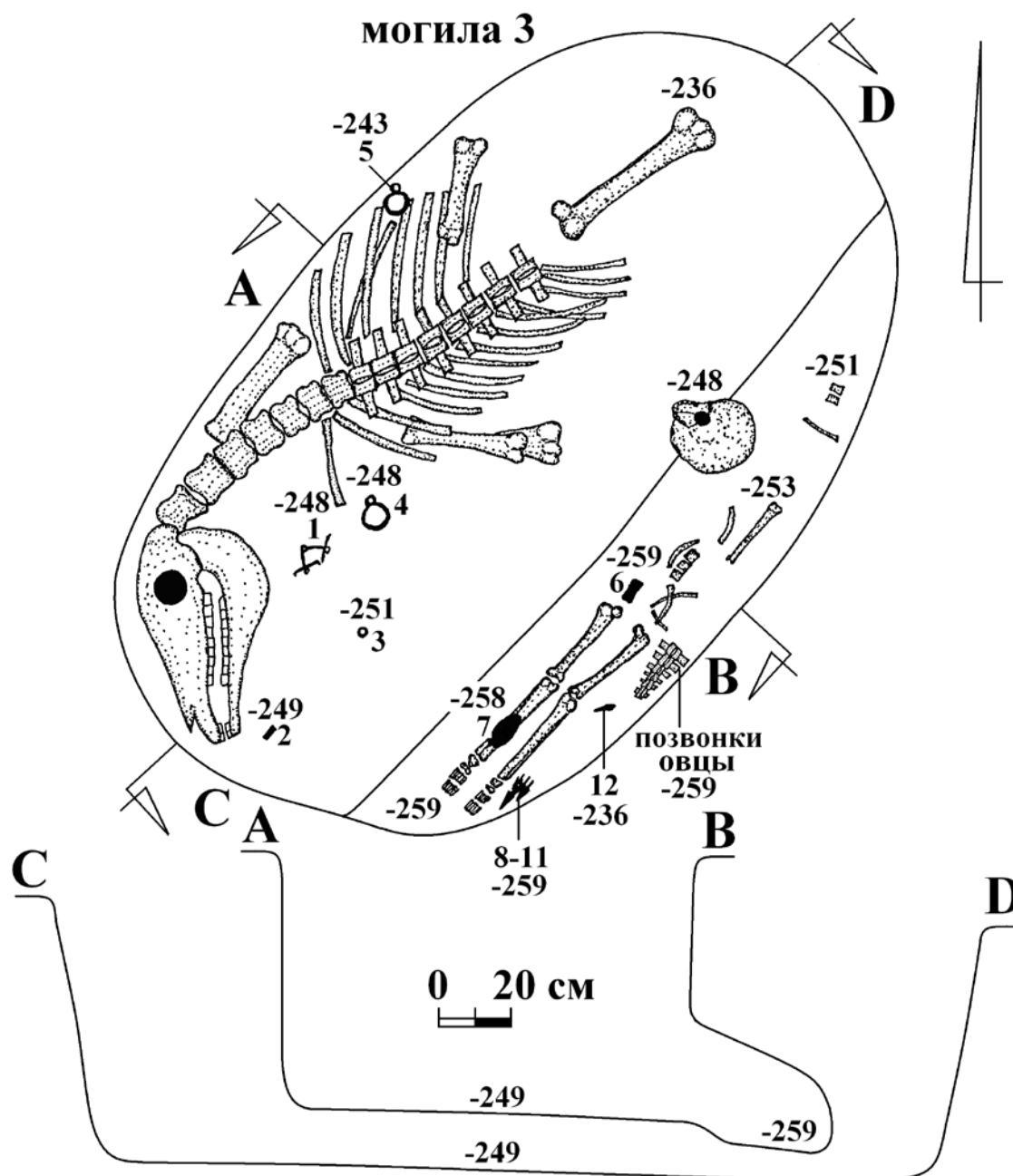

Рис. 33. Курганная группа Конеево. Курган №3. Находки из могилы 2:
1 – ажурная бляха-амулет, 2-4 – бусы; 1 – бронза, 2-4 – стекло

Находки:

1 – удила, 2 – фрагмент султанчика, 3 – уздечное кольцо с фрагментом ремешка, 4, 5 – стремяна, 6 – тесло, 7 – панцирная пластина, 8-11 – наконечники стрел, 12 – крепление колчана; 1, 2, 4-6 – железо, 3 – бронза и кожа, 7 – бронза, 8-11 – железо и дерево, 12 – кость

Рис. 34. Курганная группа Конеево. Курган №3.
План и разрезы могилы 3

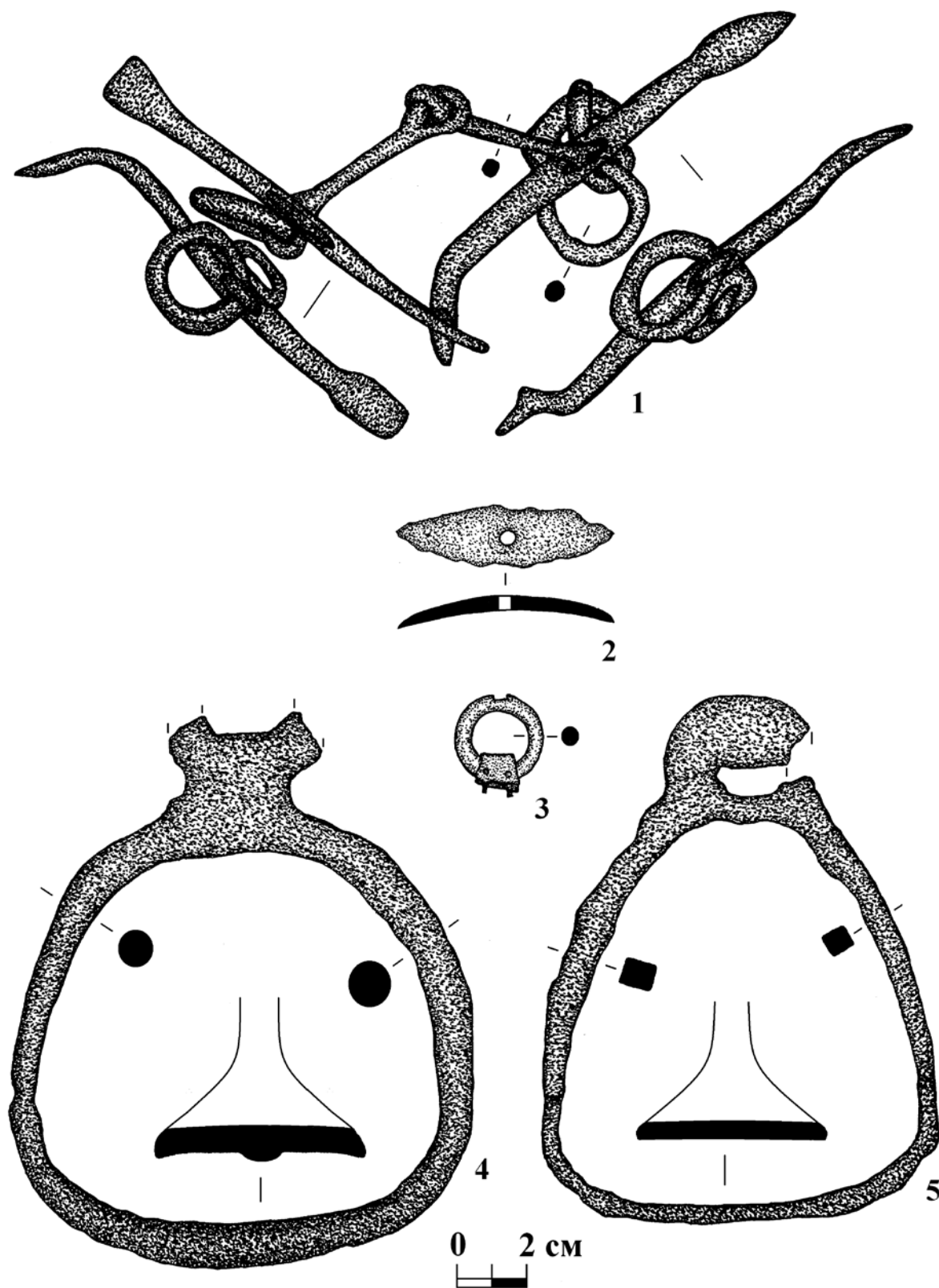

Рис. 35. Курганная группа Конеево. Курган №3. Находки из могилы 3:
1 – удила, 2 – фрагмент султанчика, 3 – уздечное кольцо с фрагментом
ремешка, 4, 5 – стремяна; 1, 2, 4, 5 – железо, 3 – бронза и кожа

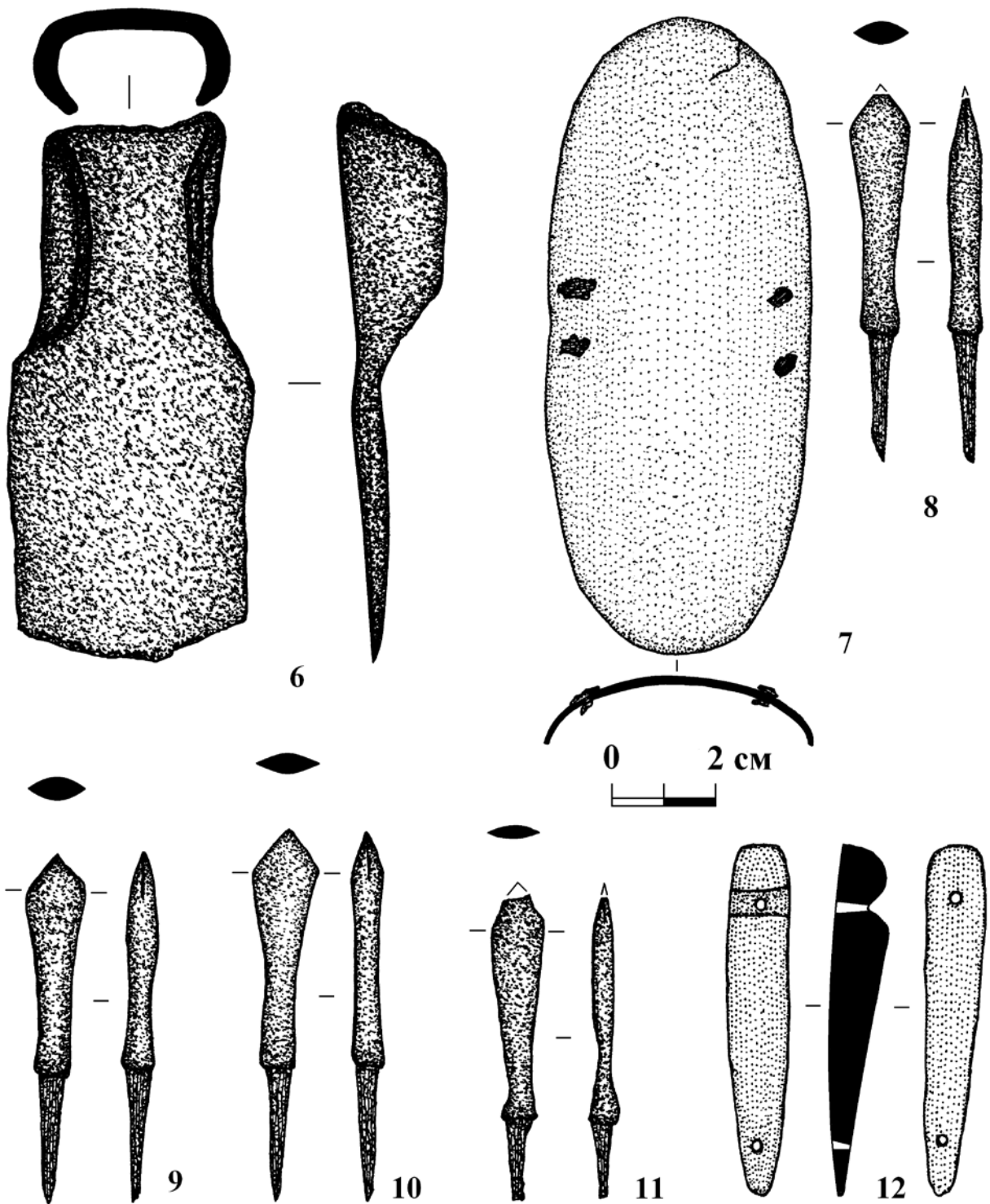

Рис. 36. Курганная группа Конеево. Курган №3. Находки из могилы 3:
6 – тесло, 7 – панцирная пластина, 8-11 – наконечники стрел,
12 – крепление колчана; 6 – железо, 7 – бронза,
8-11 – железо и дерево, 12 – кость

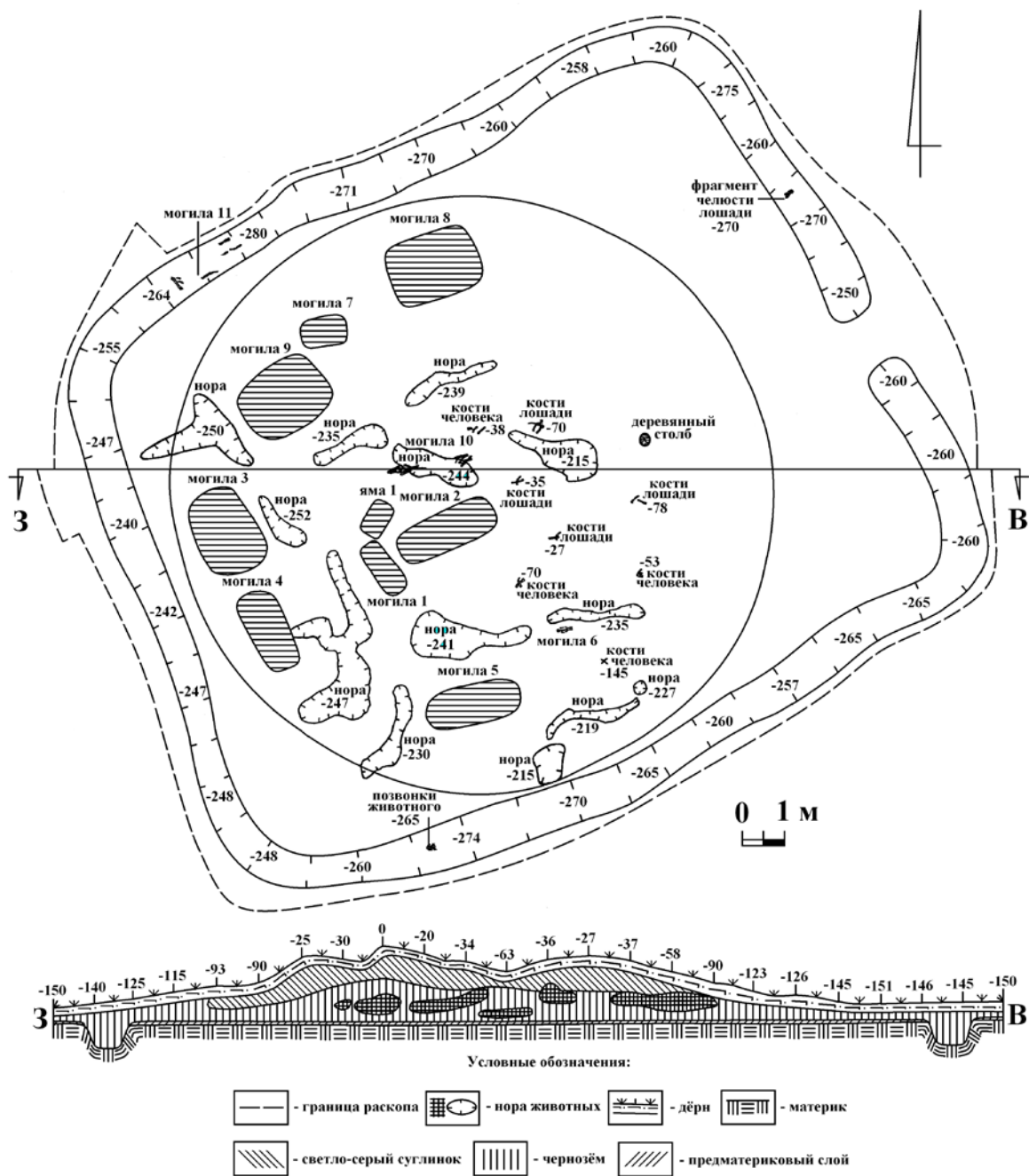

Рис. 37. Курганная группа Конево.
План и разрез насыпи кургана №4

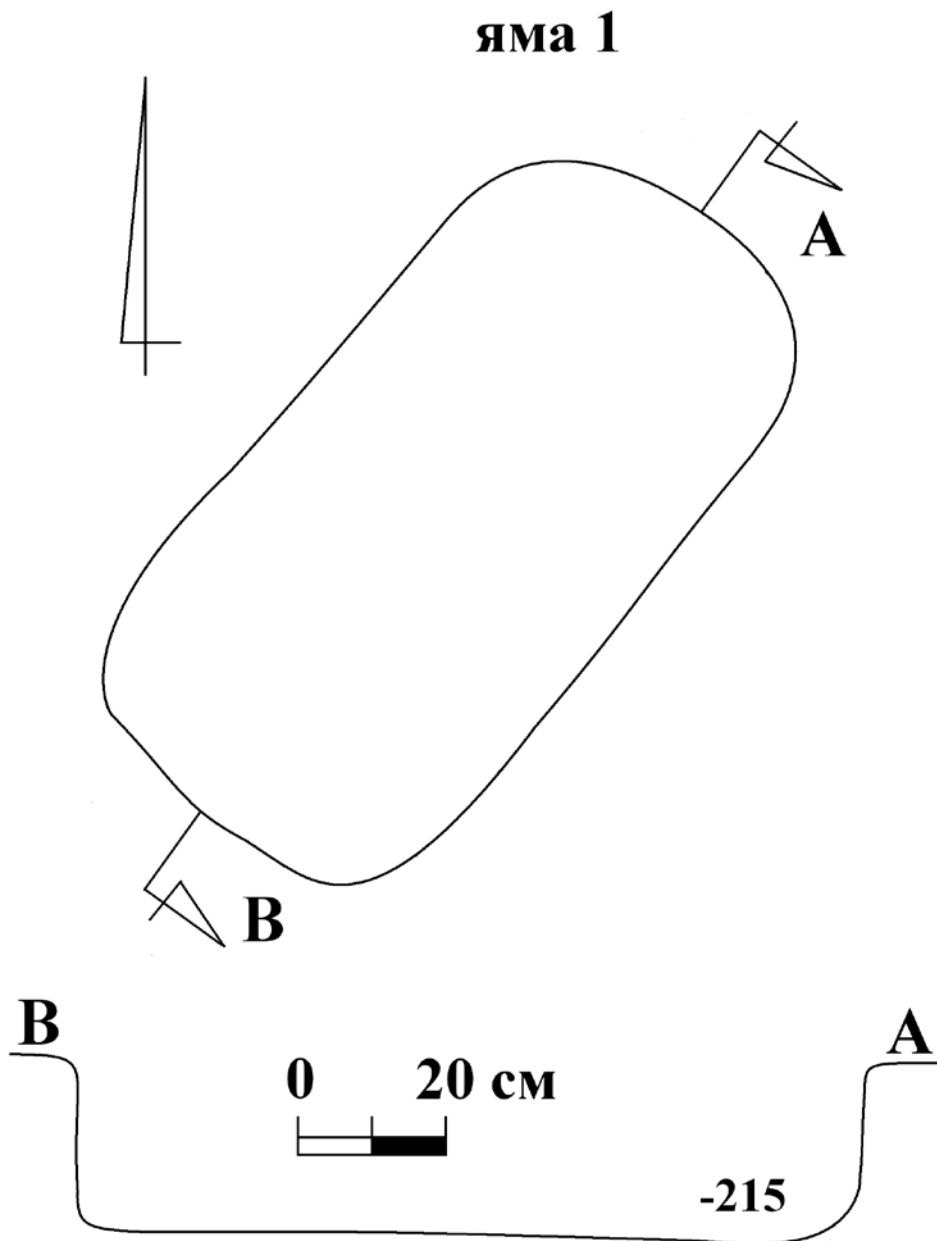
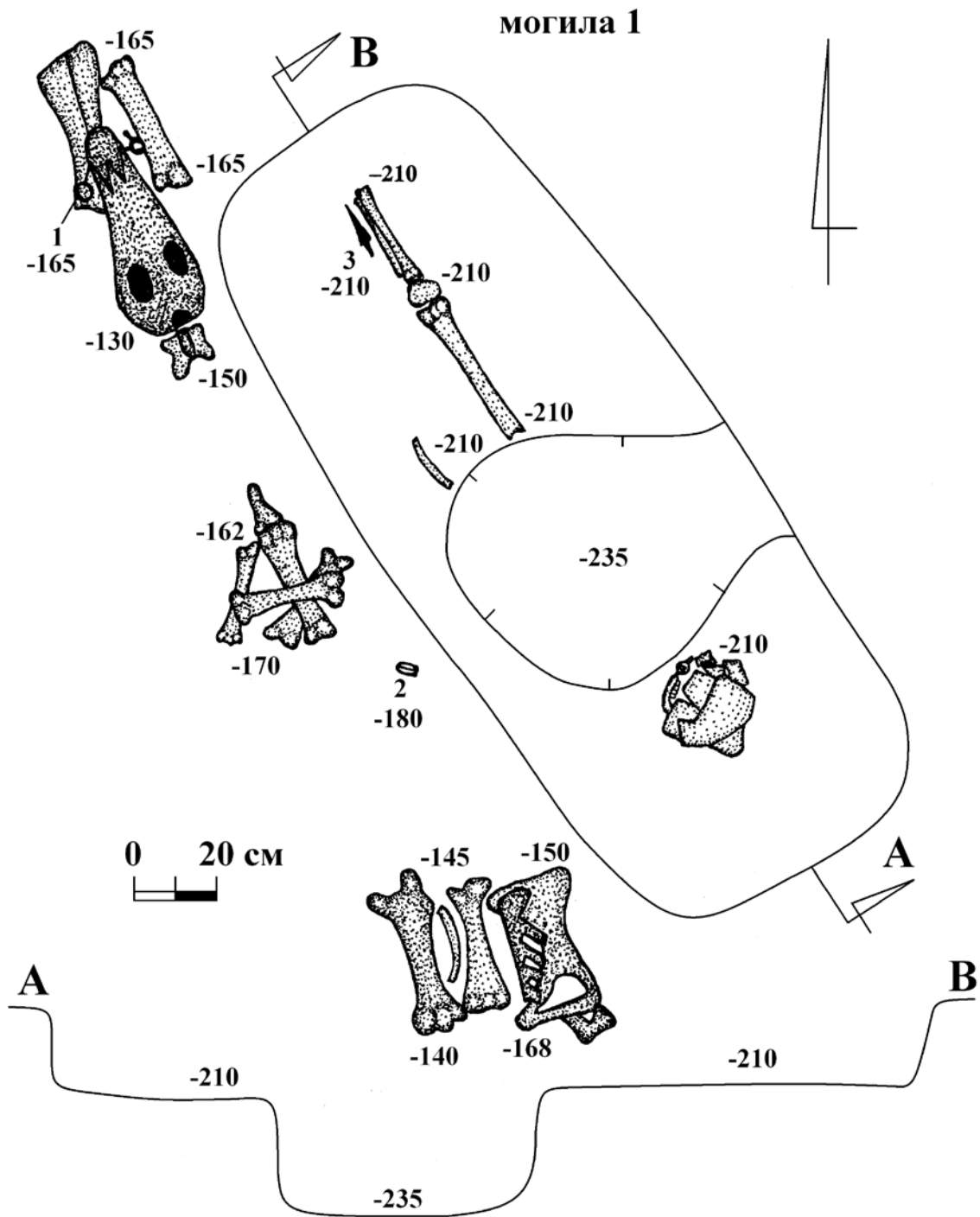

Рис. 38. Курганная группа Конevo. Курган №4.
План и разрезы ямы 1

Находки:

1 – удила, 2 – пряжка, 3 – нож; 1, 2 – железо, 3 – железо и рог

Рис. 39. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План и разрез могилы 1

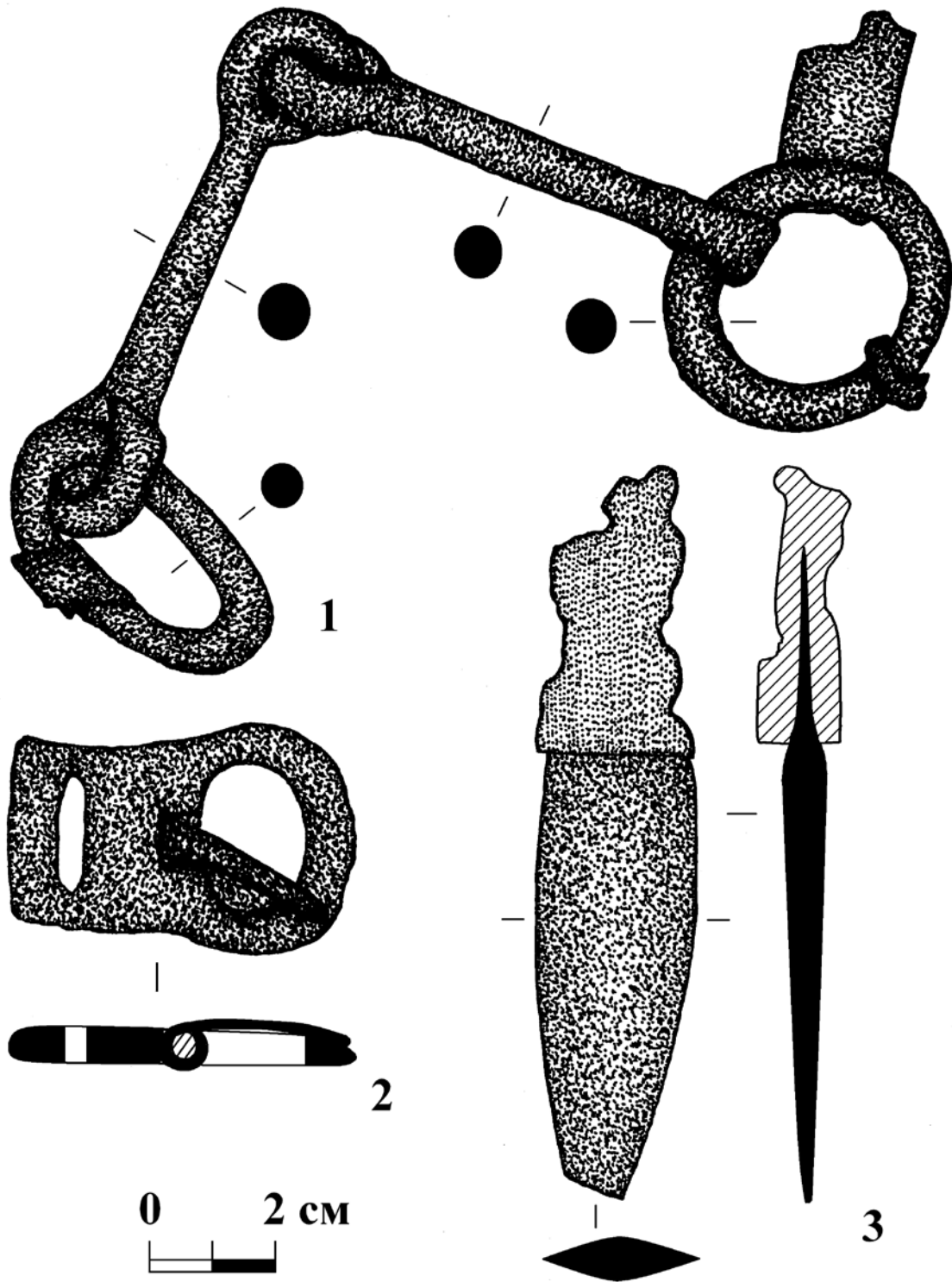
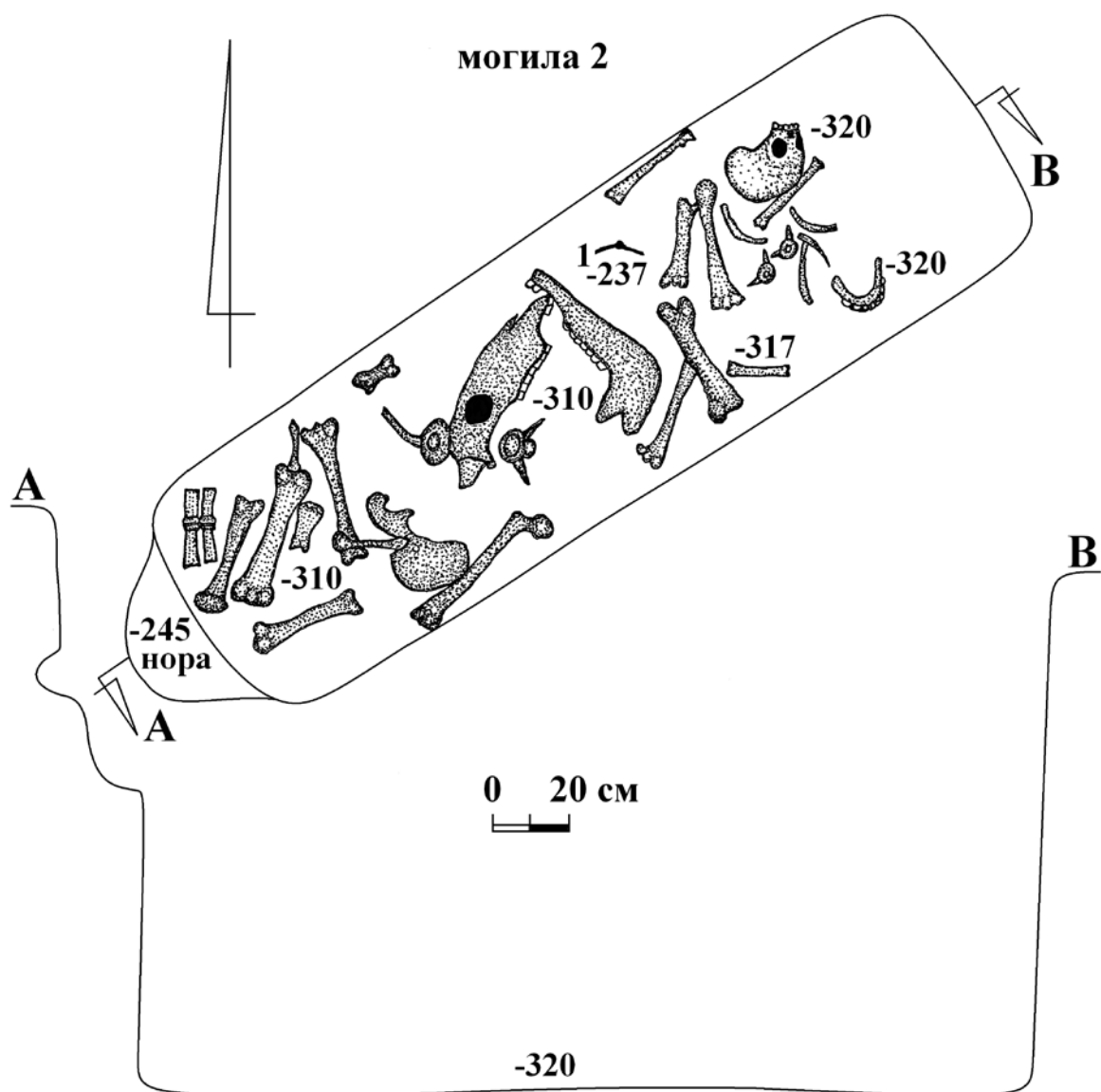

Рис. 40. Курганная группа Конеево. Курган №4. Находки из могилы 1:
1 – удила, 2 – пряжка, 3 – нож; 1, 2 – железо, 3 – железо и рог

Находка:

1 – фрагменты удила; 1 – железо

Рис. 41. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План и разрез могилы 2

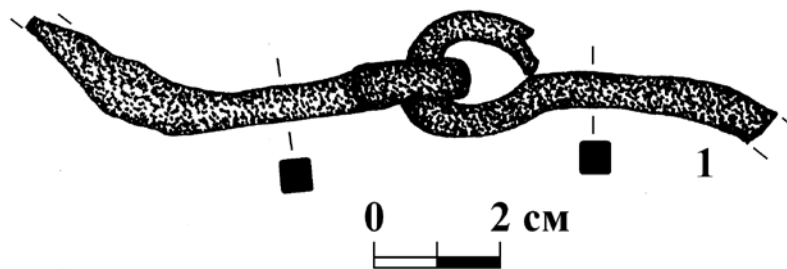
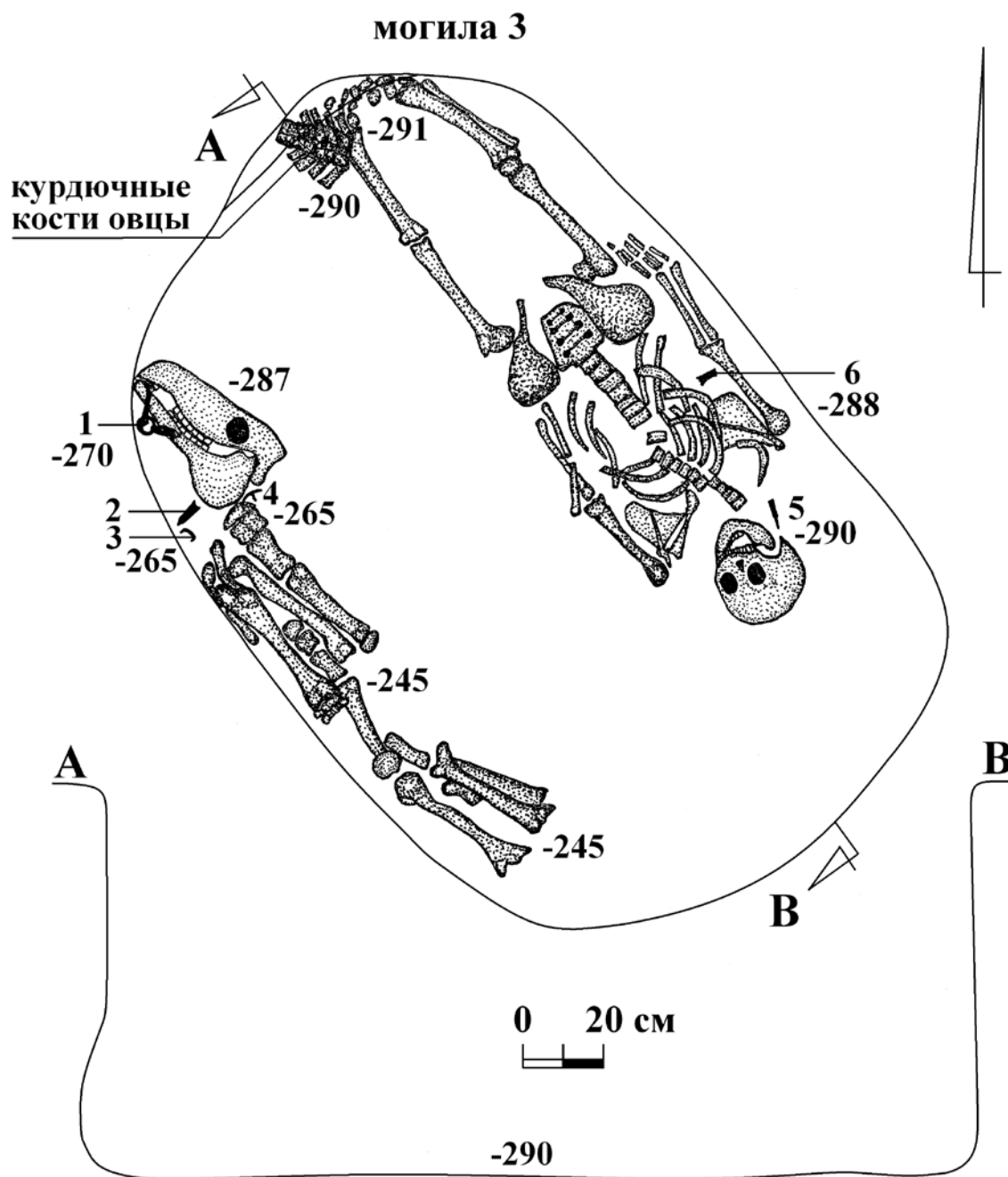

Рис. 42. Курганная группа Конеево. Курган №4.
Находка из могилы 2: 1 – фрагменты удила; 1 – железо

Находки:

1 – удила с псалями и обоймами, 2 – бляха-накладка,
3, 4 – предметы неизвестного назначения, 5 – фрагмент ножа,
6 – наконсница; 1-5 – железо, 6 – кость

Рис. 43. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План и разрезы могилы 3

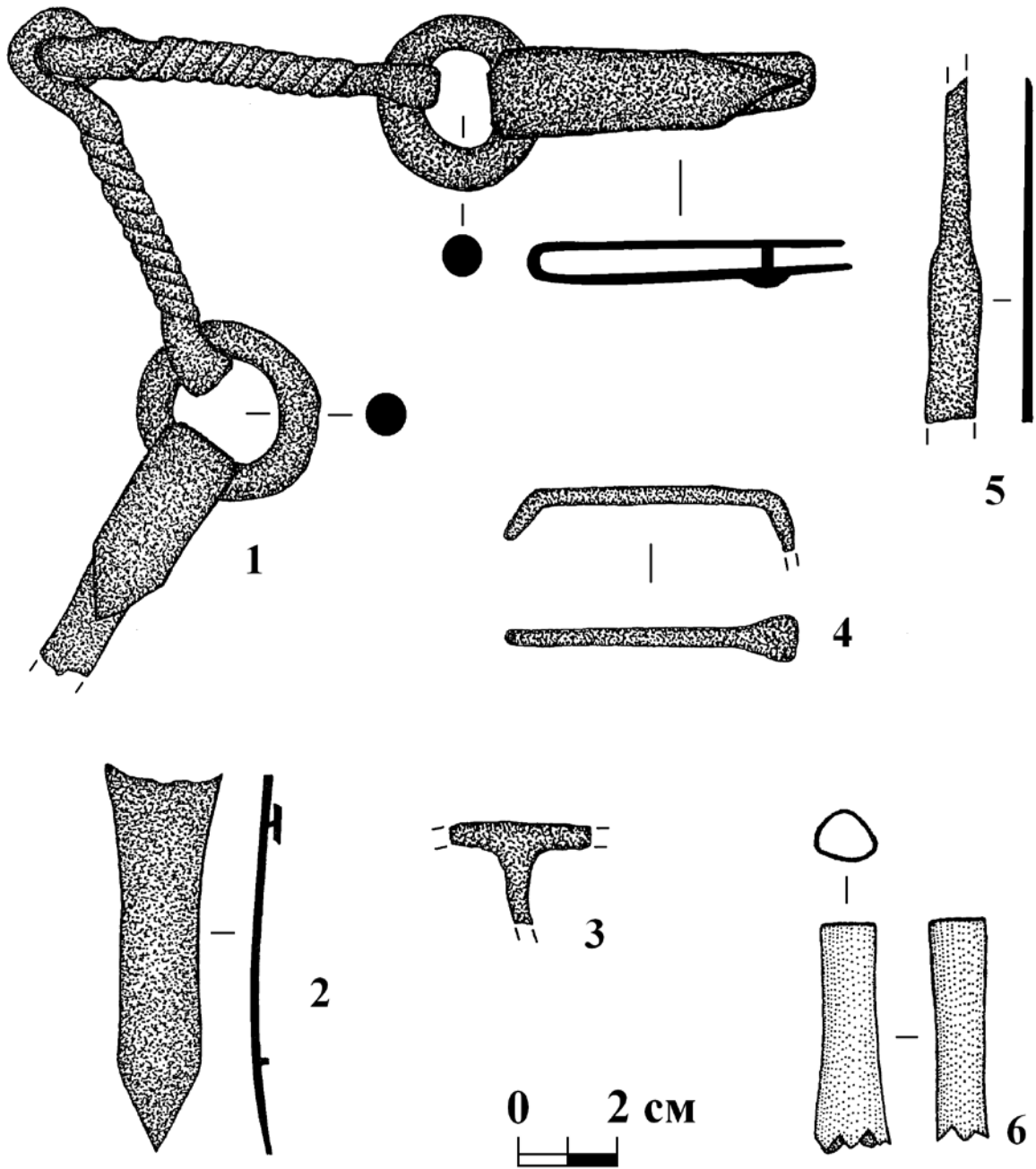

Рис. 44. Курганная группа Конеево. Курган №4. Находки из могилы 3:
1 – удила с псалями и обоймами, 2 – бляха-накладка, 3, 4 –
предметы неизвестного назначения, 5 – фрагмент ножа,
6 – наконсница; 1-5 – железо, 6 – кость

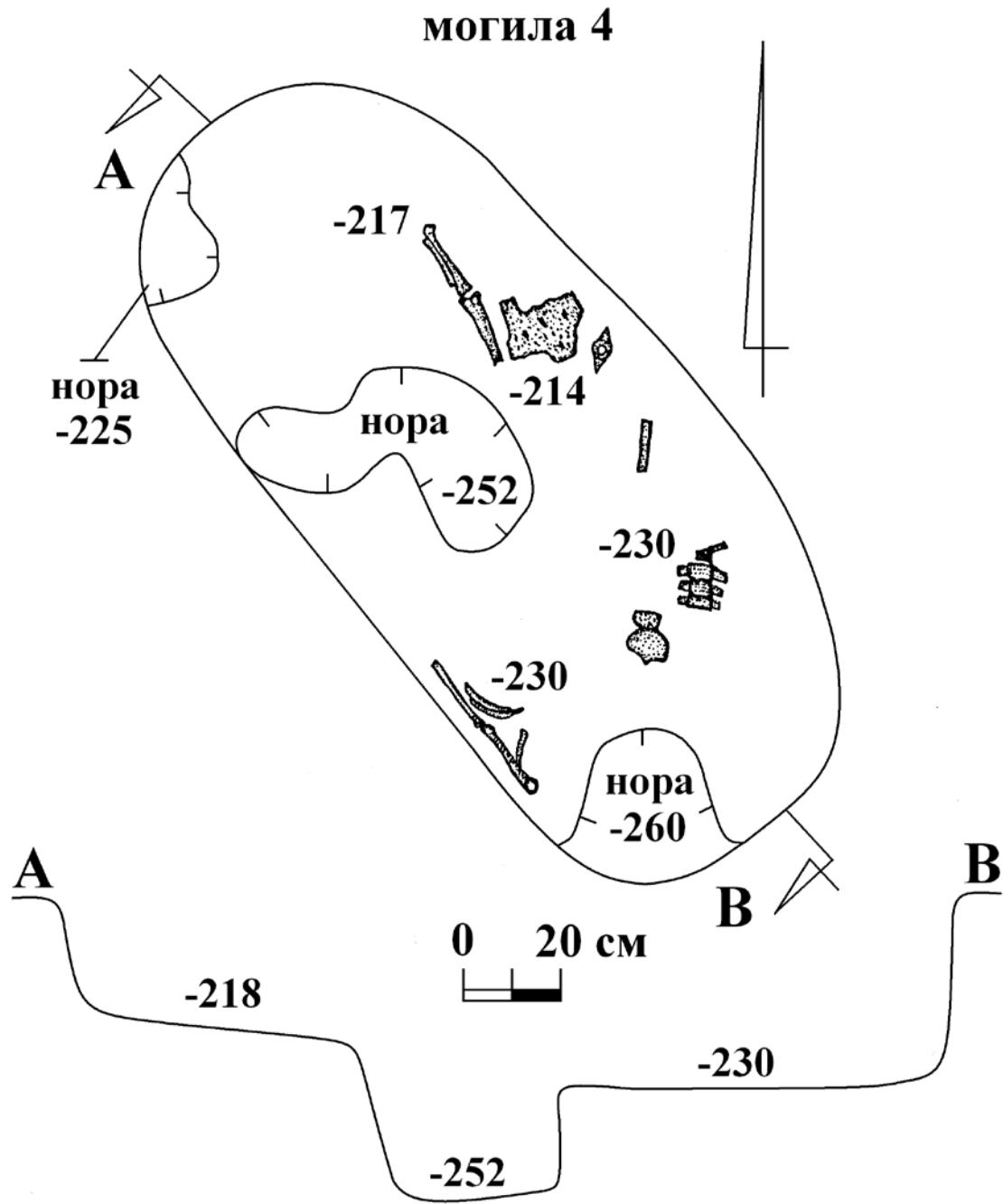

Рис. 45. Курганная группа Конево. Курган №4.
План и разрез могилы 4

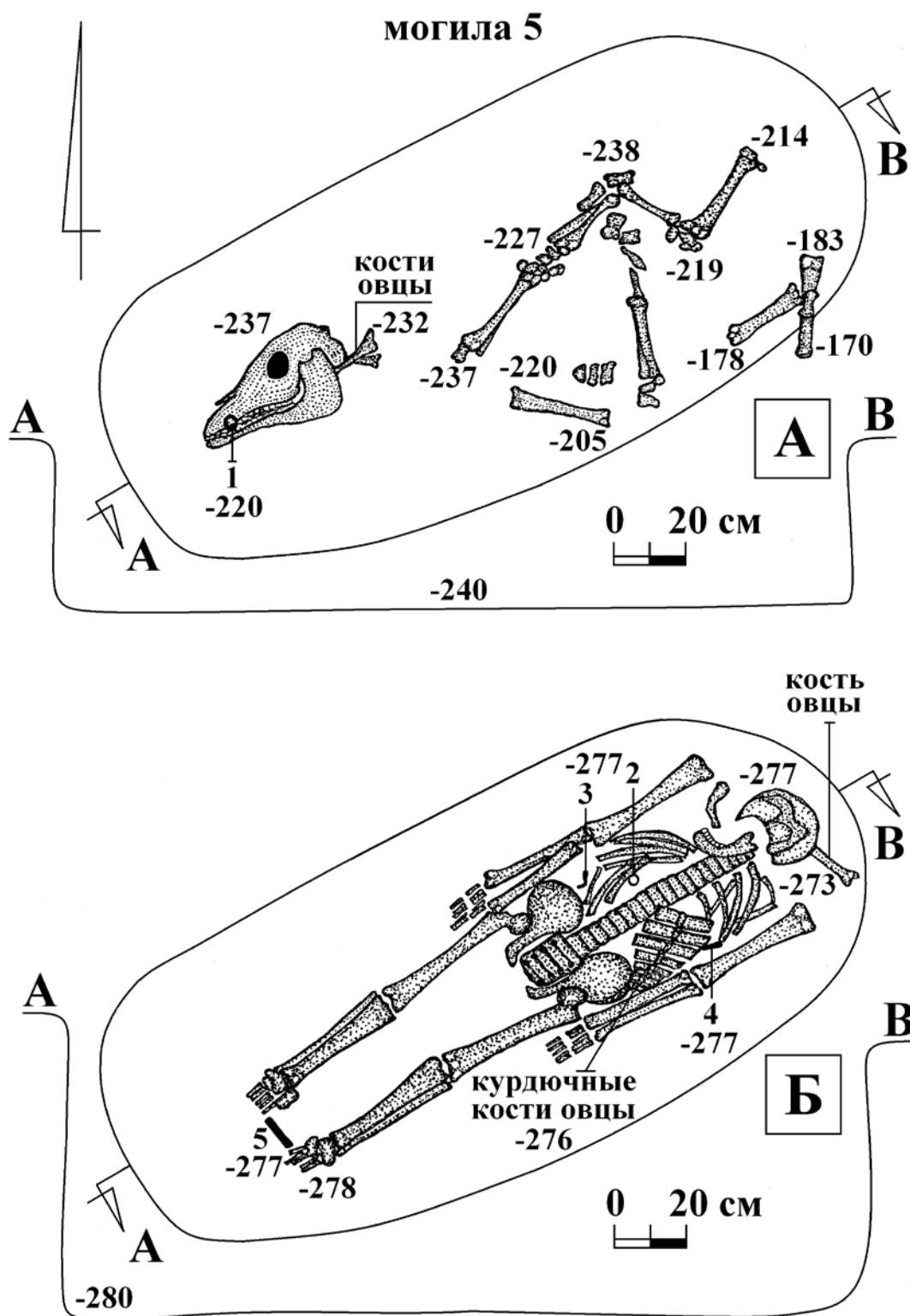

Рис. 46. Курганная группа Конеево. Курган №4. Планы и разрезы могилы 5:
 А – захоронение шкуры лошади в верхнем слое могилы;
 Б – захоронение человека на дне могилы

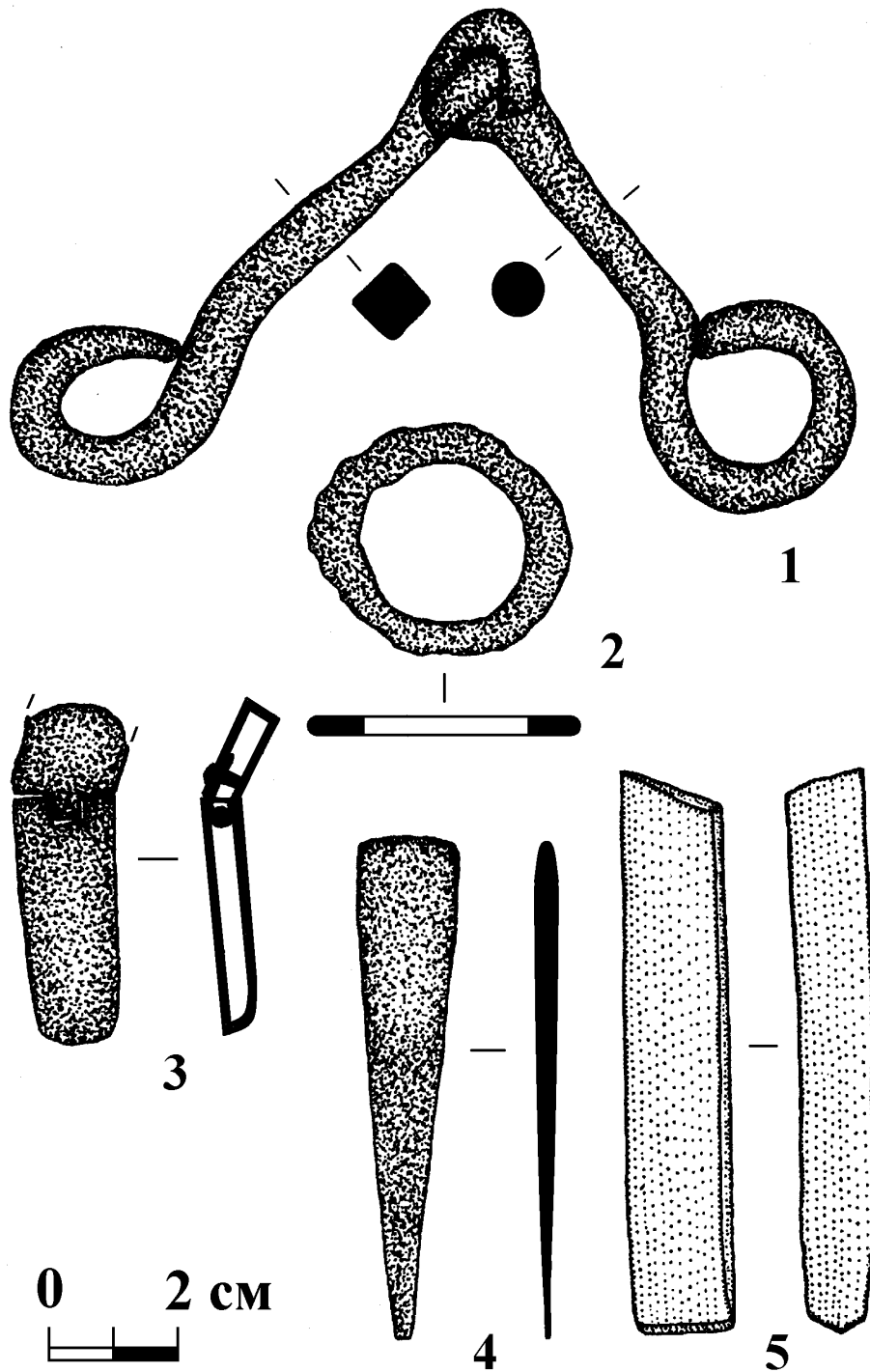
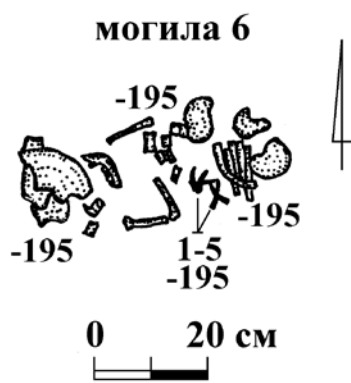

Рис. 47. Курганная группа Конеево. Курган №4. Находки из могилы 5:
1 – удила, 2 – кольцо, 3 – ременная накладка, 4 – фрагмент пинцета,
5 – точило; 1-4 – железо, 5 – камень

Находки:
1-5 – ожерелье; 1-5 – клыки волка (или собаки)

Рис. 48. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План могилы 6

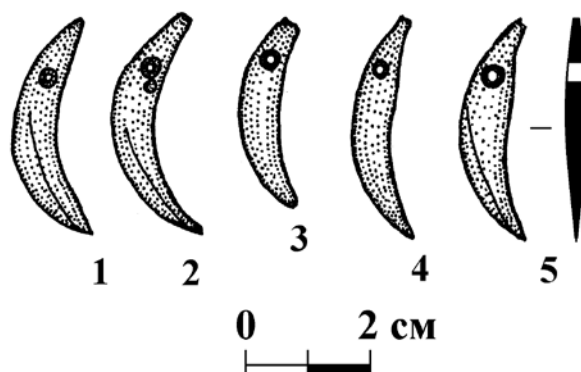

Рис. 49. Курганная группа Конеево. Курган №4. Находки из могилы 6:
1-5 – ожерелье; 1-5 – клыки волка (или собаки)

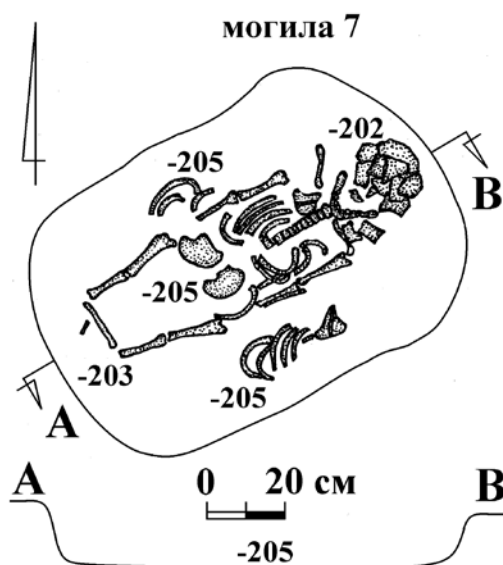
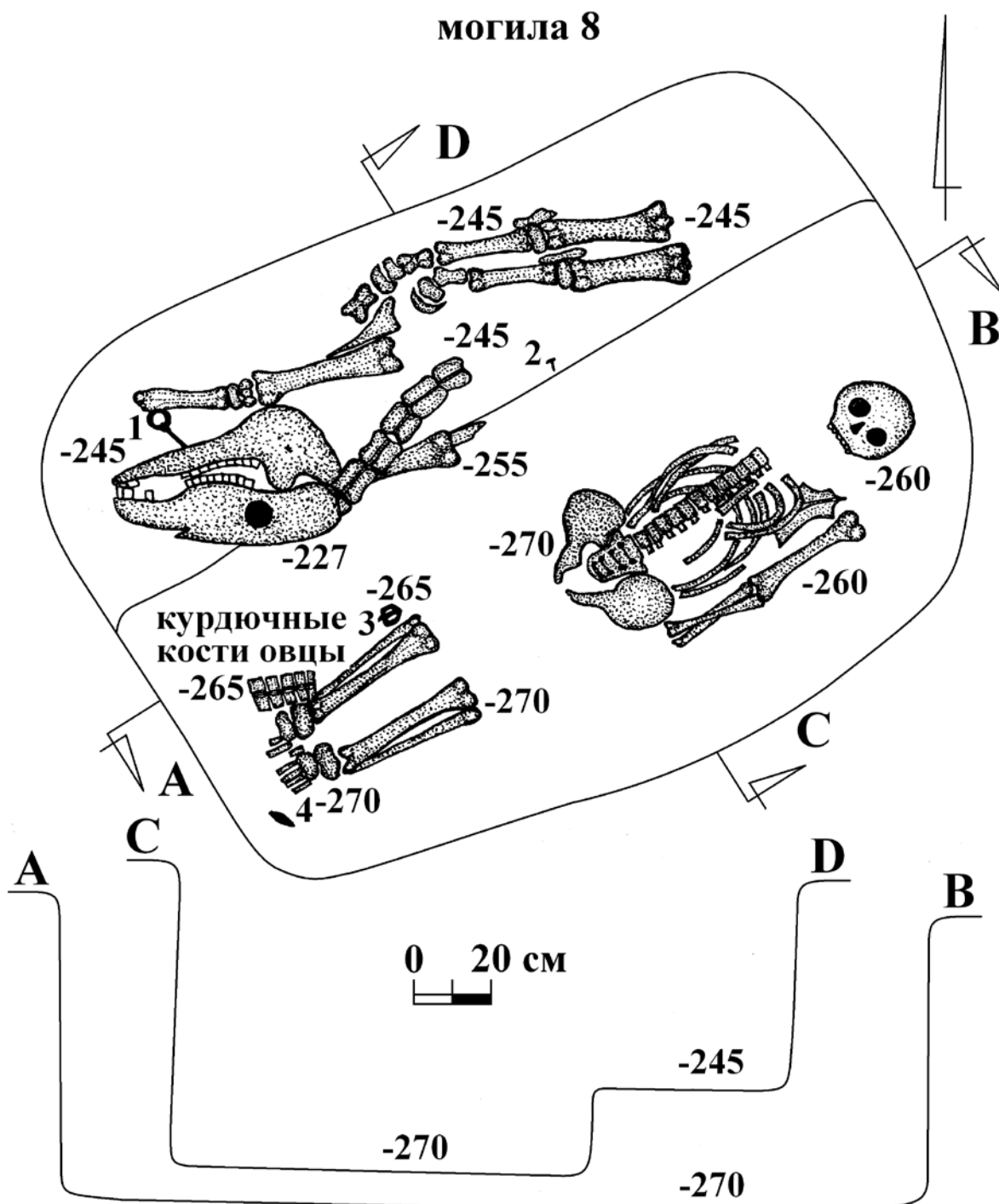

Рис. 50. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План и разрез могилы 7

Находки:

1 – удила с псалями, 2 – крепление седла, 3 – пряжка,
4 – пуговица; 1-3 – железо, 4 – кость

Рис. 51. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План и разрезы могилы 8

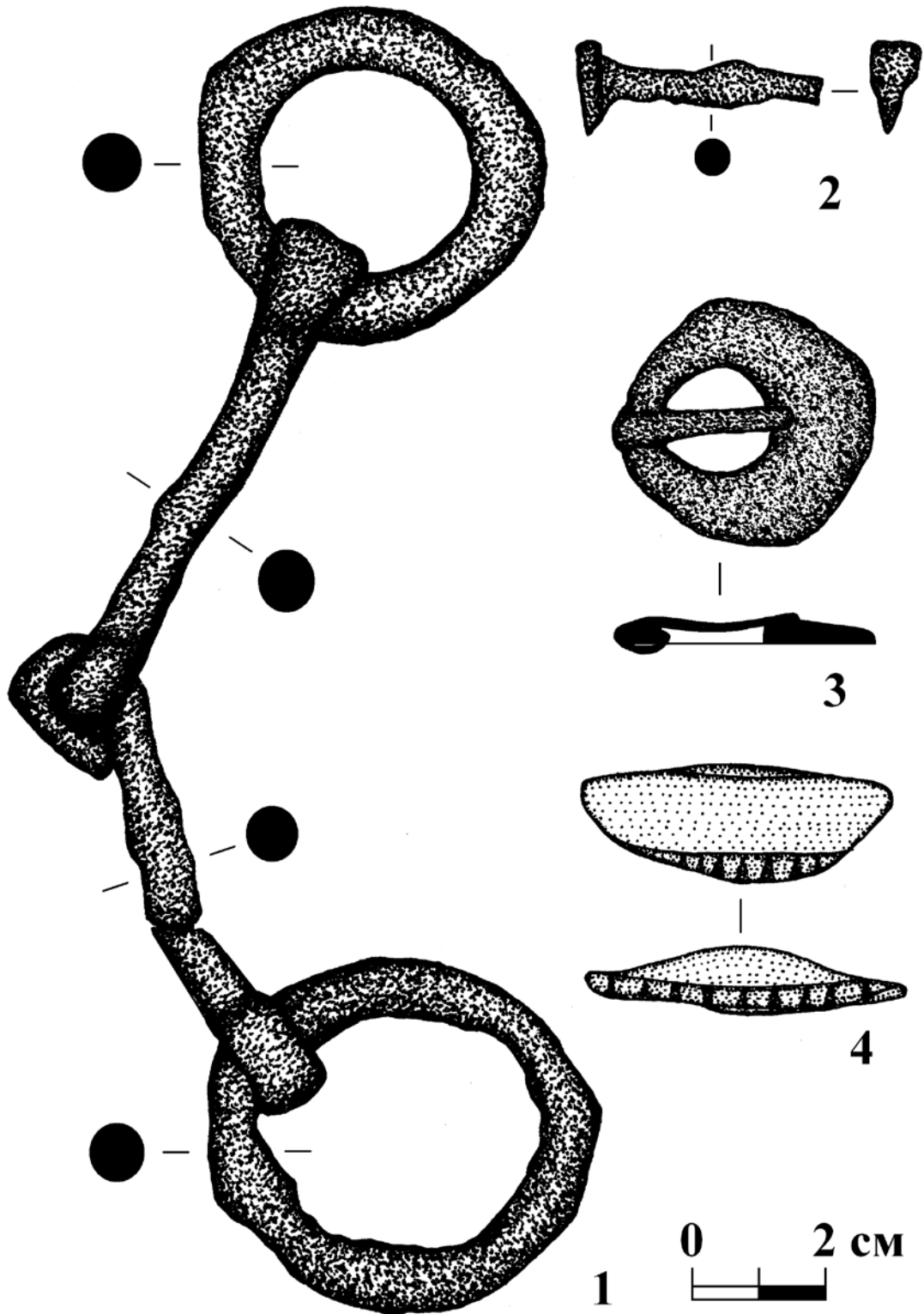
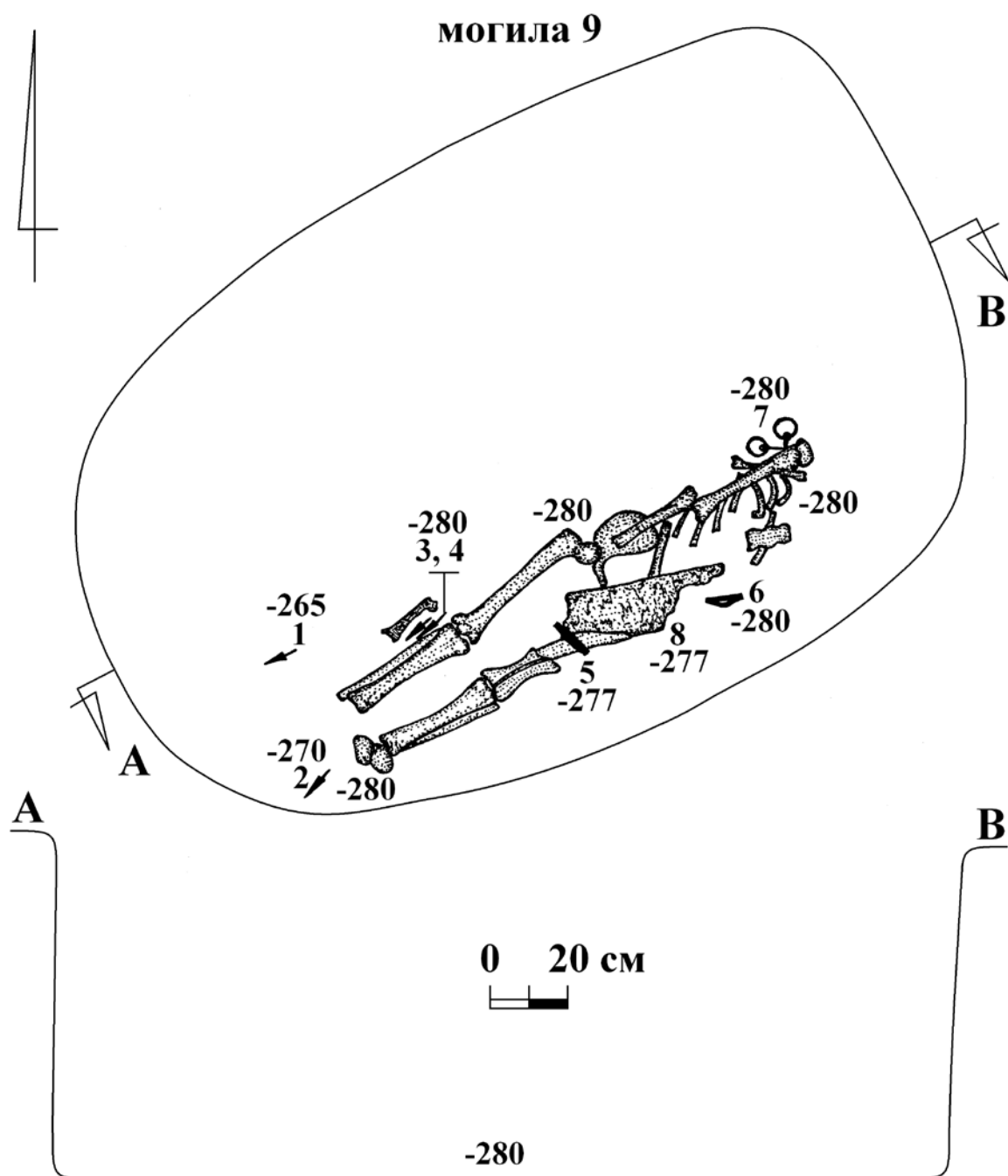

Рис. 52. Курганная группа Конево. Курган №4. Находки из могилы 8:
1 – удила с псалиями, 2 – крепление седла, 3 – пряжка, 4 – пуговица;
1-3 – железо, 4 – кость

Находки:

- 1-4 – наконечники стрел, 5 – нож, 6 – крепление колчана,
7 – удила с псалями, 8 – фрагменты колчана;
1-5, 7 – железо, 6 – кость, 8 – береста**

Рис. 53. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План и разрез могилы 9

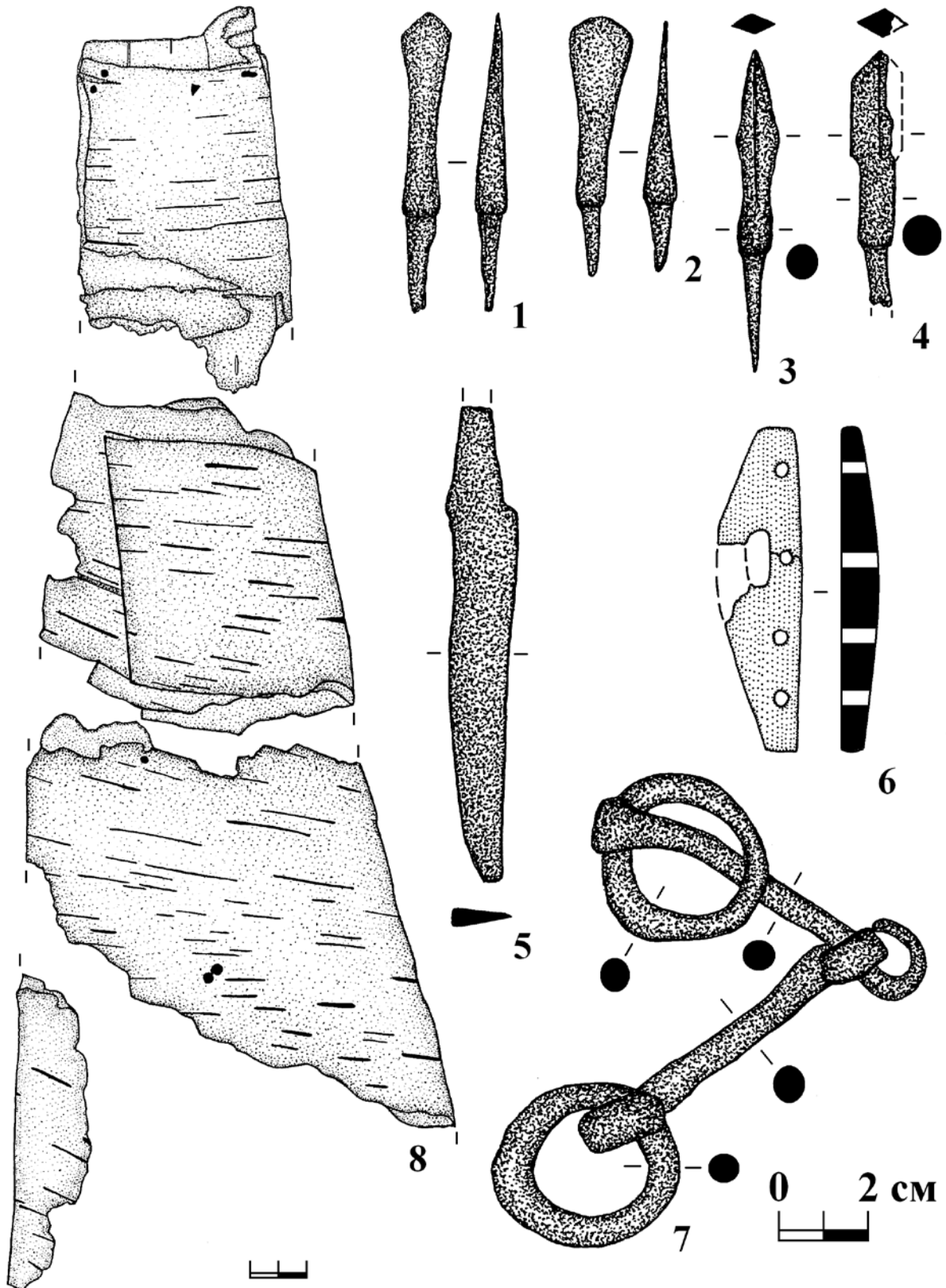

Рис. 54. Курганная группа Коново. Курган №4. Находки из могилы 9:
 1-4 – наконечники стрел, 5 – нож, 6 – крепление колчана, 7 – удила с псалями,
 8 – фрагменты колчана; 1-5, 7 – железо, 6 – кость, 8 – береста

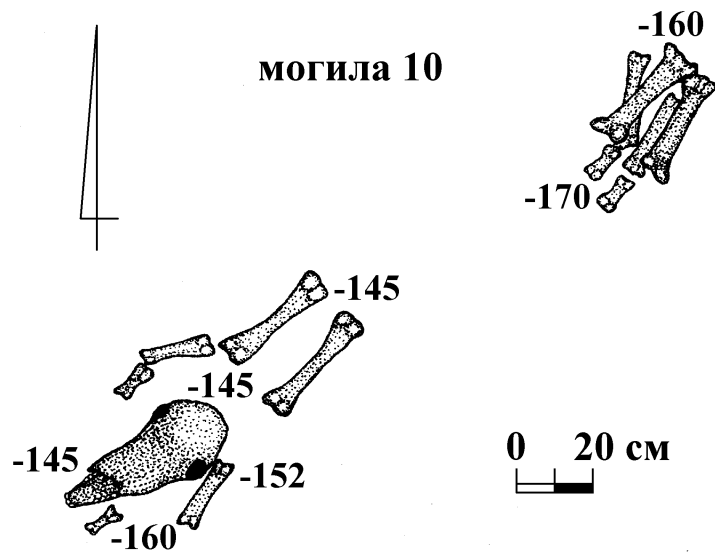

Рис. 55. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План могилы 10

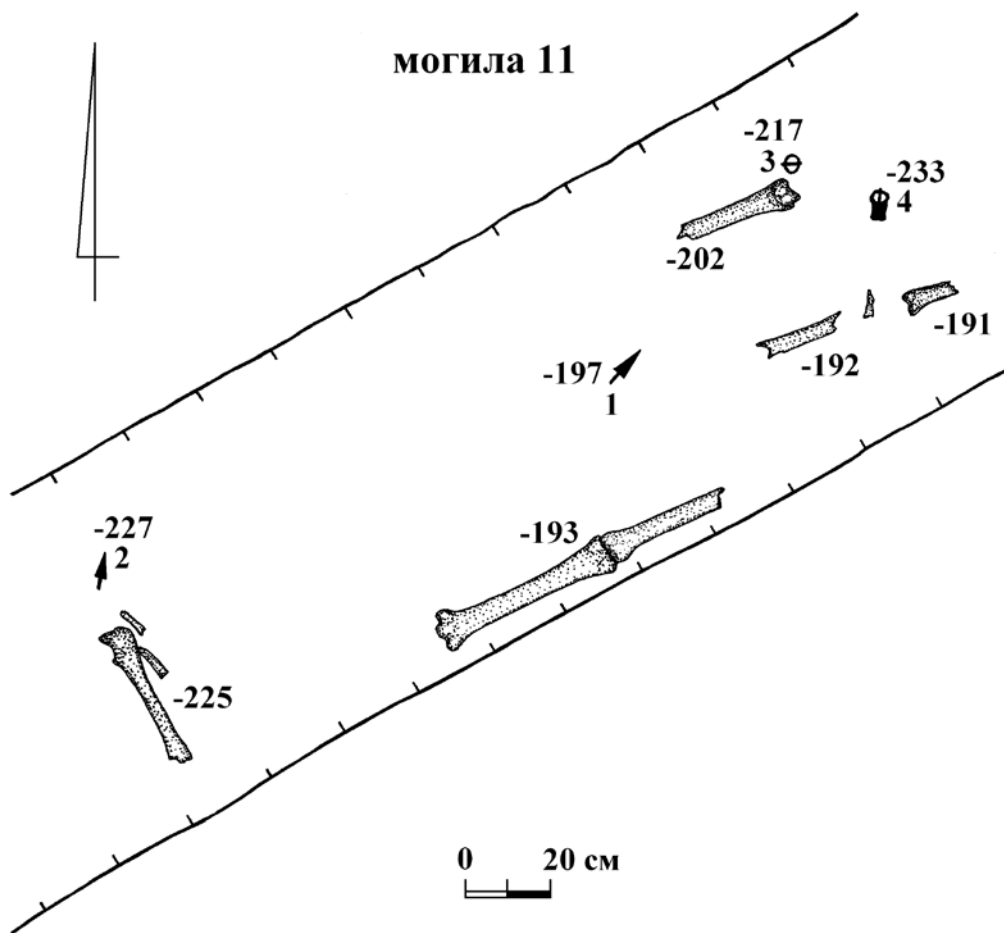

Рис. 56. Курганная группа Конеево. Курган №4.
План могилы 11 (впускное захоронение во рву)

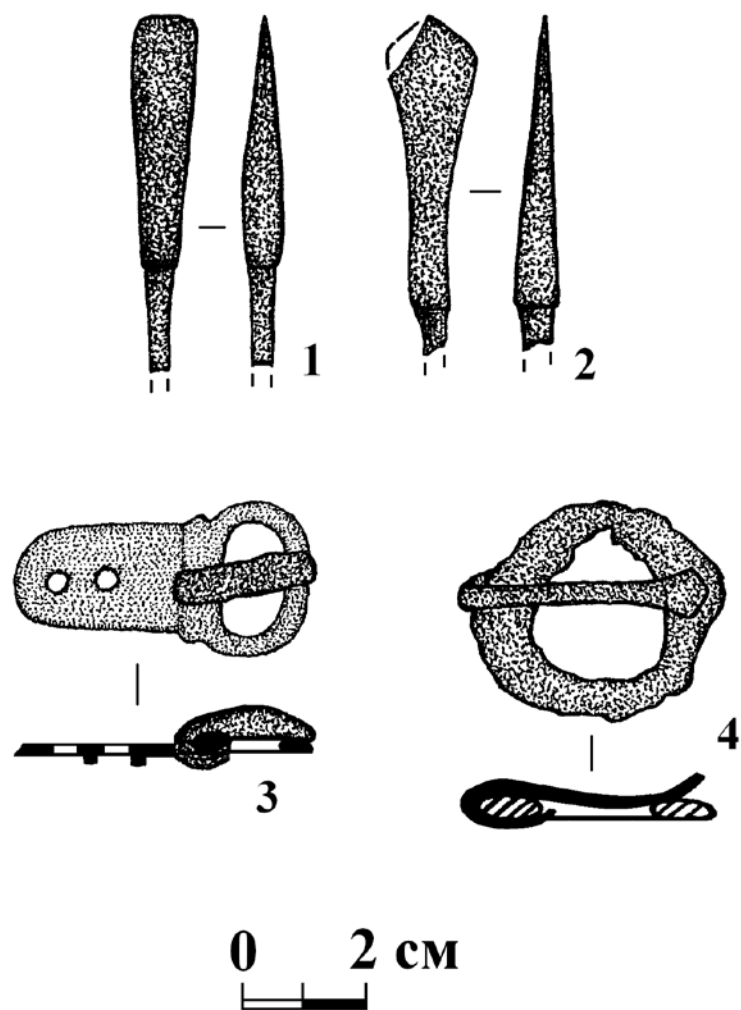

Рис. 57. Курганная группа Конев. Курган №4.
Находки из могилы 11: 1, 2 – наконечники стрел, 3, 4 – пряжки;
1, 2, 4 – железо, 3 – бронза и железо

Приложение 1

Фото 1. Курганная группа Конево.
Курган №1. Вид с ССВ на насыпь
до начала раскопок

Фото 2. Курганная группа Конево.
Курган №1. Вид с ССВ на перешеек рва
«вход» в сакральное пространство

Фото 3. Курганная группа Конево.
Курган №1. Вид с ССЗ на пятно могилы 1
на уровне материка после зачистки

Фото 4. Курганная группа Конево.
Курган №1. Вид с ВСВ на могилу 1
после зачистки

Фото 5. Курганная группа Конево.
Курган №1. Вид с СЗ на пятно могилы 2
на уровне материка после зачистки

Фото 6. Курганная группа Конево.
Курган №1. Вид с ССВ на захоронение
мужчины в подбое могилы 2

Приложение 1

Фото 7. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ССВ на насыпь
до начала раскопок

Фото 8. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ЮЮЗ на восточную
часть рва

Фото 9. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ССВ на погребение
шкуры лошади в могиле 1

Фото 10. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ЮЮЗ на захоронение
человека со шкурой лошади в могиле 2

Фото 11. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с С на захоронение
женщины в подбое могилы 3

Фото 12. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ЮЮВ на пятно могилы
4 после зачистки материка

Приложение 1

Фото 13. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ЮЮОВ на захоронение лошади в могиле 4 в процессе зачистки

Фото 14. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с ССЗ на захоронение мужчины и лошади в могиле 4

Фото 15. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид на фрагмент берестяного чехла в могиле 6 и захоронение мужчины

Фото 16. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Вид с СЗ на захоронение человека и шкуры лошади в могиле 6

Фото 17. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Вид с ССВ на насыпь до начала раскопок

Фото 18. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Вид с СВ на площадь раскопа после зачистки материка

Приложение 1

Фото 19. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Вид с ССЗ на захоронение
человека и шкуры лошади в могиле 1

Фото 20. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Вид с ЮЮЗ на захоронение
ребенка в могиле 2

Фото 21. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Вид с ЮВ на пятно могилы 3
после зачистки материка

Фото 22. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Вид с СВ на захоронение
человека и лошади в могиле 3

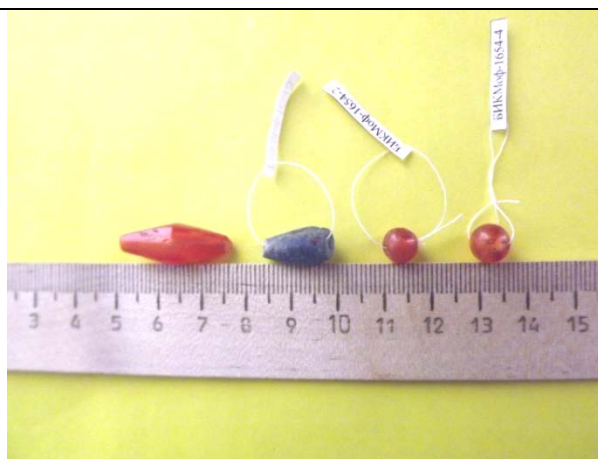

Фото 23. Курганная группа Конеево.
Курган №2. Находка из могилы 4.
Курган №3. Находки из могилы 2

Фото 24. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Находки из могилы 1

Фото 25. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Находка из могилы 1

Фото 26. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Находка из могилы 1

Фото 27. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Находка из могилы 1

Фото 28. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Находка из могилы 1

Фото 29. Курганная группа Конеево.
Курган №3. Находка из могилы 2

Фото 30. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Находки из могилы 6

Фото 31. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЮЮОВ на насыпь
до начала раскопок

Фото 32. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Процесс раскопок. Слева
направо: Данил Едаменко, Евгений
Зайцев, Михаил Илюшин

Фото 33. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с В на южную часть
раскопа кургана №3 после
зачистки материка

Фото 34. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с СВ на перешеек рва
«вход» в сакральное пространство

Фото 35. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с С на захоронение
шкуры лошади и пятно могилы 1

Фото 36. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЮВ на следы грабежа
могилы 2 в кургане №4 после зачистки

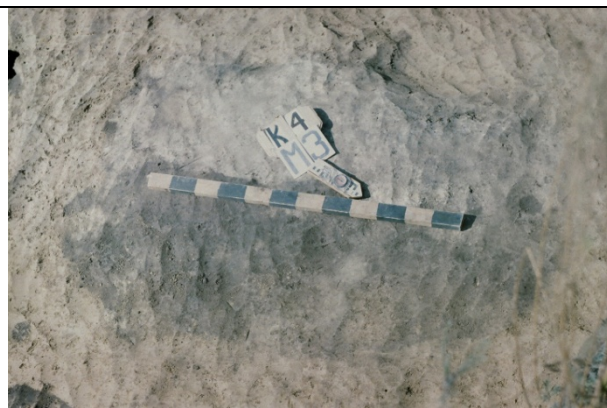

Фото 37. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ССВ на пятно могилы 3
в кургане №4 после зачистки материка

Фото 38. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ССВ на захоронение
человека и шкуры лошади в могиле 3

Фото 39. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ВСВ на пятно могилы 5
после зачистки материка

Фото 40. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЗЮЗ на захоронение
шкуры лошади в могиле 5

Фото 41. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЗЮЗ на захоронение
мужчины в могиле 5

Приложение 1

Фото 42. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с Ю на захоронение
ребенка в могиле 6 после зачистки

Фото 43. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЮЮОВ на пятно
могилы 8 после зачистки материка

Фото 44. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЗЮЗ на захоронение
мужчины и шкуры лошади в могиле 8

Фото 45. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ВСВ на захоронение
мужчины и шкуры лошади в могиле 8

Фото 46. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ЮЮОВ на пятно
могилы 9 после зачистки материка

Фото 47. Курганная группа Конеево.
Курган №4. Вид с ССВ на захоронение
женщины в могиле 9

Приложение 2

М.П. Рыкун

Томский государственный университет, Томск

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КОНЕВО (коллекция 242 КА ТГУ)

Курган 1, могила 1. Поврежденная нижняя челюсть, прижизненная потеря коренных зубов (M_1 , M_2) справа (КА ТГУ № 5456). Посткраниальный скелет: бедренная левая, плечевая (межмышцелковое отверстие), локтевая, лучевая левые, таз, крестец. Наблюдаются дегенеративно-дистрофические изменения костно-суставного аппарата (плечевой, запястный, тазобедренный суставы, позвоночник). Без сомнения, женщина (были роды) до 50 лет.

Курган 1, могила 2. Черепная крышка, лицевой отдел черепа, нижняя челюсть (КА ТГУ № 5457). Мужчина до 60 лет, европеоидного облика, возможна небольшая монголоидная примесь. Зубы верхней челюсти сильно стертые, правый клык смещен, между передними резцами имелась щель, сильно развит зубной камень. На нижней челюсти симметрично на уровне премоляров (P_1 , P_2) обнаружены лингвальные экзостозы (*Torus mandibularis*), что свидетельствует в пользу большой механической нагрузки на зубной аппарат. Посткраниальный скелет представлен костями пояса нижних и верхних конечностей, таз, крестец без сомнения мужские. Судя по дегенеративно-дистрофическим изменениям, индивид испытывал большие нагрузки на позвоночник, особенно в поясничном отделе. В области локтевых суставов также имеются патологические изменения. Ключицы очень длинные, на правой имеется сросшийся перелом. Она несколько укорочена и деформирована, в средней трети ее длины имеется суживающийся дефект со сглаженными контурами, возможно, это последствие ранения (острым колющим оружием), что вызвало перелом. Краевые разрастания суставных концов ключицы свидетельствуют о компенсаторной реакции костной ткани и преждевременной изнашиваемости суставов (*Рохлин Д.Г.*, 1965, с. 66-67, рис. 14В).

Курган 2, могила 1. Поврежденный полный череп, нижняя челюсть (КА ТГУ № 5458). Вставные косточки в ламбдовидном шве. На нижней

челюсти отсутствуют два центральных резца, видимо, прижизненная потеря (травма). Фиксируется несоответствие стертости и облитерации швов мозговой части черепа, видимо, это связано с полноценным питанием и сильной иммунной системой организма. Стертость зубов слабая и соответствует 25-30 годам, в то время как внутренние швы закрыты, а наружные частично, что соответствует 45-50 годам. По морфологическим признакам мужчина около 50 лет. Посткраниальный скелет плохой сохранности, по тазовым костям мужчина. Патология грудных позвонков.

Курган 2, могила 2. Поврежденный череп и лицевая часть, нижняя челюсть молодого индивида не более 15 лет (**КА ТГУ № 5459**). Посткраниальный скелет полный, эпифизы не приросли (12-15 лет), по тазу пол не определяется.

Курган 2, могила 3. Черепная коробка без основания, нижняя челюсть с зубами (стертость, зубной камень) (**КА ТГУ № 5460**). На теменных костях в области обелиона небольшое вдавление вокруг сагиттального шва в форме равнобедренного треугольника с основанием в области ламбды. Возможно, это компенсаторная реакция на натяжение волос, что бывает при стягивании в пучок, хвост, косички (*Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989, с. 58*). По морфологическим признакам черепа, скорее всего, женщина 50-60 лет. Височная кость в области суставных бугорков (справа и слева) ближе к нижнечелюстной ямке, фиксируется остеопороз. Полный посткраниальный скелет с дегенеративно-дистрофическими изменениями левого коленного сустава, ключиц, лопаток, позвоночника. Патология 5-го поясничного позвонка – остистый отросток не прирос! По морфологии таза женщина (рожавшая) старческого возраста.

Курган 2, могила 4. Полный череп, нижняя челюсть, скорее всего, мужчины 40-45 лет, монголоидного облика (**КА ТГУ № 5461**). Зубы очень хорошие, только имеется зубной камень, признаки гипоплазии свидетельствуют о пищевом стрессе в детском возрасте. Полный посткраниальный скелет, морфологически по тазу женоподобный. Однако хорошо выраженные морфологические признаки черепа и монголоидный облик позволяют определить останки мужчины субтильного телосложения.

Курган 2, могила 6. Полный череп без лицевой части, массивная нижняя челюсть с зубами, скорее всего, мужчины около 50 лет (**КА ТГУ № 5462**). Посткраниальный скелет не полный и представлен поврежденными костями нижних конечностей, отличными костями верхних конечностей (от левой плечевой присутствует верхний эпифиз). Поврежденная левая тазовая кость по морфологии скорее женская. Однако, принимая во внимание возраст и особенности черепа, скорее мужчина субтильного телосложения.

Курган 2, могила 7. Поврежденный полный череп, нижняя челюсть, все зубы молодого индивида (пол?) 12-15 лет (**КА ТГУ № 5463**). Посткраниальный скелет полный, эпифизы не приросли.

Курган 3, могила 1. Черепная коробка без основания, височные, лицевые, верхняя челюсть, нижняя челюсть ребенка 8-9 лет (по зубам не более 10 лет) (КА ТГУ № 5464). От посткраниального скелета в наличии правые кости.

Курган 3, могила 2. Обломки черепа, обломок нижней челюсти, зубы (гипоплазия), поврежденный посткраниальный скелет ребенка 5-6 лет (КА ТГУ № 5465).

Курган 3, могила 3. Полный череп с поврежденной лицевой частью, нижняя челюсть (зубы не все) мужчины 20-25 лет (КА ТГУ № 5466). Крупная асимметричная черепная коробка (уплощение левой теменной кости и выпячивание правой), вставные косточки в ламбдовидном шве. Посткраниальный скелет полный. Таз, безусловно, мужской. Фиксируется ассимиляция крестцом копчика, что происходит при недоразвитии межпозвоночной ткани (из нее развиваются межпозвоночные диски и другие элементы суставов и полусуставов) между костными элементами (Рохлин Д.Г., 1965, с. 158-159, рис. 77В). Сидеть или скакать на лошади это не мешает, т.к. копчик повернут в сторону и немного вперед, а не назад. Обычно такая ассимиляция не связана с теми или иными неудобствами или болезненными ощущениями (Рохлин Д.Г., 1965, с. 157).

Курган 4, могила 1. Черепная крышка без основания, лицевая часть, зубы (гипоплазия на резцах, зубной камень, пародонтоз?), поврежденная нижняя челюсть мужчины около 40 лет (КА ТГУ № 5468) европеоидного облика. Стертость зубов до половины коронки. Посткраниальный скелет полный, таз, безусловно, мужской, отмечены дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника. Обнаружено неподвижное срастание пятого поясничного позвонка с крестцом (Рохлин Д.Г., 1965, с. 156). На правой плечевой кости зафиксировано межмышцелковое отверстие. Чаще всего такая особенность фиксируется на женских плечевых костях. В данном случае, наличие такого отверстия, возможно, свидетельствует о большей нагрузке на правую руку.

Курган 4, могила 2. Остатки от двух индивидов. 1. Обломки черепа, нижняя челюсть с атрофией альвеолярного края в области моляров (патология зубной системы) мужчины около 40 лет (КА ТГУ № 5467). 2. Затылочная кость и часть лобной кости молодого индивида 15 лет (Запас).

Курган 4, могила 3. Полный череп, нижняя челюсть женщины 22-25 лет (КА ТГУ № 5469) европеоидного облика, возможно, с небольшой монголоидной примесью. Полный посткраниальный скелет, таз, крестец, безусловно, молодой (не рожавшей) женщины.

Курган 4, могила 4. Фрагменты посткраниального скелета ребенка до 1 года (Запас).

Курган 4, могила 5. Обломки черепа, нижняя челюсть, зубы (зубной камень), атрофия альвеолярного края нижней челюсти в области вторых премоляров, всех моляров, прикорневые кисты (?). Патология костной тка-

ни по всей наружной и внутренней поверхности, дегенеративно-дистрофические изменения в височно-нижнечелюстном суставе, атрофия альвеолярного края верхней челюсти (КА ТГУ № 5470). Полный посткраниальный скелет, патология костной ткани, дегенеративно-дистрофические поражения суставов, позвоночника. По морфологии таза и крестца пол мужской. По черепу и посткраниальному скелету также мужчина около 50 лет.

Курган 4, могила 6. Фрагменты черепа и посткраниального скелета новорожденного (КА ТГУ № 5471).

Курган 4, могила 7. Обломки черепа, нижняя челюсть, зубы, посткраниальный скелет ребенка 1,5-2 года (КА ТГУ № 5472).

Курган 4, могила 8. Полный череп, без нижней челюсти (КА ТГУ № 5473). Височная кость (справа) в области суставного бугорка, остеопорозные изменения. Зубы верхней челюсти сильно стертые (до корня), в то время как швы черепной коробки дают возраст не более 45 лет. Кроме того, травмы премоляров и правого моляра свидетельствуют о механической нагрузке на эти зубы, возможно, их использовали в хозяйственной деятельности. Посткраниальный скелет не полный, отсутствуют бедренные кости и правые кости верхних конечностей. Зафиксированы дегенеративно-дистрофические поражения конечностей, тазовых костей, крестца, позвоночника (шейные позвонки отсутствуют). Верхний эпифиз левой плечевой кости имеет деформирующий артроз, нижний эпифиз имеет деформирующий артроз со шлифовкой суставной поверхности до блеска. Данная ситуация возникает при гибели суставного хряща, трение поверхностей вызывает болевые ощущения. На лопаточной кости обнаружено сквозное отверстие с ровными краями, скорее всего, результат ранения колющим оружием.

Курган 4, могила 9. Посткраниальный скелет не полный, возможно, девушки около 20 лет.

Курган 4, могила 11. Части посткраниального скелета: диафизы нижних конечностей, правая верхняя конечность с признаками дегенеративно-дистрофических изменений, возможно, мужчины более 50 лет.

По результатам предварительного определения пола и возраста костных антропологических материалов из курганной группы Конево (табл. 1) можно сделать ряд выводов.

1. Судя по состоянию зубной системы можно говорить о большой механической нагрузке на зубы. Наличие линейной гипоплазии эмали свидетельствует о пищевом стрессе в детском возрасте, что, возможно, связано с переходом от грудного вскармливания к обычной взрослой пище, а также с ослаблением иммунной системы и перенесением воспалительных или инфекционных заболеваний. Наличие зубного камня в исследуемой серии говорит об употреблении достаточного количества мясной пищи и о недостаточной санации ротовой полости (Тур С.С., Рыкун М.П., 2008, с. 193-

194). Образование зубного камня имеет сложную этиологию и, несомненно, связано с пищевым рационом исследуемой популяции. Более точные выводы можно сделать при комплексном анализе антропологического материала на наличие таких заболеваний, как кариес и пародонтоз.

2. По состоянию посткраниального скелета определяется тяжелая физическая нагрузка на область пояса нижних конечностей, а также на верхние конечности. Фиксируются травмы у мужской части населения (перелом, ранения). Перечисленные выше факты свидетельствуют о пищевом стрессе, неблагоприятном состоянии быта и тяжелой физической нагрузке (образе жизни), возможно, и напряженной социальной обстановке.

3. Обнаруженные челюстные экзостозы (курган 1, могила 2, № 5457, мужчина до 60 лет) в сочетании с повышенным травматизмом и стертости зубов в данной группе позволяют предположить, что компенсаторная реакция зубо-челюстного аппарата на биомеханический стресс, в виде *torus mandibularis*, связана с практикой использования зубов в быту в качестве инструмента.

Литература

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балыева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 103 с.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. – М.-Л.: Наука, 1965. – 203 с.

Тур С.С., Рыкун М.П. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/2. – С. 191-198.

Таблица 1

Результаты предварительного определения пола и возраста костных антропологических материалов из курганный группы Конево

№№ п/п	Курган, могила	Сохранность материала	Пол	Возраст, лет	Инв. № КА ТГУ
1	к. 1, м. 1	Повр. н/ч, посткран. ск. левая половина	женский	40-50	5456
2	к. 1, м. 2	Ч. крш., лиц., н/ч, посткран. ск. полный	мужской	50-60	5457
3	к. 2, м. 1	Повр. п. ч., н/ч, посткран. ск. плохой сохранности	мужской	45-50	5458
4	к. 2, м. 2	Повр. ч. лиц. ч., н/ч, посткран. ск. полный	подросток	infantilis II. не более 15	5459
5	к. 2, м. 3	Крш., н/ч, посткран. ск. полный	женский	50-60	5460
6	к. 2, м. 4	П. ч., н/ч, посткран. ск. повр.	мужской	40-45	5461
7	к. 2, м. 6	П. ч. без лиц. ч. н/ч, посткран. ск. не полный	мужской	40-50	5462

Приложение 2

8	к. 2, м. 7	Повр. п. ч., н/ч, посткран. ск. полный	подросток	infantilis II 12-15 лет	5463
9	к. 3, м. 1	Ч. к. без осн., височ., лиц., верх. и н/ч, посткран. не полный	ребенок	infantilis II 8-9 лет не более 10 лет	5464
10	к. 3, м. 2	Обл. ч., фрагм. н/ч, посткран. ск. повр.	ребенок	infantilis I. 5-6	5465
11	к. 3, м. 3	П. ч. с повр. лиц. ч., н/ч, посткран. ск.	мужской	20-25	5466
12	к. 4, м. 1	Крш., лиц. отдел, н/ч повр., посткран. ск. полный	мужской	около 40	5468
13	к. 4, м. 2, ск. 1	Обл. ч., н/ч	мужской	около 40	5467
14	к. 4, м. 2, ск. 2	Затыл. кость, часть лобной	подросток	около 15	запас
15	к. 4, м. 3	П. ч., н/ч, посткран. полный	женский	22-25	5469
16	к. 4, м. 4	Фрагм. посткран. ск.	ребенок	до 1 года	запас
17	к. 4, м. 5	Обл. ч., н/ч, посткран. ск. полный	мужской	около 50	5470
18	к. 4, м. 6	Фрагм. ч., н/ч, посткран. ск.	ребенок	новорожденный	5471
19	к. 4, м. 7	Фрагм. ч., н/ч, посткран. ск.	ребенок	1,5-2 года	5472
20	к. 4, м. 8	П. ч., без н/ч, посткран. ск. не полный	мужской	40-45	5473
21	к. 4, м. 9	Посткран. ск. не полный	женский (?)	20-22	запас
22	к. 4, м. 11	Посткран. ск. не полный, плохой сохр.	мужской	50-60	запас

Приложение 3

С.А. Пилипенко

*Сибирская государственная геодезическая академия,
Новосибирск*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕРЕСТЯНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КОНЕВО

В 2003-2004 годах на административной территории Беловского района Кемеровской области ККАЭЭ под руководством А.М. Илюшина проводила аварийные раскопки средневекового археологического памятника – курганной группы Коневе. При исследовании в четырех случаях (в кургане №1 могила 1 и кургане №2 могилы 2, 4 и 6) было зафиксировано применение берестяных конструкций, иногда в сочетании с деревом. Для более детального исследования, фрагменты берестяных погребальных конструкций были переданы автору данной работы. В разборе и изучении этих погребальных конструкций принимали активное участие члены этноархеологического клуба «Кыпчак» Сибирской государственной геодезической академии.

Применение бересты в погребальном обряде средневековых кочевников юга Западной Сибири имело широкое распространение, играя огромную роль в бытовой и духовной жизни. Само дерево – береза, воспринималось жителями Сибири как дерево жизни (*Пилипенко С.А.*, 2003, с. 374-375). Поэтому применение средневековым населением Кузнецкой котловины в погребальной практике бересты надо рассматривать в технологическом и сакральном аспектах. Данная работа рассматривает технологический аспект выявленных артефактов.

Актуальность рассматриваемого вопроса заключается в том, что на территории Западной Сибири и Кемеровской области, в частности, отсутствуют обобщающие работы на данную тему. Хотя известно большое количество средневековых памятников раннего и развитого средневековья, в которых встречены отдельные детали погребальных конструкций и артефакты из бересты разной степени сохранности (*Бобров В.В.*, 2010, с. 181; *Илюшин А.М.*, 1992, с. 110; 1993, с. 15; и др.). Некоторые из них после реконструкции позволяют судить о разных сторонах жизни средневековых жителей Кузнецкой котловины (*Илюшин А.М.*, 1999, с. 126-127; *Пилипенко С.А.*, 2007, с. 159-162). В то же время, эти находки говорят о широком использовании бересты как сырья для хозяйственных и бытовых нужд.

Берестяные погребальные конструкции, как выяснилось, имеют сложную и подчас неповторимую технологическую схему кроя. Изучение технологических особенностей конструкции погребального сооружения позволяет выйти на реконструкцию этнографических приемов обработки бересты, имеющих свои региональные особенности. Что, в свою очередь, со временем позволит проследить распространение различных технологических особенностей и приемов берестяного промысла в сибирском регионе. Береста, как правило, имеет плохую сохранность в археологических памятниках, что еще больше повышает ее значение как источника редкой и ценной историко-культурной информации.

При исследовании берестяных конструкций из раскопок курганной группы Конево наиболее значимые элементы изучались в камеральных условиях. Все четыре погребения имели одну особенность: это были погребения человека с конем или шкурой коня. Костные останки животного, как правило, располагались на ступеньке, а погребенный человек лежал ниже коня в той же яме или подбое.

Во всех случаях береста сохранилась хорошо. Анализ имеющихся материалов позволил зафиксировать основные стадии заготовки и обработки берестяного сырья для погребальных конструкций. Учитывая особенности усыхания и увлажнения бересты в различные периоды года, можно отметить факт заготовки бересты весной и летом (май – июнь). На всех берестяных листах отсутствуют следы луба, а также почти отсутствуют следы подрезки ножом, которые остаются, если бересту снимают с усилием. В пользу этого вывода свидетельствуют этнографические данные, указывающие на то, что заготовка бересты в Сибири велась как в весенне-летний период, так и осенью. Аналогичные сроки заготовки бересты совпадают с традициями Тарского населения р. Тары, Барабы (*Богомолов В.А.*, 1987, с. 113; *Богомолов В.А.*, *Мельников Б.В.*, 1997, с. 61), кетов (*Алексеев Е.А.*, 1976, с. 167-168) и алтайцев (*Бельгибаев Е.А.*, 2006, с. 153-158). В пользу гипотезы о том, что изучаемые погребения были совершены весной или летом, указывает значительная глубина грунтовых погребальных ям. Так как в зимнее время земля сильно промерзает, и соорудить такие, довольно аккуратные, как в данном случае, могилы сложно.

Хорошее качество заготовок говорит о том, что мастер выбирал целенаправленно деревья с хорошей берестой. Как правило, такие деревья росли в заболоченных низменностях и на склонах. Все берестяные детали были сняты так называемым пластовым методом при помощи ножей среднего размера. Заготовки представляли собой прямоугольные и квадратные листы разной величины, которые использовались мастером в зависимости от нужд и замыслов.

После снятия кора подвергалась первичной обработке. Ее очищали от белого внешнего слоя и резали на нужные куски, а, если требовалось, сшивали в более крупные полотнища, как встык, так и внахлест. Подвергались

ли фрагменты бересты вывариванию, сказать сложно из-за сохранности. Наиболее вероятно, что в основной своей массе вываривание отсутствовало. Для работы использовался в основном нож, которым бересту резали и надрезали при снятии с дерева и монтаже изделий, подрезали сучки и лишние выступы от почек с лицевой – белой стороны, пробивали отверстия для жгута.

Зафиксировано использование игл диаметром 0,2-0,3 см и овального железного стержня диаметром 0,6 см, возможно, шила. Для сшивания полотнищ использовали два вида соединительных материалов: тонкую нить, возможно, крапивы, толщиной 0,3 см и жгут сарги, плоского, в сечении размером 0, 25-0,7 см. При сшивании листов использовался один тип шва – прямая строчка, который выполнял разные функции: соединение двух листов, прошивка торцов берестяных чехлов. Шаг шва от 2-3 см до 10-15 см, в зависимости от типа изделия.

Перейдем к описанию берестяных погребальных конструкций.

Курган №1, могила 1.

Погребение женщины было помещено на берестяную подстилку из цельного листа бересты, белой стороной вниз, рисунком поперек листа (рис. 1, 1). Размер 2,6×0,4 м. Края листа аккуратно обрезаны ножом, наросты подрезаны. Погребенная женщина лежала в подбое ниже уровня приступка, на котором располагалось чучело коня. Над погребением на уровне приступка было перекрытие из лежащих поперек деревянных плашек шириной 5-7 см, длиной 10-15 см. Остатки перекрытия были зафиксированы в ЮЗ и СЗ частях могильной ямы.

Курган №2, могила 2.

Погребение девушки было помещено в берестяной чехол, размещенный в подбое ниже уровня приступка, на котором располагалось чучело коня. Над погребенной на уровне приступка было перекрытие из лежащих поперек деревянных плашек шириной 10-12 см, длиной до 1 м. Остатки перекрытия были зафиксированы в СВ части могильной ямы (рис. 1, 2). Плахи заходили на ступеньку, наполовину своей длины доходя до чучела коня.

Вначале на дно ямы положили берестяную подстилку из цельного листа, рисунком волокон поперек листа, белой стороной вниз. Внешняя, белая поверхность была аккуратно выскоблена ножом, наросты подрезаны.

Поверх подстилки положили берестяной чехол размерами 1,8×0,6 см, состоящий из цельного листа, согнутого продольно. Загиб листа расположен справа от погребенной. Рисунок волокон полотна расположен поперек листа. Края листа, обрезанные ножом, были сложены вместе, подогнуты вверх на 10 см и пришиты к верхней части чехла. По всему краю заворота ножом были пробиты отверстия и пропущен плоский жгут из сарги шириной 0,35-0,4 см. Возможно, торцы тоже были прошиты. После чего над берестяным чехлом соорудили деревянное перекрытие.

Курган №2, могила 4.

Погребение мужчины было совершено в двухступенчатой могильной яме (рис. 1, 3). Доступ на уровень погребения человека был закрыт хорошо сохранившейся перегородкой из дерева и бересты. Погребенный был помещен в берестяной чехол, состоящий из цельного полотна, рисунком волокон поперек листа.

Загиб листа савана справа от погребенного. Нижний край савана подогнули на 7 см вовнутрь и, наложив сверху верхний край листа, саван прошили швом в строчку по торцам вместе с берестяным листом, служившим перекрытием. Рисунок волокон пришитого к берестяному савану перекрытия поперек листа.

Внутри савана положили берестяную подстилку, состоящую из нескольких листов прямоугольной формы. Листы подстилки соединены внахлест и сшиты между собой саргой, швом в строчку с большим шагом в 10-15 см. Ширина жгута сарги 0,3-0,7 см.

Погребение располагалось на нижней ступени грунтовой ямы и было отделено от камеры с конем вертикальной хорошо сохранившейся перегородкой из бересты на деревянном каркасе. Каркас состоял из вертикальных плашек высотой 37-40 см, расположенных на расстоянии 10-15 см. Стенка крепилась следующим образом. Плашки на 1/3 заходили за ступеньку, а верхние концы лежали на ее козырьке. Между плашками располагались два ряда берестяных полотнищ, состоящих из прямоугольных листов размером 37-40×60 см, рисунком волокон коры поперек листа. Листы соединялись внахлест – первый ряд и со смещением на 1/3 – второй ряд, образуя единую ленту. Между рядами листов стояли плашки каркаса. Края берестяной ленты обматывались вокруг крайних плашек на два оборота, натягивая берестяную ленту стенки. Кроме того, край каждого листа оборачивался вокруг плашек так же на два оборота. Листы сшивались между собой жгутом сарги.

После установки плашек на них накладывалось два слоя бересты. Листы первого слоя укладывались встык, оборачиваясь краем листа вокруг плашек. Второй слой укладывался со смещением так, что стык двух листов первого слоя приходился на середину листа из второго слоя. Возможно, листы второго слоя так же укладывались встык. Нижний край стенки слегка подгибался на ступеньке, не давая земле попасть в соседнюю камеру.

Надо отметить одну интересную деталь в конструкции этого погребального сооружения. Внутренняя подстилка внутри берестяного чехла и берестяная стенка-перегородка имеют один общий технологический прием – прошивка жгутом сарги и наложение листов встык. Этот своеобразный «почерк» говорит о том, что оба изделия, скорее всего, были изготовлены одной рукой или одним и тем же человеком, проявившим через эти изделия свой профессиональный «стиль». Хотя вряд ли можно говорить о специализации отдельных кочевников. Согласно этнографическим данным,

мелкие берестяные изделия изготавливались женщинами, а крупные – мужчинами.

Курган №2, могила 6.

Погребенный мужчина был помещен на берестяной подстилке в подбое, ниже уровня приступки, на которой располагалось чучело коня. Края листов обрезаны ножом. Рисунок волокон бересты поперек листа. Берестяное полотнище состоит из двух листов: первого – подстилки и второго – листа, идущего от СВ края подстилки, заходя на ступеньку. На ступеньке под чучелом коня бересты не зафиксировано. Не ясно, было ли перекрытие сверху (рис. 1, 4).

Использование бересты в погребальных конструкциях курганной группы Конеево находит широкий круг аналогий как в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1993, с. 32; Бобров В.В., 1997, с. 108; Савинов Д.Г., 1997, с. 77), так и за ее пределами (Адамов А.А., 2000, с. 17; Плетнева Л.М., 1997, с. 80; Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 87; Росляков С.Г., Пилипенко С.А., Князев А.О., 1996, с. 129; и др.).

Выделенные нами технологические особенности позволяют выявить более конкретные аналогии. Данную группу надо рассматривать в рамках аналогичных погребений шкуры коня в подбое. Захоронения в подбоях в последние годы выявлены в ряде средневековых памятников первой половины II тыс. н.э. юга Западной Сибири (Кузнецов Н.А., 2001, с. 42-44; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 126; Ануфриева Е., Мальгина Е., Шатова М., 2000, с. 64-73).

Сочетание подбоя и захоронения коня или его шкуры в тюркских могилах, по мнению многих исследователей, связано с влиянием уйгуров в предшествующую эпоху. По мнению Д.Г. Савинова и В.А. Могильникова, уйгуры могли принимать участие в формировании культуры кимаков и населения Кулунды конца I тыс. н.э. (Могильников В.А., 1981, с. 66; Савинов Д.Г., 1994, с. 106).

Использование берестяных конструкций в сочетании с поперечным перекрытием находит аналогии в погребениях золотоордынского времени Лесостепного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 126). Появление погребений в подбоях у западных кыпчаков – половцев Поволжья связывают с приходом монголов и других племен с востока (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 60). Возможно, появление традиции захоронения в подбое у западных кыпчаков-половцев и других территориях так же следует связывать с монгольскими завоеваниями.

В могилах 2 и 4 кургана №2 захоронения совершены в берестяных чехлах (рис. 1, 2, 3). Аналогичные по конструкции берестяные чехлы зафиксированы в трех случаях в Новосибирском Приобье на могильнике Санаторный-1 (Пилипенко С.А., 2000, с. 44). Отличие конструкций берестяных чехлов из Санаторного-1 в том, что между наложенными друг на друга краями савана прокладывалась узкая берестяная лента шириной 4-5 см,

а затем края листов сшивались. Внутри берестяного чехла из кургана №20 погребение 10 курганного могильника Санаторный-1 нами была зафиксирована берестяная подстилка, как и в берестяном саване из кургана №2 погребение 4 на курганной группе Конево. Края саванов по торцам так же прошивались.

Перекрытия берестой ступеньки с конем в погребениях с подбоями зафиксированы в Новосибирском Приобье в курганах №11 и №26 погребениях 1 и 2 соответственно курганного могильника Санаторный-1 (*Ануфриева Е., Мальгина Е., Шатова М., 2000, с. 110; Пилипенко С.А., 2000, с. 43-44*).

Наибольший интерес представляет хорошо сохранившаяся перегородка в кургане №2 могила 4. Деревянные перегородки в погребениях с подбоями на юге Западной Сибири известны в Новосибирском Приобье – курган №26 погребение 2 курганного могильника Санаторный-1. Наклонные деревянные плашки закрывали доступ в подбой, отделяя человека от коня. Плашки стояли на расстоянии 25-30 см (*Ануфриева Е., Мальгина Е., Шатова М., 2000, с. 110*). Между плашками были встречены вкрапления частиц белого цвета, скорее всего берестяной тлен. Таким образом, на основе хорошо сохранившейся перегородки из кургана №2 могила 4 можно дополнить недостающие элементы для воссоздания подобных внутримогильных конструкций. В Алтайском крае в детском погребении монгольского времени из курганного могильника Телеутский Взвоз-1, вход в подбой, так же как и в указанном случае в Конево, был закрыт вертикально стоящими деревянными плашками. Береста в конструкции стенки отсутствует. В этом погребении не было коня. В Томском Приобье, на Астраханцевском курганном могильнике курган №3 погребение 2, в погребении с конем, но без подбоя, также зафиксирована перегородка из вертикально стоящих плашек (*Плетнева Л.М., 1997, с. 12*). На юге Западной Сибири перегородка из дерева и бересты такой хорошей сохранности встречена впервые.

Продланное исследование берестяных погребальных конструкций из средневекового памятника археологии курганной группы Конево в Кузнецкой котловине позволило выявить и систематизировать невзрачные и малоинформативные, на первый взгляд, фрагменты берестяных погребальных конструкций. В свою очередь, это позволило установить, что в общих чертах берестяной промысел на рубеже XII-XIII вв. н.э. на территории этого региона был тождествен этнографическим данным. Население активно использовало бересту в погребальной практике, используя разные типы погребальных конструкций: от простых – подстилки, до более сложных – берестяные чехлы из цельного полотнища (по принципу заворачивания), в сочетании с подстилками и перекрытиями. Подстилки выполняли как самостоятельную функцию, так и дополнительную, уплотняя берестяные чехлы, как внутреннюю вкладку. Среди изученных фрагментов не было

выявлено ни одного со следами вторичного использования. Возможно, это свидетельствует о том, что погребения были совершены в период весенне-летних заготовок берестяного сырья, с подбором материала под конкретные берестяные чехлы.

Дальнейшее изучение и систематизация берестяных изделий позволит нам составить более полное представление о традициях средневекового берестяного промысла юга Западной Сибири.

Литература

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск, 2000. – 256 с.

Алексеев Е.А. Народная техника обработки дерева у кетов // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 167-168.

Ануфриева Е., Мальгина Е., Шатова М. Особенности погребального комплекса кургана 26 могильника Санаторный-1 // Материалы юношеских полевых семинаров (1999-2000 гг.): Сб. тез. и докл. – Новосибирск, 2000. – С. 110.

Бельгибаев Е.А. Традиционная берестяная утварь Туба // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (материалы Всерос. науч.-практ. конф.). Вып. XV. – Барнаул, 2006. – С. 153-158.

Бобров В.В. Курган могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997. – С. 108-116.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. – Кемерово, 2010. – 276 с.

Богомолов В.А. Изделия из бересты Барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987. – С. 113.

Богомолов В.А., Мельников Б.В. Изделия из бересты у населения XVII-XVIII вв. бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 2: Культура Тарских татар. – Новосибирск, 1997. – С. 58-68.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины р. Бачат. – Кемерово, 1993. – 116 с.

Кузнецов Н.А. Курганы с подбоем в Кузнецкой котловине // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2001. – С. 42-44.

Могильников В.А. Кимаки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 43-45, 132-133.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск, 1992. – 128 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – Новосибирск, 2004. – 184 с.

Пилипенко С.А. Некоторые итоги исследований берестяных конструкций (по материалам могильника Санаторный-1) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы науч. конф. Т. 2. – Новосибирск, 2000. – С. 43-44.

Пилипенко С.А. Береста в мировоззрении хантов // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всерос. (с междунар. участием) 43-й археолого-этнографической конф. молодых ученых. – Томск, 2003. – С. 374-375.

Пилипенко С.А. Реконструкция средневековых берестяных сумочек для зеркал из Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Материалы региональной науч.-практ. конф. Вып. XVI. – Барнаул, 2007. – С. 159-162.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997. – 350 с.

Росляков С.Г., Пилипенко С.А., Князев А.О. Могильник Санаторный-1 и некоторые вопросы этнокультурной характеристики Новосибирского Приобья в начале II тыс. н.э. // Археология и палеоэкология и этнология Западной Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI РАСК. Ч. 2. – Иркутск, 1996. – С. 129-131.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово, 1994. – 216 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 77-99.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул, 2002. – 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Нижнего Поволжья под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – 270 с.

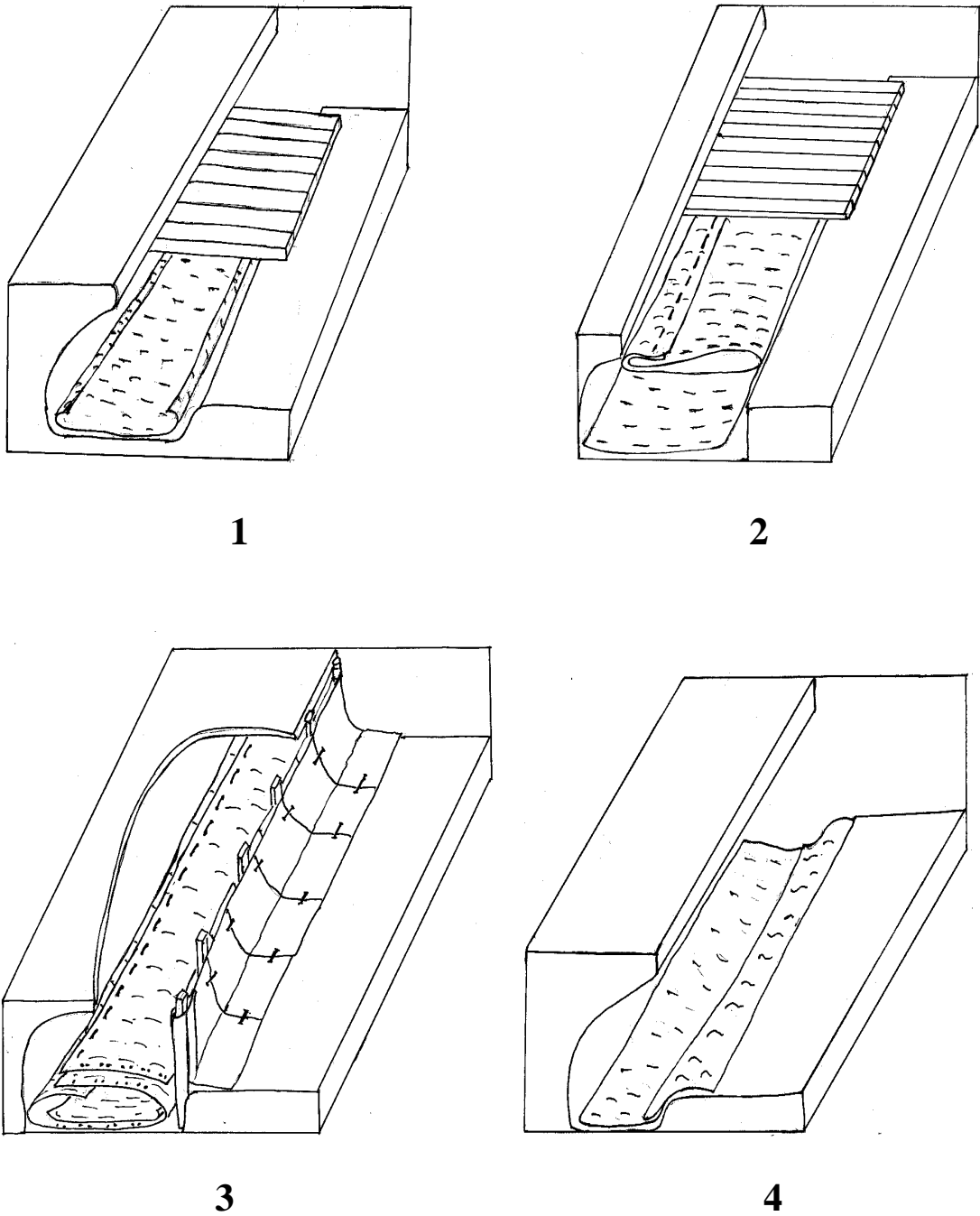

Рис. 1. Реконструкция погребальных сооружений внутри
грунтовых могильных ям на курганной группе Конево:
1 – курган №1, могила 1; 2 – курган №2, могила 2;
3 – курган №2, могила 4; 4 – курган № 2, могила 6

SUMMARY

In monographies new materials of archeological excavations for the first time are published and entered into a wide scientific turn barrows groups Konevo which represents object of a historical and cultural heritage of nomads of the late Middle Ages in territory of the Kuznetsk hollow. Materials of archeological excavations on barrows to group Konevo are described in chapter 1 and presented in three appendices. In the first appendix drawings, drawings and photos of the dug out objects and artifacts found in them are presented. In the second appendix, the executed M.P. Rykun, presents preliminary results of definition of bone anthropological materials. In the third appendix, the executed S.A. Pilipenko, presents results of research berestinyh funeral designs from.

New materials have been subjected analytical research. At a primary stage of the analysis classification of elements of a funeral ceremony and stock has been spent. Therefore 189 types of versions of various artifacts and elements of a funeral ceremony have been revealed. The comparative analysis of this data has allowed to investigate a question on chronology of tombs, pogrebalno-pominalnyh complexes and a monument, as a whole. Dating barrows groups Konevo boundary XII-XIII of centuries allowed to designate centuries a new problem which is connected with cultural-historical interpretation of the published materials.

The question of social structure of a society constructing barrows in a valley of the bottom current of the river Ur has undergone to special studying. On the basis of the statistical characteristic of types of subjects of funeral stock and types-signs of a funeral ceremony, the conclusion has been drawn on the big individuality of investigated materials at level of burials and barrows. It testify that the ethnic group, left to us in a heritage this monument, represented the integrated complex of various cultures of that epoch which was at a stage of formation of traditional fig. Possibly, the population which has left for descendants this monument, represented unity of different social and ethnographic groups which were at an early stage of association and were carriers of the ethnocultural traditions. The insignificant quantity of the population fixed in Konevo, has allowed to state a hypothesis that this funeral monument belonged to the big family in 2-3 generations. Under embankments of barrows and in a ditch along with burials kiphakovs representatives of dominating ethnographic group representatives of other ethnographic groups connected with the first marriage and social and economic relations have been buried.

On the basis of studying pogrebalno-pominalnogo a ceremony and subjects of cult appointment the question on outlook that has allowed to draw a

conclusion about presence of paganism and shamanizma at the population constructing barrows in Konevo was investigated. It is noticed that the outlook of an ethnic group constructing this monument on a boundary of two historical and cultural epoch was in a condition of internal evolution of the picture of the world directed on transformation and thinking principles.

Ethnocultural research of new materials which have been interpreted as the certificate of residing of one of ethnic groups kiphakovs alien on boundary XII-XIII of centuries in the Kuznetsk hollow has been conducted. It has allowed to allocate specific ethnocultural lines pogrebalno-pominalnogo a ceremony of the population left in a heritage this unique monument of history and culture. Among them: the big earthen embankment of the roundish form located in sacral space dug round by a quadrangular ditch with an input-crosspiece in the northeast party; soil sepulchral holes with steps and a lining; in a lining people in the extended position on a back focused by a head on the east-northeast are buried; in feet buried are placed курдючные vertebrae of a ram; the bridled skins of horses (skulls and the bones of the feet which have been cut off on the third joint) settled down on steps to the left of women and to the right of men and have been focused by a head on the West-southwest; at tombs there are rests of saddles and subjects of horse equipment for riding.

As a whole, estimating special value of new materials, it is necessary to notice their boundary arrangement between political domination of Turkic and Mongolian nomadic cultures on a chronological scale that allows to present visually process of mutual relation of these cultures on northern periphery of Sajano-Altai at this time.

Оглавление

Введение.	3
Глава 1. Описание памятника и результатов раскопок.	6
Глава 2. Суммарная характеристика источника.	24
Глава 3. Датировка могил, курганов и памятника.	48
Глава 4. Социокультурный анализ и интерпретация артефактов.	71
Заключение.	96
Библиографический список и архивные материалы.	98
Список сокращений.	108
Приложение 1. Альбом рисунков и фотографий по результатам раскопок курганной группы Конево.	109
Приложение 2. М.П. Рыкун Результаты предварительного определения костных антропологических материалов из курганной группы Конево (коллекция 242 КА ТГУ).	170
Приложение 3. С.А. Пилипенко Результаты исследования берестяных конструкций из курганной группы Конево.	176
Summary.	185

Научное издание

**СЕРИЯ: ТРУДЫ КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКПЕДИЦИИ**

ТОМ 4

Илюшин Андрей Михайлович

**КУРГАНЫ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ
БЛИЗ УСТЬЯ УРА**

Монография

Редактор О.А. Вейс

Подписано в печать 23.07.2012. Формат 60×84/16
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,68. Уч.-изд. л. 11,00. Тираж 500 экз. Заказ 38

КузГТУ. 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28
Типография КузГТУ. 650000, Кемерово, ул. Д. Бедного, 4а